

Бездарность пепел соберет

От автора

И все-таки, кто они такие, гении? И чем, к примеру, отличаются от обычных людей? Почему только им дано право творить и мыслить за пределами человеческих возможностей, а простым людям не дано? За какие заслуги из всей многомиллиардной человеческой массы только эта крохотная горстка смертных поцелована Богом, а все прочие катятся прямым ходом к абсолютному забвению, поскольку жизнь обычных людей мало чем отличается от копошения червей?

А может, гениальность связана с аномалией, отклонением от нормы, или, проще говоря, — с сумасшествием? Так, по крайней мере, считает большинство населения планеты, которое квалифицировано, как «нормальное». Но если бы так полагали только маргинальные слои. Многие известные исследователи, врачи и деятели всевозможных наук без малейшего намека на юмор утверждают, что человеческая гениальность — это разновидность шизофрении. Между гениальным человеком, создающим свое произведение, и тронутым умом больного во время припадка наблюдается полнейшее сходство, — считают психиатры.

Я даже поначалу хотел назвать свою книгу «Записки сумасшедшего», но оказалось, что в мировой литературе произведений с таким заголовком видимо не видимо. У Гоголя, кстати, тоже есть такая повесть. Только мне непонятно, что автор хотел ей сказать — посмеяться над больным человеком, или привлечь внимание петербургской публики к своей персоне? Впрочем, ответа на вопрос, кто такие гении, Николай Васильевич в своей повести не дал.

О приступах гениальности я задумался после того, как написал половину этого труда. Первоначально я намеривался накропать скромный литературоведческий опус о поэзии, в котором хотел поднять тему о смысле стихотворного творчества, а заодно поразмыслить над тем, что представляло бы собой

человечество, не будь этого вида искусства? Последнего из смертных, которого волновал этот вопрос, звали Горацием. Это древнеримский поэт, живший в первом веке до нашей эры во времена Юлия Цезаря и Октавиана Августа.

Сегодня наш современник, не задумываясь, рубанет, что особого сакраментального смысла в стихах нет, и что для эволюции поэзия существенной роли не играла. Исчезни она навсегда, и никто не умрет в конвульсиях и не изойдет в прискорбных рыданиях по примеру Ярославны. Ведь ушли в забвение ритуальные танцы наших первобытных предков, и ничего — обходимся! Не пища же в конце концов!

Но мало, кто задумывался, что пища всего лишь питает физическое тело, которое дает временное пристанище вечной душе. Только душа, чтобы не зачахнуть, тоже нуждается в питании. «Бессмертие отнюдь не есть безусловный удел всех, — сказано в одной теософской книге. — Души сжимаются и угасают. Им свойственно сгорать до тла и полностью истощаться...».

Начав свои исследования в этом направлении, я с удивлением обнаружил, что течение человеческой эволюции протекает в тех же ритмах, в которых существует мировая поэзия. Возьмешь ли отрезок любого исторического периода, проанализируешь ли ход какой-нибудь войны, или просто взглядишься в жизнь отдельного человека — события в них так же, как и в поэтической метрике, чередуются в строгой ритмической последовательности.

И вот здесь только слепой не увидит, что если заданный ритм нарушается, — обрывается все. Как правило, жизнь заканчивается трагедией: либо неизлечимой болезнью, либо несчастным случаем, либо преждевременной кончиной.

Но с поэтическими творениями происходит то же самое! Долгая и здоровая жизнь (на десятки столетий и даже тысячелетия) уготована тем стихам, которые выдержаны в классических ритмах. Наскоро зарифмованные вирши дилетантов и сочинения графоманов забываются тут же, по мере их написания. Впрочем, ни для кого не секрет, что время неумолимо, и оно уничтожа-

ет все несовершенное. И чем ничтожнее творение, тем скорее оно обретает небытие.

Размышления о ритмах навели меня на извечный вопрос, который тянется за человечеством с древнейших времен, — об истинном месте человека во вселенной. На земле среди животного царства человек вроде как определился — он венец природы. Так он сам себя назначил, не спросив мнения у братьев наших меньших. Пусть так. Но кто он во вселенной? Точно ли венец творения, как утверждает Библия?

Древние греки, не знавшие Библии, были убеждены, что люди — это нечто среднее между животными и богами. Человек — существо развивающееся, а значит, в процессе эволюции может достичь божественных высот. Уже те из немногих, которые обладают поэтическим даром, находятся к богам ближе, чем остальные, потому что умеют творить. Ведь боги — тоже творцы.

Но с последнего определения греков о месте человека в бесконечности прошло более 2,5 тысяч лет. Человеческое общество изменилось. Оно познало высокие технологии, вкус к дорогим вещам и устойчивую привычку к комфорту. Оно возвело материальные блага до таких высот, что в людских грезах начисто стерлись все мысли о божественных чертогах. А ведь именно к ним, к божественным чертогам, стремились смертные на всем протяжении своей долгой и непростой истории.

Что представляет наше общество сегодня? Продолжает ли двигаться в сторону горних миров, или топчется на месте, утонув в своих незыблемых потребительских удовольствиях?

В современном мире мало кто озабочен этим вопросом, потому что общество перестало ценить гениев. В передовые ряды прорвалась те самые серые массы, которые древние называли обделенными, а в эпоху возрождения — бездарными. Ныне их называют заурядными. Эта блеклая часть человечества вышла из тени благодаря интернету.

Моя книга не о них. Она по большей части о гениях, которые упрямо продолжают рождаться, словно белые вороны в черной стае. Многие склонны

думать, что белая ворона — это ошибка природы. Но мне думается — это примерный экземпляр всего вороньего вида в будущем.

Чтобы понять, способен ли сегодняшний человек на дальнейшее восхождение к духу, мне пришлось исследовать все человеческие уровни. Ведь люди, несмотря на то, что одинаково одеты, едят одинаковую пищу и выпитывают одни и те же плоды массовой культуры, пребывают на разных интеллектуальных и духовных уровнях. Когда-нибудь об этом будут преподавать в школах. Ведь на основе знаний о человеке Платон и написал свой знаменитый трактат «Об идеальном государстве».

Какое же определение можно дать сегодняшнему обществу потребителей? Если исходить из того, что плодами человеческой деятельности по-прежнему является искусство, то художников, как и в античные времена, можно отнести к путникам, бредущим из животного царства к божественным чертогам. Но к чему отнести основную массу общества, не производящую никаких плодов? Если дать чисто прагматическое определение, то пожалуй — к бесперебойной машине, перерабатывающей продукты питания в дерьмо.

Об этом позже. А вначале были ритмы. Предлагаю, читатель, поразмыслить на тему ритмов, и тогда возможно нам откроется истина. «Я мыслю, следовательно — существую», — утверждал Декарт, и именно мышление, по его мнению, «первейшее и вернейшее из всех познаний, встречающееся каждому».

Но если ты, дорогой читатель, без конца заглядываешь в смартфон, чтобы подсчитать количество лайков под собственным фото, значит, тебя уже не существует в качестве мыслящего существа. Ведь тебе нужны постоянные доказательства, что ты есть и что ты из себя еще что-то представляешь. Не строй иллюзий! Ты из себя уже ничего не представляешь, а существуешь только как приложение к смартфону. Закрой мою книгу! Она не для тебя! Но те, кто остался со мной, — вперед!

Итак, вначале были ритмы. И было их пять. И звались они стихами...

Часть первая

О гениях и дебилах

1

Впрочем, о стихах чуть позже. Сначала попробуем разобраться, кто такие гении? Чтобы точно ответить на этот вопрос, нужно для начала получить хотя бы маломальское представление о самом человеке. Когда-нибудь в будущем «человекология» станет одним из самых важных предметов в школах, поскольку без знаний о человеке наше общество так и будет продолжать блуждать впотьмах.

Я снисходительно отношусь к тому, что подавляющая часть человечества относит приступы гениальности одаренных людей к аномалии, а самих их — к ненормальным, хотя «нормальное» большинство беспардонно эксплуатирует их воплощенные мысли. Ведь смотрит же оно телевизор, пользуется мобильной связью и интернетом, ездит на автомобилях, летает на самолетах и считает это абсолютной нормой для современной жизни, совершенно не задумываясь над тем, что все эти блага цивилизации изобретены гениями, «ненормальными» людьми с аномальными способностями.

Несмотря на то, что современные технические достижения сделали жизнь обывателя сытой и комфортной, он весьма недоверчиво относится к одаренным современникам, искренне считая их шарлатанами. Людям без особых способностей свойственно видеть в себе все человечество и полагать, что если они не обладают чем-то феноменальным, то этим не обладает никто. Такое убеждение возникает от сочетания невежества с гордыней. Именно гордыня не дает обывателю уяснить, что человечество не однородная масса и не все люди поголовно скопированы с одной матрицы.

А ведь это так очевидно. Все мы разные, имеем разные способности, разную степень зрелости и разное восприятие реальности. Один все схватывает налету и может всю школьную программу освоить за три года, другой за одиннадцать лет обучения так и не осилит хитрость чистописания без грамматических ошибок. Один пишет стихи, сочиняет музыку, проявляет остроту

ума в математике, другой не может выучить таблицу умножения, пересказать мысль, запомнить текст, напеть простейшую мелодию по причине отсутствия слуха. Один весел, энергичен, везуч, другой мрачен, вял и несчастен. Один играючи зарабатывает миллионы, оказывает помощь детским домам и богадельням, другой не в состоянии заработать себе на кусок хлеба и беспросветно убежден в том, что в его жалком существовании виновато правительство, а не его собственное ничтожество.

О чем речь! Мы действительно все разные. И разница между нами бывает очень даже существенной, поэтому говорить о том, что так называемый нормальный человек (по сути, человек со скромными способностями) служит эталоном нормы всего человечества — это, мягко говоря, не нормально.

Да, я терпимо отношусь к тому, что подавляющая часть человечества относит приступы гениальности одаренных людей к аномалии, но я категорически не согласен с тем, что так называемый нормальный человек из народа чувствуют свое превосходство над гением только потому, что тот отличается от большинства людей. Гений может выделяться из толпы не только своими неординарными способностями, но и внешним видом, неряшливой одеждой, нестандартным поведением, чудачествами, вызывающими у окружающих смех и даже насмешки. Дело в том, что одаренным людям все эта внешняя атрибутика попросту не важна и на общественное мнение по поводу того, как они выглядят в глазах окружающих, им давно наплевать.

Прежде, чем я пришел к знаниям о многослойности человеческого общества, я побывал во всех из них, от самых что ни на есть низов, где царят жестокие звериные законы, до верхов, в которых ценится божий дар и высшим проявлением человечности считается добродетель. Я с детства тянулся в мир великодушных и одаренных людей, но судьба меня бросала на такое дно, что сегодня сам удивляюсь, как мне удалось выжить и сохранить в себе поэтический дар? Много позже, когда я учился в Литературном институте, я понял, что моя истинная среда обитания здесь, среди ярких одаренных студентов и умных образованных преподавателей, где творческие порывы вызывают понимание и одобрение, а не агрессию и насмешки.

— Здесь вы у себя дома, — повторял мастер нашего поэтического семинара Эдуард Балашов, человек мудрый и весьма редкой (даже какой-то неземной) души. — Здесь вы все вместе, и здесь вас понимают. Но когда вы уйдете отсюда, вам нужно будет научиться жить одинокими волками, потому что за стенами литинститута вас понимать не будут. Но вы должны помнить главное: поэт — это посредник между Богом и людьми.

2

Я был наивен, полагая, что поэту возносится слава относительно его дара, а бездарность, которая не заслуживает и жидкого рукоплескания, никогда не вознесется над толпой выше своей макушки. Я искренне считал, что бездарность не имеет даже морального права на монументальный пьедестал поэта. Однако после постыдных интриг моего друга на рыцарском турнире поэтов, когда он попытался пролезть в гении обходными путями, начал замечать то, чего никогда не замечал раньше. Точнее — не обращал внимания.

Оказалось, что чем ничтожнее стихотворец, тем более он падок до славы и повсюду, где только возможно, подчеркивает свою значимость. Одновременно я стал замечать, что когда разбирали стихи молодых на различных семинарах, слабых поэтов всегда отечески подбадривали, подхваливали и даже (выражаясь метафорически) подхватывали на всеобщие крылья признательности. Но стоило на разборе услышать что-то из разряда вон выходящее, пробуждались все спящие мэтры, которые до этого уютно сопели на почетных местах. Они начинали возмущенно вытягивали шеи, негодуяще трести подбородками и брезгливо выпячивать губы. На талантливом парня или девушку все набрасывались как волки. Их костерили, топтали, сминали. Их разоблачали и обличали с праведной пеной у рта. С них буквально снимали шкуры...

Но ведь талант — всегда не стандарт, потому он и талант. А больше всего серости скапливается в железных тисках стандарта. Что такое серость — объяснять не надо. Это то, что остановилось на половине пути, уверовав, что достигло конечного пункта. Талант — этот тот, который следует дальше.

Серость ходит по одним и тем исхоженным тропам и, ослепленная своей гордыней, проявляет агрессию к любому незаурядному проявлению, поскольку незаурядность ближнего — прямая угроза его личному комфорту. Именно поэтому серость инстинктивно стремится к чиновничьим должностям, чтобы было удобнее расправляться с незаурядностью. Насколько посредственность бывает агрессивна — я испытал на собственной шкуре.

В конце восьмидесятых среди Ульяновских поэтов я был первым. И это явилось причиной негативного отношения ко мне со стороны членов местного Союза Писателей. Ведь меня помимо прочего широко публиковали в Москве. Для местных писателей было за счастье напечататься в саратовском журнале «Волга» и издать тоненькую брошюрку в Саратовском книжном издательстве. В самом Ульяновске издательства не было. Наш город по части издания книг был прикреплен к Саратову.

Особой ненавистью ко мне пылал глава Ульяновской писательской организации Анатолий Неумов. Он не отличался особой даровитостью в качестве стихотворца, поэтому ненавидел любое проявление таланта. Молодых поэтов, среди которых было много моих товарищей, секретарь не подпускал к писательской организации на пушечный выстрел. Более того, он не ленился писать на молодую поросль разгромные рецензии. Однако творчество молодежи изучал довольно скрупулезно и наиболее интересные поэтические находки вплетал в свои стихи. Положение обокраденных поэтов усугублялось тем, что их не печатали, а следовательно факты плагиата они не могли доказать в судах.

Если бездарный художник восходит на чиновничью должность, то это, как известно, прямой путь к его творческой деградации. Видимо, Неумов уже ничего не мог из себя выжать, потому и воровал строки у молодых.

Начинающие поэты пачками несли свои рукописи в Союз Писателей, наивно полагая, что там им помогут с публикациями, поскольку работа с начинающими входила в обязанность этой организации. А на практике все было наоборот. Молодежь навлекала на себя только немотивированную агрессию

со стороны членов Союза. Но делать было нечего. Книжные издательства без рекомендации местных союзов писателей рукописи не рассматривали.

Помню, по плагиату был большой скандал. Я присутствовал на писательском собрании. Неумов с красным лицом бегал по кабинету и доказывал, что вплетение чужих строк в его стихи — не плагиат, а подражательное заимствование, которым пользовались все, включая Пушкина с Лермонтовым. Цель такого литературного приема — дать новое направление мысли.

Меня все эти местные разборки мало касались, поскольку путь к публикациям я пробивал самостоятельно. Я выигрывал в честных конкурсах права на издания книг, которые объявляли книжные издательства. Но когда Неумов узнал, что мой сборник стихов поставили в Саратове в план, то немедленно собрал Правление и направил в издательство гневное требование выбросить меня из проекта. Единодушный протест Ульяновских писателей не повлиял на планы издательства. Ведь конкурс объявляли по всей России и широко озвучивали победителей. Издать-то меня издали, однако не отдельной книгой, как планировали, а под одной обложкой с тремя поэтами, в так называемой братской могиле.

К концу восьмидесятых мнение писательских организаций относительно издательской политики стало сводиться к нулю. Летом 1989 года состоялось первое демократическое совещание молодых писателей, на которое пригласили молодежь без письменных рекомендаций писательских секретарей. Литераторов на девятое совещание отбирали исключительно по рукописям, игнорирую протесты местных Союзов. Из Ульяновска отобрали двух поэтов — меня и Андрея Пчелкина.

После того, как нам пришли официальные приглашения, Пчелкина позвали на собрание организации и стали с провинциальным пафосом напутствовать, чтобы он не ударил лицом в грязь, поскольку его лицо — будущее Ульяновской поэзии. Обо мне даже не заикнулись, словно меня, как поэта не существовало вообще, хотя именно меня, а не Пчелкина, издавали по всей России.

Все эти мышинные интриги вызывали во мне дикое отвращение. У меня начался этап неприязненного охлаждения к славе. Я все более убеждался в том, что слава — это дешевый атрибут посредственности.

Но вскоре Неумов как-то внезапно выпал из литературной среды. Сначала незаметно сдулся его через чур перекаченный авторитет, а потом он вообще исчез из города. Куда? До сегодняшнего дня никто не знает.

Этому поспособствовала моя фантастическая повесть «Желудин», которую, кроме Ульяновского журнала Симбирскъ, опубликовали еще несколько изданий. Видит бог, я не собирался мстить Неумову. Мне вообще было не до него. После девятого совещания я поступил в Литературный институт имени Горького, затем одержал несколько поэтических побед в столице. С его низвержением получилось случайно. Как-то, само собой.

В этой повести в «козлобородом» персонаже, немного карикатурном, хитром и завистливом, все узнали писательского секретаря. И весь город над ним потешался. Хотя я не имел специальных намерений отразить его в качестве отрицательного героя. Просто он сам лег на мой литературный образ, и лег идеально. Об этом следует рассказать подробнее.

3

Публиковаться в советские времена было трудно. Если сейчас автор может издаться за свой счет, то до девяностого года об этом не могло быть и речи. Во второй половине восьмидесятых тиражи литературных журналов и альманахов зашкаливали за миллионы, поэтому публикация в литературно-художественном журнале, таком, как «Юность» или «Новый мир», тут же делала автора знаменитым. К тому же, гонорары тогда платили немалые. К примеру, при средней зарплате в 120-140 рублей подборку из трех стихотворений в журналах «Октябрь», «Москва» или «Дружба народов» оценивали в 400-500 рублей. За свою повесть «Коготки Галатеи» объемом в 40 машинописных страниц, опубликованную в «Юности», я получил 800 рублей.

В региональных издательствах платили меньше, но тоже прилично, если сравнить с нынешними временами. Моя книга в книге, вышедшая в Сарато-

ве, в которую вошло тридцать стихотворений, оценили в 1200 рублей. За другую книгу в «братской могиле», вышедшую в Ульяновске (в нее вошло около 20 стихотворений) я получил 600 рублей. Конечно, это не деньги, но купить поддержанный «жигуль» или «москвич» вполне было возможно. Из Москвы мне периодически переводились гонорары, позволяющие не работать на постоянной работе, хотя тогда я еще не был членом союза писателей. Не работающий литератор, не имеющий членского билета, мог загреметь на зону по статье «тунеядство». За это, как известно, отправили в места не столь отдаленные молодого поэта Иосифа Бродского. В Ульяновске за «тунеядство» угодил в тюрьму поэт Анатолий Чесноков.

В газетах гонорары были скромнее. Но за стихи там платили подчеркнуто больше, чем за прозаические заметки, что тоже было приятно. Словом, заниматься литературой в советские времена было не только почетно, но и выгодно с материальной точки зрения. Это объясняет, почему тогда было такое невероятное количество пишущих людей, и литобъединения функционировали чуть ли ни при всех домах культуры, клубах и даже заводах. Складывалось ощущение, что стихи пишут все — от инженера закрытого НИИ до слесаря-инструментальщика на автозаводе.

Однако свою первую повесть «Желудин» я написал не ради гонорара и не ради литературной славы, а уж тем более не для того, чтобы отомстить Немулову за его подрывную деятельность против молодых поэтов. Я просто не мог ее не написать.

Помню, как щебетала на все голоса весна. Распускались те самые «клеящие листочки», вдохновившие Пушкина на белый стих. Воздух благоухал. Над головой простирались небеса целомудренной голубизны. Юные девушки, скинувшие наконец зимнее облачение, грациозно цокали по тротуарам, а у меня к сессии еще не было подготовлено ни одной курсовой. Творческая работа — это да! Но творческая работа — самое простое. Это всего лишь новая подборка стихов. А вот с контрольными я затормозил.

Утром я проснулся с твердым намерением, спуститься, наконец, на землю, выйти из «поэтического» запоя и обратить свои ясные очи на книжную пыль

учебников. До сессии оставалась неделя. И вдруг жена сладко потянулась на кровати, хрустнула мосолочками и с мечтательной улыбкой произнесла:

— Послушай, какой мне странный сон приснился.

— Уверена, что странный? — машинально пробормотал я, предчувствуя, что ее пересказ сна отнимет у меня час времени.

— Так слушай, — продолжила жена, романтично уставившись в потолок. — Мне приснилось, что изобрели препарат, который в виде инъекций вкалывали людям в руку, и у них просыпалась страсть к желудям. После этого человек терял интерес к еде. И не только к ней, но и вообще к жизни. Он больше ничего не ел, кроме желудей, и целыми днями только о них и думал. За желание еще раз отведать тарелку со свиным кормом, он добровольно отказывался от квартиры, дачи, машины, сбережений. И переписывал все это на изобретателя препарата. А тот, после подписания договора, отправлял человека в санаторий. Там кормили только желудями. Люди жирели, теряли человеческий облик, а потом постепенно превращались в свиней. Окончательно превратившихся в хрюнделей закалывали и отправляли на мясокомбинаты.

— Просто фильм ужасов, — иронично вставил я.

— А я про что! — вытаращила глаза жена, пропуская мимо ушей иронию. — Так слушай дальше! Главным героем там был поэт, который предчувствовал, что время поэзии заканчивается. И он решил обменять свою квартиру на беззаботную жизнь в санатории. Но медсестра, которая должна была сделать ему укол, была его фанаткой и вместо препарата вколола ему глюкозу. Когда поэта привезли в санаторий и он, увидев, как полулюди-полусвиньи дерутся за миску желудей, пришел в ужас. Поэт вскочил на крыльцо и закричал: «Что вы делаете? Ведь вы же люди! Опомнитесь! Вас за тарелку желудей превратили в скотов...»

На этих словах меня прострелило. «Да какой же это сон? — мелькнуло в голове. — Это метафора грядущего России. Сначала сделают так, чтобы народ обнищал, а потом за крохотные подачки будут превращать нас в свиней».

— И что дальше? — спросил я у жены.

— А дальше я не знаю, — пожала она плечами. — Дальше я проснулась. Ты меня разбудил. Но я хочу досмотреть сон, так что, пожалуйста, тише клацай на своей печатной машинке.

Жена повернулась на другой бок, а я ринулся к письменному столу. Разумеется, ни о какой работе над контрольными не могло быть и речи. Я решил (и не просто решил, а счел своим долгом) написать рассказ по мотивам сна моей супруги. Конечно, я немного недоумевал, почему этот сон-метафору продемонстрировали моей жене, а не мне лично? Все-таки литератор я, не она. А значит, она не сможет донести иносказание до широких масс.

Успокаивало одно, что послание учителей Сияющей Шамбалы молодому советскому правительству в 1926 году было продиктовано во сне не самому Николаю Рериху, а его жене Елене Ивановне. Как известно, из-за этого письма Рерих даже прервал экспедицию в Гималаи, чтобы передать послание Чичерину, тогдашнему наркому иностранных дел.

Персонажи рассказы ожили в ту же минуту, как я сел за письменный стол. Они словно меня ждали. Разумеется, смысл изобретения препарата, который я назвал «желудином», был философский. Его придумал один спивавшийся ученый, чтобы доказать на практике библейскую истину — все, что не является необходимостью, считается грехом. «Желудин» отсекал у людей все лишнее. На фоне страсти к желудям все остальное меркло и становилось второстепенным. Мой вымышленный ученый в процессе экспериментов с препаратом и поедания желудей сам превратился в свинью, и его изобретением, как это бывает в жизни, завладела сермяжная посредственность. Кто же еще может завладеть?

При судорожном биении по клавиатуре в воображении само собой всплыло лицо секретаря писательской организации. Его образ идеально лег на моего персонажа! А главное, и логически все выстроилось. Главу организации привлекают к суду за плагиат. Его с позором вышвыривают из Правления, и за гениальное открытие этого пьянчужки он хватается как за соломинку.

Если бы у меня было время поразмыслить, то возможно на роль злодея я нашел бы другого героя, не обязательно связанного с литературой. Но времени не было. Ведь на рассказ я выделил себе день.

Это была какая-то горячка. Действующий секретарь ложился на моего «козлобородого» негодника настолько естественно, что я не чувствовал никакой искусственности. Но к концу дня понял, что мое сочинение не вмещается в рассказ. Тогда я решил себе дать еще день.

Нельзя сказать, что прозаический жанр для меня был тогда новым. Я уже имел за спиной с полтора десятка фантастических рассказов, к которым серьезно не относился. Но к моему удивлению, их довольно охотно публиковали, и не только в России, но и за рубежом. Но об этом чуть позже.

Короче говоря, повестушка под названием «Желудин» была написана мной за три дня. У меня не было даже времени перечитать ее. Три напечатанных на машинке экземпляра я, не перелистывая, бросил себе в сумку, а четвертый (совсем бледный) — отдал главному редактору журнала «Сибирскъ» Льву Бурдину. Чисто для прочтения, чтобы он дал оценку. Больше не для чего. Потому что в литературные журналы вторые и третьи копии рукописей не принимались. Только первые экземпляры.

После повести я, наконец, занялся курсовыми. И все успел. Тютелька в тютельку.

Экзамены я всегда сдавал блестяще. После первого зачета мы с моей однокурсницей Мариной Логиновой пошли в пивную. Там я пересказал ей содержание своей повести, которую накатал за четыре дня до сессии. Логинова училась на семинаре у Владимира Орлова. Орлов был весьма уважаемым мастером. Студенты перед ним благоговели. Практически весь наш курс знал наизусть его роман «Альтист Данилов». А я, к своему стыду, не читал.

Марина начала уговаривать, чтобы я показал свое сочинение Орлову. Я отнекивался, но однокурсница вцепилась будто клещ. Я недолго размышлял. Набрался наглости и отнес рукопись Владимиру Викторовичу, причем из уважения дал ему первый экземпляр. Он пообещал прочесть. Но как-то вяло.

Я понял, что не прочтет. Потому что он и своих студентов-прозаиков не всегда читает, чего уж говорить об мне — чужаке, с факультета поэзии.

Перед этим на моих глазах Марина пыталась всучить мэтру свой роман на 500 страниц. Орлов довольно энергично замахал руками:

— Не могу, извини! Совсем нет времени! Срочно редактирую книгу для издательства...

После этого мы отправились с ней в пивную на Пушкинскую. В кирпичном подвале было темновато, накурено, пахло характерными пивными парами. Когда мы не спеша спустились по лестнице в предвкушении пенящего пойла и креветок, Маринка неожиданно схватила меня за руку и потащила обратно:

— Бежим отсюда скорее! Андрюхин, скорее!

— В чем дело? — спросил я, когда мы вышли на солнце.

У Логиновой клацали зубы и глаза были с пятикопеечные монеты.

— Там Орлов! — с ужасом прошептала она.

— И что? — пожал плечами я.

— Он только что мне сказал, что срочно правит книгу для издательства, а сам сидит в пивной. Ему же неловко станет, если он увидит меня за соседним столиком...

Словом, никаких иллюзий по поводу того, что Орлов найдет время для прочтения моей рукописи, я не питал. Но в последний день сессии, когда я с триумфом сдал завершающий экзамен, и осталось отсидеть последний творческий семинар, передо мной предстал староста орловского семинара Юра Обжелян. Я в это время мило беседовал с одной поэтессой из семинара Евгения Винокурова.

— Андрюхин! — воскликнул Обжелян. — Орлов торчит от твоей повести и приглашает тебя на семинар. Через пять минут начало.

— Но у меня через пять минут свой семинар! — опешил я. — Будут разбирать мою подборку.

— Как хочешь! — пожал плечами однокурсник. — Я бы, на твоём месте, пошел к Орлову.

В интонации Обжеляна проступала гордость, что он студент орловского семинара, а не какого-то битовского, хотя Андрей Битов пользовался не меньшим уважением среди студентов, чем Орлов. Однокурсник одарил меня непонимающей усмешкой, развернулся и пошел прочь. А я поплелся на свой поэтический семинар. Войдя в аудиторию, я заметил, что Балашов чем-то расстроен. Когда мы расселись, Эдуард Владимирович грустно объявил:

— К сожалению, Андрюхина мы сегодня разбираем в последний раз. Он покидает нас. Переходит на семинар Орлова. Сейчас я только что разговаривал с Владимиром Викторовичем. Он забирает его к себе. Что ж, Андрюхин созрел для прозы, поэтому я отпускаю его с легкой душой.

Для меня это было ошеломлением. Я совсем не планировал покинуть семинар поэзии и, тем самым, лишится общения с Балашовым. Собственно, ради получения знаний духовного плана я и поступил в Литературный институт. А писать стихи, как мне казалось, я умел и так.

Мысль об учебе в Литературном имени Горького возникла у меня после прочтения сборника стихов Валентина Сидорова, который, как я узнал из предисловия, преподавал в Литературном институте. Валентин Сидоров — также автор книг «Семь дней в Гималаях», «Рукопожатие на расстоянии», «Мост над потоком», «Против течения», «Знаки Христа». В 1974 году Сидорову в связи со столетним юбилеем Николая Рериха поручили провести переговоры с его сыном художником Святославом. Валентин Митрофанович, в конце концов, и привез Святослав Рериха в СССР и организовал выставку его картин.

Словом, после знакомства со стихами Сидорова у меня появилась мечта — учиться у него на семинаре. Но в тот год, когда я прошел творческий конкурс, Сидоров студентов не набирал. Судьбой было определено так, что я попал к Эдуарду Балашову, который по духовным знаниям не уступал моему кумиру. В этом отношении внезапный переход на семинар Орлова никак не входил в мои планы, о чем я честно и признался мастеру.

Он повеселел и предложил мне ходить на два семинара — поэзию и прозу. Однако наши семинары начинались в одно и то же время — в одиннадцать утра. Тогда Балашов сказал со своей душевной прямоотой:

— Время семинаров мы поменяем. Андрюхин стоит того, чтобы ради него поменять начала семинаров.

4

В дальнейшем я посещал оба семинара — поэтический Балашова и прозаический Орлова. А в тот же день после занятий мы встретились с Владимиром Викторовичем во дворе. Сели на лавочку, и он извлек из своего портфеля мою помятую рукопись. Когда он поднял на меня глаза, я подумал: «Сейчас начнет крошить. И поделом. Это неуважение, всучить мэтру рукопись и даже не перечитать. Наверняка там описок как собак...»

К моему удивлению, я услышал от Орлова ровно противоположное:

— Вещь удалась, — произнес он. — Написано очень нетрадиционно и мощно. Но вот что запомни, — Владимир Викторович снизил голос и назидательно поднял палец, — конечно, ты в прозе новичок. Будешь потом расти, редактировать, править стилистику. Это неизбежно. Но в этой повести оставь все как есть. Не изменяя в ней ни слова. Ты сейчас не понимаешь. Но потом обязательно поймешь...

И действительно, наказ Орлова я понял только через много лет. Ведь я его не послушал. Перейдя на прозу я конечно себя редактировал, переписывал тексты по несколько раз, убирал тавтологии. Отредактировал я и «Желудин», к которому потом написал продолжение, и сейчас это произведение существует в виде романа «Неистовая Софья», которое несколько раз переиздавалось под названием «Десятый круг ада». Вот только редактировал я совершенно зря. Я причесал роман и подвел его под общий стандарт, хотя авторский голос в нем сохранился. А понял я это только после того, как наткнулся на журнал «Симбирскъ» двадцатилетней давности, который первый и напечатал эту вещь.

Как я уже упоминал, четвертый экземпляр рукописи я передал редактору журнала, чтобы он высказал свое мнение о повести. Но когда после сессии я вернулся в Ульяновск, Бурдин уже вручил мне на вычитку гранки. «Желудин» буквально с колес пошел в набор. В результате рукопись вышла в сыром первоначальном виде, как я накатал ее, без всякой редакторской правки.

Через много лет, имея за спиной семнадцать изданных и переизданных романов, я читал свою первую повесть, написанную в пожарном порядке, и заливался жизнерадостным смехом. Больше всего поражала стилистическая наглость, на которую бы сегодня я уже не отважился. А какая разнузданность оборотов, граничащая с сумасшествием. Повествование больше напоминало несущуюся галопом лошадь. Но главное — ни одного мертвого слова, ни одной дежурной фразы! То, что позже я исправлял, сочтя за корявость и неграмотность, являлось индивидуальными стилистическими фишками. Матерые писатели придумывают подобное умышленно, чтобы выделиться из общей массы. Из меня же все это тогда лилось как из рога изобилия. То, что я исправлял потом, как тавтологию, в первоначальном варианте читалось как рефрен.

Вот тогда я и вспомнил орловские наставления на семинарах: «Выразиться коряво, но по своему — это лучше, чем гладко, правильно, но по стандарту. Самое ценное в литературе — это авторский голос. Ваши главные враги, которые будут затаптывать ваше своеобразие — это редакторы и корректоры. Всегда нужно помнить, что первые (редакторы) — бездарности, иначе они писали бы книги, а не редактировали чужие рукописи, а вторые (корректоры) — неудачники. Ведь в корректоры идут несостоявшиеся литераторы, несостоявшиеся журналисты, несостоявшиеся учителя... И они будут мстить вам, талантливым людям, за свою несостоятельность».

Уж чего-чего, а своеобразия в «Желудине» хватало. Это объясняет, почему повесть претерпела еще пять переизданий за один год.

Но вернемся к Неумову. После публикации повести секретарь писательской организации просто растворился в пространстве в качестве реальной личности. Он безвозвратно трансформировался в «Козлобородого», который

как персонаж оказался гораздо ярче своего прототипа. Куда потом делся Неумов, не знает никто. Его больше не стало. И он был стерт из памяти настолько быстро, словно его никогда не существовало в реальности. О нем, как о поэте, не вспомнили даже при составлении поэтической антологии Симбирска.

После этого я впервые подумал, что литература — вещь жестокая. Может быть, прототип отрицательного героя в реальной жизни не был таким злодеем, каким предстал на страницах моей выдуманной истории. Возможно, он не такой уж и бездарный, подлый, мелочный, завистливый. Но он навсегда останется таким, каким я его создал.

Оказывается, душа в заветной лире ближе к вечности, чем личность, которой принадлежала душа. Пройдет сто лет, двести, триста, а может и тысяча — личности прототипов уже давно исчезнут с исторических скрижалей, растворятся в пространстве, и никого уже не будет интересовать, насколько они были схожи с литературными персонажами? А художественные герои останутся неизменными.

Как не печально, но Сальери навсегда вошел в историю завистником и отравителем. Был ли он таковым в действительности? Потомков уже не интересует. Отдельные личности — это частности, застрявшие во временах, в которых они жили. Грядущее открыто только для типических персонажей, которых создали писатели. Несмотря на то, в 1997 году высокий суд Милана реабилитировал бедного композитора Антонио, вынеся вердикт «Невиновен за отсутствием состава преступления», Сальери, благодаря Пушкину, как был, так и остался символом посредственности, зависти и злодейства.

Также, благодаря Валентину Пикулю, Григорий Распутин для нас — это сплошная сатанинская пляска. Сибирский старец, представленный в романе «У последней черты», — похотливый безумец, без тормозов и малейшей крупинки добродетели. Возможно, пикульский образ Распутина не имеет ничего общего с реальным прототипом. Возможно, он был мучеником и провидцем, как представили его в сериале «Григорий Р» с Владимиром Машковым в главной роли. Но сериал совершенно не убедителен по сравнению с

советским фильмом, снятым по роману Пикуля. Поэтому Распутин в нашем воображении остался таким, каким изобразил его писатель.

Правдив ли этот образ, ошибочен — уже не важно. Персонажи художественных произведения бывают куда достовернее и убедительнее прототипов. Вот почему бытует байка, что писатели в аду пребывают гораздо дольше, чем душегубы и кровопийцы. Ведь злодеяния душегубов и кровопийцев забываются довольно быстро. А произведения писателей живут в веках, и бесчеловечность их злодеев продолжает ужасать людей. Что касается читателей, то их совершенно не интересует, что личность прототипа и литературный персонаж — это не одно и то же.

5

Нельзя сказать, что талантом вознаграждаются только высокодуховные люди. Сегодня основная масса творческих людей исходит далеко не из высшего контингента одухотворенных личностей, а из среднего человеческого слоя, из так называемой гуны страсти, как учат индусы. Средних деятелей искусства отличить от истинных художников довольно просто. Первые занимаются искусством ради славы и денег, вторые — ради познания истины.

В наше время искусство отнесено к области развлечений. В этой индустрии задействована целая армия авторов, штампующих «культурную» продукцию для широких масс, — музыканты, поэты, сценаристы, драматурги, режиссеры. Творческая деятельность таких авторов хорошо оплачивается. Актеры и певцы массовой сферы быстро находят признание и славу.

Все бы ничего, но современность исказила сакральную суть искусства. Ведь смысл искусства в том, чтобы духовный уровень толпы поднимался до божественных высот художника. Ведь поднял Пушкин духовность русского народа, сделав ее нацией, поскольку нацию из народности (по определению Вернадского) делают великие души, такие как Пушкин, Гете, Вольтер. Это факт! До Пушкина русских нельзя было назвать нацией — только народностью.

Сегодня все наоборот — художники, творя на потребу толпе, сдувают свою духовность, которой они обладали с рождения. А, собственно, ради чего? Чтобы угодить бездуховным потребностям обывателей. Но все должно быть наоборот. Это художник должен поднимать обывателей до своих высот.

А все дело в том, что в обществе потребителей нет никаких потребностей в духовных прорывах, да и быть не может, потому что сегодня первейшим из искусств является культ материального благополучия. И по правде говоря, современные деятели массовой культуры не обладают такой духовностью, которое способно ослепить невежество своим неземным светом. Ведь, как уже упоминалось, практически все современные творцы и большая часть знаменитостей относятся к среднему слою человеческого общества.

Художники из высшего слоя добродетели не работают ради тщеславия и прибыли. Им элементарно жалко на это время. Они продолжают в муках создавать свои произведения ради «очистительных тайн, которые очищают душу и делают ее чистым светом», как сказано в одной священной книге. Искусство подобных деятелей искусств сегодня называют андеграундом.

Именно таких творцов, которые не имеют намерений ставить свое искусство на коммерческий поток, больше всего презирает наше общество. Но если бы только презирало. В большинстве случаев непрактичные художники вызывают негодование и близких. Потому что не умеют зарабатывать деньги, а значит, наплевательски относятся к священному долгу перед семьей. А есть ли такое право у гениев — наплевательски относиться к семье?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, давайте определимся, кто такой гений и чем, к примеру, он отличается от таланта, или от простого смертного? За основу возьмем классическое определение Канта. В-первую очередь, по мнению беспокойного старика, гении могут существовать только в искусстве, и больше нигде. К талантливым, по убеждению мыслителя, можно отнести тех людей, которые способны освоить законы гармонии того, или иного искусства. А гений, это тот, который задает свое собственное направление в

искусстве, исходя из своих законов, поскольку тайны гармонии он уже познал, и ему тесно в канонических рамках гармонии.

— То есть, это тот, для которого законы не писаны? — скептически хмыкнет умник.

Не совсем так. Писанные законы он знает досконально, и создание произведений по ним — для него уже пройденный этап. Он идет дальше и берет выше, поднимаясь над традициями.

Исходя из определения Канта, мы можем понять, кто из художников был гением, а кто не выходил за рамки художественной школы.

Из живописцев безусловным гением был Врубель, поскольку задал новое направление в живописи. Репин, Шишкин, Киселев, Поленов и прочие из плеяды крепких русских мастеров изобразительного искусства — величайшие таланты, но относятся к художникам средней руки. Даже такого мастера, как Сурикова, познавшего мельчайшие оттенки гармонии световой гаммы, также нельзя отнести к гениям.

К литературным гениям, безусловно, можно отнести Пушкина с Лермонтовым. Я специально подчеркнул, что к литературным, а не к поэтическим, хотя именно Пушкин начал глобальную реформу в русской поэзии, сделав ее более доступной для восприятия. Если сравнить поэзию Пушкина с творчеством его старшего товарища Гавриила Державина, который, собственно, его и заметил, то Александр Сергеевич по чистоте языка практически наш современник, а старик Державин какой-то очень древний — чрезмерно высокопарный, закостенелый, отсталый, да к тому же еще косноязычный поэт. Чтение его стихов сегодня затрудняет обилие мертвых поэтизмов. Но что поделать? Таковы были традиции в стихосложении того времени — чем больше поэтизмов и высокопарных оборотов, тем выше стих.

Если пушкинская стилистика в поэзии в отличие от державинской приблизилась практически к прозе, то лермонтовская относительно пушкинской вообще по тем временам котировалась чуть ли ни как разговорная. Лермонтов, который был всего на четырнадцать лет моложе Пушкина, писал еще более чисто, отказавшись от поэтических красот вообще.

Но главное, оба поэта радикально реформировали прозу. Начал, конечно, Пушкин. Над его «Повестями Белкина» потешалась вся Россия. Разве это литература? Где великий русский язык, где красивые литературные словеса и благозвучия в предложениях?

Кто читал русские романы до Пушкина, тот поймет, что сегодня их читать невозможно. Они изобилуют подробной описательностью, сдобренной неповоротливыми и плохо воспринимаемыми фразами — так называемой литературщиной. А фактуры там мало, и действие практически топчется на месте. В большинстве случаев много внимания отводилось к описанию чувств и стенаниям грошовой характера.

Пушкинская проза по сравнению с романами того времени — это прозрачная самогонная струя, очищенная от всякой мути, в особенности от эфирных масел, которые отторгает организм. Все по существу и без какой-либо навязчивой описательности. Но лермонтовская проза — еще прозрачнее. Это образец того, как и в какой последовательности следует излагать действие, чтобы повествование воспринималось без всяких препятствий. Как известно, Чехов учился писать на лермонтовской прозе, взяв за эталон «Тамань». А уж Антон Павлович был прекрасным стилистом, которого по чистоте и точности языка еще никто не смог превзойти. Что касается тех кондовых романистов до Пушкинской эпохи, их имен мы сегодня почти не знаем. Возможно, их знают литературоведы, но для широких масс они безвозвратно канули в Лету.

Так чем же в литературе цены Пушкин с Лермонтовым? Тем, что очистили литературный язык от штампованной шелухи, тянувшейся еще с античных времен.

Безусловным гением был Маяковский. Это можно было определить с первого стихотворения. Литературный Петербург поначалу не принимал горлопана всерьез. Смушал его царапающий голос и непохожий ни на что стиль, который до этого был поэзии неведом. Молодой поэт прослыл скандалистом и мастером эпатажа. Но Иосиф Брик, законный супруг возлюбленной Маяковского Лили, был первым, который распознал в Маяковском гения. Стран-

но, что до Брика никто не разглядел его гениальности. Ведь у Владимира Владимировича не было даже ученических стихов, которые есть у всех поэтов, включая Пушкина с Лермонтовым. У Маяковского даже не было подражательных стихов, и до сегодняшнего дня остается загадкой, кто был его кумиром и у кого он учился? Практически у всех поэтов были свои кумиры, и в своих первых стихах они старались подражать им. У Маяковского ничего такого мы не наблюдаем. Он сразу начал выжимать из себя мощь своих чувств в своей диковинной манере.

Новое направление в искусстве предполагает и последователей. Увы, ни одного последователя Маяковского мы назвать не можем. Видим подражателей, которые на его фоне смотрятся жалко, но последователей нет.

Пожалуй, к гениям можно отнести и Бродского. Он дал направление мастеровитого стиха, показав, что поэзия может быть умной и более обширной по тематике, и при этом оставаться в рамках размеров и ритмов классической школы. Бродский дал положительный пример творческой интеллигенции. В восьмидесятых тон в поэзии задавала рифмованная публицистика Евтушенко и фиглярская разнузданность Вознесенского. Многие стихотворцы брали этих прославленных мэтров за образец, совершенно игнорируя «классических» поэтов, которых во второй половине 20 века было немало.

Если говорить в целом, то общее качество поэзии в стране тогда было неважным, но главное среди поэтов была разлита ленивая аморфная атмосфера, в которой не наблюдалось стремления оттачивать стихи до каждой запятой. Однако с появлением первых книг Бродского в конце восьмидесятых вялая атмосфера на поэтическом фронте страны ощутимо встряхнулась. Поэты, наконец, поняли, что над стихами нужно работать, причем, над каждым фонемой, и случайно залетевшее слово в строфу — это серьезный недостаток.

Я много знал поэтов, которым Бродский снес крышу. В это время я учился на первом курсе Литературного института. Помню, как по общежитию гулял его потрепанный сборник, выпущенный в США. Бродский к этому времени

уже жил в Нью-Йорке. Его стихи читали вслух почти в каждой комнате. Некоторые во время чтения восхищенно выкрикивали:

— Теперь понимаю, как надо писать!

Техника Бродского была взята за образец. Многие старались подражать ему. Подражательная поэзия всегда вторичная, а следовательно — и менее ценная, но Бродский относится к тем учителям, которые ставят поэтическое мастерство, как преподаватели вокала ставят голос. Правда, потом нужно было очень тонко абстрагироваться от учителя, чтобы не сделаться его двойником. Я слышал много поэтов, у которых стихи были мастерски сделаны и вызывали восхищение виртуозной техникой, но только их можно было соотнести со стихами Бродского. Поэт Тимур Кибиров тоже был увлечен Бродским, осваивал его технику и манеру, а потом жаловался, что ему было трудно уйти из-под его влияния.

К абсолютным гениям без всяких оговорок я бы отнес Петербургского мэтра Виктора Соснора. Поэт он не простой, и окунуться в его поэтический мир без определенного уровня культуры и образования невозможно. Если на освоение техники Бродского у меня ушло два месяца, то осваивать технику Сосноры вообще не имело смысла. Дело в том, что особой техники у него нет. У Сосноры нужно осваивать его миры, которые он создал в поэзии. Без знаний мировых мифов, античной и мировой литературы в поэтической вселенной Сосноры делать нечего. Если в далеком будущем, когда мы в процессе долгой эволюции, наконец, выйдем в боги и начнем творить собственные миры, то я не удивлюсь, когда узнаю, что у Сосноры они уже на четверть сотворены.

6

Собственный голос в стихах — это тоже не мало, и явление на просторах мировой поэзии довольно редкое. Таких поэтов можно отнести к полугениям. Все прочие бойцы из однородной массы поэтического фронта индивидуальными голосами не обладают. Все у них в стихах складно, все у них правильно выстроено, в строфах наблюдается последовательность и проскаль-

зывает логическая мысль — а читать скучно. Засыпаешь после первого же четверостишия. Я трижды брался за томик Мандельштама, но никогда не дочитывал до конца. Как доходил до стихотворения «Бессонница, Гомер, Тугие паруса, я список кораблей прочел до половины...» так и засыпал. Стихотворение хрестоматийное, написано занудно, без трепета, без огня. И вывод довольно банальный — «и море, и Гомер — все движется любовью» — тоже мне открыл бином Ньютона. Но главное за стихами совсем не видно авторской индивидуальности. Словом, типичная мертвечина. Какое-то подобие харизмы проступает в его стихотворении «Я вернулся в свой город знакомый до слез», но опять настораживает искусственная надуманность, которую трудно представить зрительно, типа «так глотай же скорей рыбий жир ленинградских твоих фонарей».

Вялый и едва ощутимый голос у Пастернака. Конечно он семинарист. Видно, что у него за плечами поэтическая школа, и он в ней отличник. Но огня нет, и нет за строками серьезного человека со стержнем, которому можно безоговорочно поверить. «Убеленный пешеход, удивленное растение...» Поэт с идеальным слухом никогда среди зимы не назовет куст растением. Если таковой на кухне в горшке — это другое дело. Но зимой, когда ничего не растет, а только зимует под снегом в спящем виде — никогда. Ведь растение от слова растет.

В стихах Пастернака много надуманности. То у него девочка «глаза рюмит», то у него цветы герани «тянутся к белым звездочкам в буране». Какие звездочки в буране? «Буран, — цитирую энциклопедию, — сильная снежная вьюга или метель в степной местности, например, в Башкорстане, Оренбургской области, Казахстане, южных районах Украины, степной части Крыма...» Где в Подмосковном поселке Переделкино Борис Леонидович разглядел степные просторы? Во-вторых, какие такие белые звездочки можно разглядеть в буране. «Пошёл мелкий снег: — цитирую классика, — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!».

Видно, что Пастернак мало выходил из дома, и в создание его поэтического мира вошел домашний обиход. Похоже и мир он видел только из окна своей дачи, от того и спешил доставать чернила, чтобы плакать. А плакать, если вдуматься, по чему? По слякоти, что «весною черною горит». Тогда уж коптит, поскольку если что-то горит, то никак не черным. Не знаю, почему все носятся с этим стихотворением и считают чуть ни вершиной его творчества? Если бы Пастернак выходил из дома, то вероятно бы знал, что ливней в феврале не бывает, а тем более которые «шумней чернил и слез». Кстати, чернила и слезы не такие уж и шумные, если опять-таки сравнивать с ливнями. А строки о том, «как тысячи грачей срываются с деревьев в лужи» я не могу читать без улыбки. Перед глазами так и встает картина как грачата шеренгами покидают ветки и ныряют головами в лужи. Конечно, я понимаю, что Пастернак имел в виду, что сорвавшиеся с дерева грачи отражаются в лужах, однако ради чего? Оказывается, ради того, чтобы обрушить «Сухую грусть на дно очей». Здесь уже, как говорится, без слез не прокомментируешь.

Пастернак, конечно, поэт хороший, усидчивый, крепкий. Говорю это без иронии. Поэзии он отдал все. Но мне кажется, сказать что-то важное и сокровенное человечеству ему было нечего. На мой взгляд, значение этих поэтов, Мандельштама и Пастернака, вознесенных сегодня до небес, в литературе слишком преувеличено.

Не очень выразительным голосом обладал и Блок. Но все-таки свой голос у него имелся. Он чуть-чуть не дотянул до гения (если квалифицировать по Канту). Если бы в манере поэмы «Двенадцать» Александр Александрович начал экспериментировать раньше, то, безусловно, дал бы новое направление в поэзии Серебряного века. Но Блок всю жизнь писал довольно ровные и несколько холодные стихи в классических размерах, если не считать его «Вольные мысли».

Вот у кого действительно был свой громкий, своеобразный голос, так это у Есенина, который, к моему сожалению и определению Канта, к гениям отнести нельзя. Но в числе полугениев — ему самое место.

За каждой строкой Есенина видишь кудрявого, простоватого рязанского паренька, и досконально понимаешь все его чувства, волнения, тревоги. А сколько жизни и естества в его стихах. Когда открываешь томик, такое ощущение, что он усаживается напротив и живо начинает повествовать обо всем, что его волнует, радует, печалит. Заподозрить Сергея Александровича в каком-то лукавстве или позерстве также невозможно, как апостола Луку в простоте и наивности. В творчестве Есенина нет ни одной дежурной, а уже тем более надуманной посредством «носоковыряния» строки.

Очень мощным индивидуальным голосом обладал Владимир Высоцкий. Имею в виду не только его хриплые надрывы со сцены. Если стихи Владимира Семеновича просто читать с листа, и тогда слышишь в них его уникальную хрипоту. Высоцкий один из немногих поэтов, который умел задеть за живое, надавить на самые больные и потаенный струны души. Лирики у Владимира Семеновича мало. Сюжеты, которые он излагал в стихах, вымышленные. Но за героями его стихов постоянно видишь мощную личность автора. У Высоцкого не найдешь ни одного стихотворения, которому бы не поверил по причине надуманности. Его поэтическая искренность удивительна. Если бы он не пел свои стихи под гитару, а просто, как и всякий советский поэт, писал поэтические книги, и тогда бы не заметить его, как редкого, ни на кого не похожего поэта, было невозможно.

Весьма редким по своеобразию голосом обладал и советский поэт Юрий Кузнецов. Если поместить в отдельный сборник без авторства таких крепких и мастеровитых поэтов как Владимира Тендрякова, Юрия Трифонова, Александра Прокофьева, Андрея Дементьева, Николая Рубцова, Александра Кушнера, Олега Чухонцева и многих других, Кузнецова можно сразу отличить от всех по одному четверостишию. Насчет распознавания остальных возникнут затруднения.

Вся эта плеяда от Бориса Пастернака до Тимура Кибирова относится к талантливым, мастеровитым поэтам средней руки, но не к гениям, поскольку нового направления в поэзии они не дали. Это если исходить из определения Канта.

Не дотянул до гения и поэт Андрей Вознесенский. После своей первой книги он прекрасно просчитал, что сольется с общей массой безголосых поэтов, поэтому и начал вытворять выкрутасы в области реформирования стиха. Большой пользы от его новаторства поэзия не ощутила. Все, кто пытался освоить его стиль и технику, если таковыми можно назвать развенчивание стиха, смотрятся довольно жалко. Борису Гребенщикову, на мой взгляд, обожание Вознесенским принесло только вред. Его чудовищные ритмические перебои сглаживает музыка и пение, но если бы он обратился к классической поэтической школе — имел бы сейчас славу прекрасного поэта со своей своеобразной поэтической манерой и бездной тонкого юмора.

Влияние Вознесенского чувствуется и у поэта Юрия Арабова. Однако Арабов — мастер, и знает, как делать стихи. Возможно, под влияние Вознесенского он попал в молодости, однако долго подпитывался его энергичным стилем.

А вот любопытно, вошел бы сам Вознесенский в плеяду великих поэтов, если бы не выбрал направление пижонского позерства? Думаю, вошел бы. Достаточно почитать его лирические стихи, где он пишет без оглядки на читателя и выжимает из себя искренность. Таких стихов у него немало, и в них просматривается его, только ему присущий голос. Так что он зря предпринимал, на мой взгляд, такие отчаянные попытки в разрушении стиха из страха слиться с многотысячной армией поэтов. У него был свой голос, и он сразу бы выделился из всех, даже если бы продолжал писать в классической манере без всяких выкрутасов. Кстати, Вознесенский относится к тем поэтам, в ком есть подлинная философская глубина, имеются интересные мысли, и которому было что поведать миру.

Но если (исходя из классификации Канта) талантлив тот, кто усвоил законы гармонии, не означает ли это, что рисовать портреты, сочинять музыку

или писать стихи может научиться любой? Достаточно изучить теорию сольфеджио, или учебник по стихосложению, где вся гармония детально расписана и «поверена» алгеброй.

Увы! Если нет в душе огня, теорию изучать бесполезно. Умозрительные знания к воспламенению божьей искры в душе не способствуют никак. Однако талант не сразу виден. У некоторых он пробуждается к зрелому возрасту. Но как определить, имеется в человеке спящий талант, или он абсолютно безнадежен для высокого искусства?

Все очень просто. Талантливый человек знает об этом с рождения. Он тем и отличается от посредственности, что знает о себе все. И знает истинную цену своим творениям.

Помню, когда я задумал открыть в одной библиотеке поэтическую школу, у меня на первом занятии было столпотворение — пришло нереальное количество народу. Я хотел вести именно школу, а не литобъединение. В литобъединениях, как известно, обсуждаются только что написанные стихи, где каждый высказывает свое мнение, делает замечания и на этом заканчивается. Я вознамерился создать школу по примеру Николая Гумелева. Кроме теории стихосложения, планировал обучать практическому мастерству. К примеру, заставлять своих учеников изменять ритмические размеры известных классических произведений. Скажем, пушкинские стихи, написанные шестистопным хореем, укорачивать до четырех стоп, или наоборот — четырехстопные ямбы переделывать в шестистопные. На материале известных поэтов переделывать элегии в сонеты, а сонеты в баллады, улучшать популярные стихи точными рифмами, а строки разделять цезурой, и при этом — без ущерба для смысла. Разбор же собственных стихов я планировал проводить в следующем году, когда ученики бы уже нарастили мышцы на мастер-классах.

Буквально все на первую встречу со мной явились с пачками своих стихов. После вводной лекции, в которой я доходчиво объяснил, каким образом будет происходить обучение, ко мне выстроилась очередь. Всех, кто показы-

вал мне стихи, интересовал только одно: «Имеет ли то, что они написали, отношение к высокой поэзии?»

Никакого отношения к высокой поэзии их примитивные едва срифмованные вирши не имели. Все, что совали мне для чтения, было графоманством чистой воды. Я отвечал осторожно, мягко, и как можно доброжелательней, что на данном этапе их сочинения пока не представляют собой завершённые произведения. Пока это только сырьё для будущих стихов. Сами же стихи ещё предстоит выписать.

— Приходите ко мне на следующее занятие, и я объясню, что такое настоящие стихи.

У многих в глазах возникала обида. Я замечал, что большая часть, пришедшая ко мне за похвалой, была о себе высокого мнения. Но, видимо, они ещё не совсем уверились в своих «шедеврах», потому и пришли консультироваться.

Ни один из них ко мне больше на занятие не явился. Приходили только те, кто уже писал, слабые, неуклюжие, непричесанные, но все-таки стихи.

Начинающие поэты от графоманов отличаются тем, что весьма трезво оценивают свои сочинения и четко осознают свой ещё не совсем удовлетворительный уровень. И это понятно. Ведь имеющему в душе хотя бы малейшую искру уже дали пригубить «из чаши трезвости». Те из немногих, которые понимают, что доведение стихов до «печатного» уровня — это долгая и изнурительная работа, уже отнести к графоманам нельзя.

Одаренного человека видно с детства. В первую очередь по его неубиваемой тяге к творчеству. Он хорошо рисует, прекрасно фантазирует, он одарен музыкально, охотно участвует в концертах, играет в спектаклях. Он активен всегда, даже гиперактивен. И преподаватели его энергичную жизнерадостность часто принимают за хулиганство. Ведь на уроке музыки, стоит учителю на секунду отвлечься, и он тут же сыграет на фортепьяно что-то собственное, а на сцене школьного спектакля обязательно отколет что-то вне пьесы. Если его заставят сочинить что-то в рифму — он тут же и сочинит и даже не удивится тому, почему об этом попросили именно его. На уроке ри-

сования он непременно нарисует что-то нестандартное. Например, на тему «весна идет», весь класс нарисует солнышко, ручьи, травку. Одаренный ребенок непременно выпишет какую-нибудь румяную девку с распростертыми объятиями.

Но главное, что отличает одаренного человека от обычного — его четкое понимание того, что он делает. Лучший ценитель художественного творения — не критик, а сам художник. Уж кому-кому, а ему доподлинно известны все достоинства и недостатки его произведения, которое он породил.

Взаимоотношения талантливого человека с близкими, которые не так одарены, часто приводит к серьезным конфликтам. Потому что те не понимают гениев, да и не дано приземленным людям понять высоких устремлений человека, обитающего уже где-то там, в бог знает каком «запределье». Иногда это приводит к трагическим событиям. И я был тому свидетелем.

В Ульяновске, где я делал первые поэтические шаги, у меня был друг Андрей Пчелкин. Если кто действительно был не от мира сего, так это он. Мой друг был фанатом поэзии, и стихи писал постоянно, где бы не находился и чем бы не занимался, даже под машиной, выправляя кувалдой карданный вал. Однажды я пришел к нему домой, и он с вытаращенными глазами воскликнул:

— Послушай, что я только что написал! Не могу понять, с чего это пришло мне в голову?

И Пчелкин прямо на пороге прочел стихотворение про то, как они с другом отправились на рыбалку, однако ни черта не поймали на удочки и решили пройтись с бреднем вдоль берега. Прошлись, и что же вытащили? Человеческие кости и череп!

Если бы я мог тогда знать, что эти стихи ему навеяло само проведение. Но в ту минуту у меня даже догадки на этот счет не мелькнуло, и я отмахнулся от его новоиспеченного шедевра. Мало ли, что может придти в голову, когда сидишь перед чистым листом бумаги, да еще на трезвую голову.

Андрей жил в отдельной двухкомнатной квартире. Одна комната была у него кабинетом, куда он мало кого пускал. Насколько помню, я туда только

заглядывал. Это была священная комната, где творилось таинство рождения стихов. Когда, разругавшись с женой, я приходил к нему переночевать, то мы обязательно писали стихи — я на кухне, он — в своем кабинете.

Стихи моему другу являлись в промежуток между восемью вечера и полночью. Больше всего он ненавидел полдневное время — с двух часов до пяти. По его словам, это были самые бестолковые часы, когда в воображении не возникало ничего, даже смутных контуров из поэтических миров.

Андрей женился на выпускнице медицинского института, которую распределили в Ульяновскую районную больницу. Его жена, Наталья, была нормальной, адекватной женщиной, но стихов не любила и в мужчинах витание в облаках не одобряла. Однажды Андрей позвонил мне и с отчаяньем прокричал:

— Приезжай скорее, у меня беда!

Я немедленно рванул к нему и через полчаса уже звонил в его дверь, из-за которой доносились крики. В квартире Пчелкина, кроме жены, находилась его мать, властная суровая женщина, работающая в обкоме. На Андрее лица не было. Он что-то горячо доказывал женщинам, но они его не слышали.

Оказалось, что его молодая жена Наталья решила из его кабинета сделать спальню. А свекровь поддержала. А где же еще спать молодым? Да сколько можно в зале, если пустует целая комната.

— Она не пустует! — умоляюще восклицал мой бедный товарищ. — Там я пишу стихи...

Только я понимал его отчаяние — превратить его священное место в презренную спальню. Это все равно, что помочиться на алтарь. Я конечно за него вступился. Сказал свое веское слово, что у Андрея, как у поэта, должно быть свое место для работы...

— Кто вам сказал, что он поэт! — перебила родительница. — С чего вы вообще взяли, что вы поэты?

Мои попытки донести до женщины, что Андрей еще очень молод и ему нужно ежедневно работать, чтобы его стихи получили признание, успехом не увенчались. Ни жена, ни родительница не захотели понять, что поэтиче-

ского мастерства набираются только посредством долгого сидения под настольной лампой.

— Нет! Молодым нужна спальня! — настаивала мать. — А все эти стишки и прочие глупости, они пройдут.

В борьбе за кабинет Андрей потерпел поражение. В тот вечер мы вышли с ним на улицу и побрели, куда глаза глядят. Взгляд моего друга был совершенно стеклянным. Он выглядел таким раздавленным, что страшно было смотреть.

— Да брось ты, — успокаивал я. — Стихи можно писать где угодно. Даже сидя в трамвае.

— Нет, — убито выдохнул Андрей. — Мне нужен кабинет...

После того, как его священную комнату насильно превратили в спальню, грубо вытащив оттуда письменный стол и вкатив на его место двуспальную кровать, в бедняге что-то сломалось. Он перестал посещать поэтические вечера, встречаться с поэтами, и знакомых уверял, что стихов больше не пишет. Я не верил.

А на страну, между тем, накатывало новое время. Начинались девяностые. Население поголовно осваивало новую профессию — несанкционированную торговлю на улицах. Предприимчивая часть открывала какие-то фирмы, спортсмены сколачивали банды и обкладывали данью кооператоров, вчерашние пэтэушники у всех на глазах грабили бедных торговцев на вещевых рынках.

Открыл свою перекупочную фирму и Пчелкин. Вот здесь его предпринимательская хватка проявился в полном объеме. То ли потому, что у него мать была номенклатурным работником и помогла организовать? Не знаю! Но дела у него сразу пошли в гору. Он закупал вагонами зерно, менял его на сахар, сахар продавал оптом, на вырученные деньги покупал бумагу, продавал ее типографиям и дальше в том же духе. Ему при мне даже звонили по поводу покупки самолета «Руслан». А в глазах у него по-прежнему был надлом. Я интересовался, начал ли он писать стихи? Андрей криво усмехался и от-

рицательно качал головой. «Вот так талантливые люди и пропадают для поэзии», — с сожалением думал я.

Но однажды Пчелкин подарил мне свою книгу стихов, которую издал за свой счет. Издаться тогда было очень дорого, но теперь мой друг себе мог это позволить. Сборник был небольшой — около сорока стихотворений. Но какие! Я читал и изумлялся, как глобально он вырос в поэзии из своего скромного дарования, которое было у него вначале. Ни одной проходной строчки! Ни одного дежурного посвящения! Все очень серьезно, и все только о самом сокровенном, как у Ксенофанта.

«Мне тысячу лет, я на все имена откликался...» — читал я его строки и чесал репу.

И откуда на него снизошла такая глобальность, — искренне недоумевал я. — И когда он только успел такое нарастить?

В бизнесе Пчелкин был чрезвычайно отчаянным. Бандиты его так же, как и всех, хотели обложить данью. Но не тут-то было. Однажды под вечер я пришел к нему в гости. Когда поднимался по лестнице, услышал нервный скрип его двери и торопливо семенящий шаг. Пчелкин сбегал по ступеням с винтовкой наперевес.

— Привет! — воскликнул он, торопливо пожав мне руку. — Подожди минуту, я сейчас! Мне надо отстреляться! Поднимайся в квартиру — она открытая!

Он выбежал из подъезда. Я услышал, как завелась его машина и покатила куда-то в сторону пустыря. Потом вдалеке раздались выстрелы. Через десять минут он возвратился весь запыхавшийся. Бросил винтовку в кладовку и произнес:

— Не обращай внимания! Издержки производства.

В другой раз он увидел меня на улице. С визгом затормозил и воскликнул:

— Привет! Давно не встречались. Мы едем на рыбалку! Поехали с нами!

— Поехали! — обрадовался я, поскольку мы действительно давно не встречались.

С ним были еще два парня шкафообразного вида. Когда мы с Андреем заговорили о поэзии, они сконфуженно умолкли и впали в угрюмость. Судя по всему, стихотворная тема им была не совсем родной.

Вскоре мы прибыли на противоположный берег Волги и начали разгружаться. Я увидел много водки и всякой диковинной закуски, однако никаких рыболовных снастей не заметил — ни удочек, ни бредня, ни сети.

— Чем мы рыбу будем ловить? — поинтересовался я.

— Рыба сейчас будет! Не переживай! — подмигнул мне дружище. — Разводите костер и ставьте котелок. Я сейчас.

Андрей приблизился к воде, извлек из кармана гранату РДГ, снял кольцо и швырнул в Волгу. От внезапного взрыва сдуло всех рыбаков, которые мирно сидели на берегу. Стало тревожно. Неподалеку от берега кверху брюхом действительно всплыло много рыбы.

Я внимательно взгляделся в Пчелкина. Глаза его лихорадочно бегали. Это был уже не тот восторженный пацан, по-детски радовавшийся каждой удачной рифме. Теперь не только глаза, но и вся его сущность говорила о том, что в нем сломана самая главная пружина, как у отчаявшегося человека, ищущего смерти.

Через некоторое время Пчелкин пропал. Ходили слухи, что перед исчезновением он собирался на встречу с какими-то очень серьезными ребятами, и дело касалось весьма больших денег. А потом произошло точно так же, как он описал в своем стихотворении. Двое друзей вечерком прошлись с бреднем вдоль берега Свяги и вытащили полуразложившийся труп. Экспертиза выявила, что останки принадлежат объявленному в розыск Андрею Пчелкину.

Потом его вдова, Наташка, нам рассказывала со стучащими зубами, как она ходила в судебный морг на опознание тела.

— Поставили передо мной какой-то ящик, открыли! А там череп и кости. Меня заколотило. Ведь Андрей был такой высокий, а тут весь поместился в каком-то маленьком ящичке. Что я могла узнать по черепу и костям? Да! Вроде зубы с коронками его. Да, и клочки одежды его. Это ужасно...

Наташка заплакала. А я подумал, если бы не отобрала тогда у него кабинет для спальни, может быть, трагедии не произошло.

8

Самая характерная черта людей среднего уровня — их довольно устойчивая заурядность. О других они судят исключительно по себе, поэтому им трудно допустить мысль, что все вокруг разные, и на свете существуют такие, которые гораздо умнее, чище и совершеннее их. Принять гениальность близкого и перешагнуть через свой снобизм подавляющему большинству не удается. Ведь в своем отечестве пророков нет.

Но я лично видел людей, у которых способности выходили за рамки общепринятых норм. И я признавал собственное несовершенство по отношению к ним. Видел я и шарлатанов, выдающих себя за необычных людей. Но отличить поддельных уникалов от настоящих мне не составляло большого труда.

В начале девяностых годов я работал в газете «Слово Молодежи». Однажды меня отправили в командировку в Таллинн на съезд экстрасенсов и уфологов. У меня было задание, разыскать среди гостей экстрасенса Аллана Чумака и подбить его на интервью. Если интервью не получится, то я должен взять с него обещание зарядить нашу газету здоровьем.

В то время в России наблюдался нездоровый интерес к паранормальным явлениям. В этой сфере тусовалось самое большое количество мошенников. По этой причине меня мало что удивляло на таллиннском съезде. Чумак не приехал. Нужно было заменить его интервью какой-то другой подходящей информацией. Я ходил из одной аудитории в другую и старался ко всему относиться философски. Даже такие объявления по громкой связи не колыхали меня:

— Всем, кто входил в контакт с инопланетными существами, собраться на втором этаже, всем кто обладает ясновидением — на первом.

Помню, что я отправился на лекцию какого-то человека в плазме. Как мне объяснили, это что-то типа аватара. Лектор — космический дух. Но чтобы

появиться перед нами на Земле, он наскоро слепил себе тело из космической пыли, и благодаря этому мы можем созерцать его воочию.

Этот мужчина средних лет ничем не отличался от других людей. Во всяком случае, плазма изо рта у него не вырывалась. Он рассказывал нам об устройстве мироздания с математической точки зрения. Чертил на доске какие-то формулы и схемы и нес что-то бесконечно умное. Я не понимал ни слова. Чувствовал себя типичным дураком. Когда после лекции он собрал с нас по 5 рублей, я почувствовал себя еще большим дураком, удивляясь, зачем космическому духу понадобились земные деньги?

Много чего я там видел — фотографии с военных баз США, где склады забиты обломками летающих тарелок, тела инопланетян, рассказы людей, помнящих свои прошлые жизни. Но больше всего меня впечатлило выступление контактера Валентины Лавровой, которая собрала полный концертный зал.

Сначала она просветила нас, как устроено пространство вокруг земли — так называемые параллельные миры, затем от имени разумных существ сделала официальное заявление, что наступает эпоха бессмертия людей. Уже в 21 веке люди приспособятся жить в своих физических телах столько, сколько посчитают нужным, а умирать будут по желанию. Эта тема меня заинтересовала, потому что в молодости я ее изучал. Если коротко, то человек теоретически должен быть бессмертным, поскольку он состоит из простейших клеток, которые никогда не умирают, а только и делают, что делятся. Но в конструкции человеческого тела они начинают увядать, стареть и разрушаться. Почему? Да потому что (как утверждали научные журналы) им мешает делиться белковый шлак, захламляющий пространство между клетками. Если бы найти способ по очищению белкового тела от отработанного шлака, то человек сделался бы бессмертным.

В молодости я на эту тему написал фантастическую повесть «Феноменальная идея». В ней два приятеля изобрели электрический разрядник для разрушения межклеточного шлака в организме.

Оказалась, что эта сумасшедшая женщина знала тайну очищения организма от белкового шлака без всяких препаратов. Более того, этот способ по очистке с успехом исцелял от всех болезней. Сама же она, — как призналась аудитории, — болела чем-то неизлечимым, то ли раком, то ли СПИДом. И вот неожиданно для себя излечилась.

Я был немного подкован в этой области и знал, что какой-то способ омоложения на земле существует. Ведь омолодился же до уровня двадцатилетнего юноши престарелый Граф Калиостро. И это исторический факт. Также я видел фото молодых индийских девушек в мини-юбках, возвращающихся с танцевальной вечеринки. Этим девушкам было по сто лет, и они омолодились каким-то своим индийским способом.

Лаврова подробно рассказала, как в домашних условиях после шестидесяти лет можно омолодить свой организм до степени двадцатилетнего юноши. Не буду пересказывать этот способ, чтобы не смущать читателя, тем более что в нашу задачу эта область просвещения не входит. Лаврову вспомнил исключительно в качестве примера, что люди вокруг не все одинаковые.

Однако больше всех меня поразил один врач. Как журналист я не отходил от него целый день, сообразив, что нашел, наконец, тот самый стоящий материал, способный заменить интервью с Чумаком.

Лицо этого человека было необычайно светлым, как будто светило изнутри, и кожа его была чрезвычайно белая. Такая бывает у людей без вредных привычек. Мужчина категорически отказывался называть свое имя, лишь скромно поведал, что работает в государственной поликлинике врачом.

Его, видимо, знали многие, потому что люди к нему шли вереницей, и прямо там, в вестибюле, просили посмотреть, ходят ли за ними «черненькие». Я не совсем понимал, что это значит. Мужчина закрывал глаза, на минуту замирал, затем резко распахивал ресницы и цепко всматривался в человека. После чего рассказывал о нем все, даже о цветах его ауры. Но особенно обращал внимание на то, какие участки внутренних органов у него затемнены, а значит, в недалеком будущем эти места одолеют серьезные болезни.

Уникум, как выяснилось, видел и параллельные миры. Я попросил его обрисовать, каким образом это происходит.

— В целом я вижу, как обычный человек, — объяснил мне врач. — Но когда нужно, напрягаю зрение, или, чтобы быстрее проявилась ясность, сильно зажмуриваю глаза. И вот постепенно начинают проявляться контуры параллельных миров и сущностей, обитающих в них. Сначала смутно, потом все яснее...

По словам моего собеседника, подобное у него началось в детстве. Во время детских игр какое-то размытое существо нет-нет, да и выплывет из-за спины товарища. А когда он окончил школу и поступил в медицинский институт, то начал видеть внутренние органы, точь-в-точь, как герой романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». В то время роман еще написан не был, но когда я прочел его пятнадцать лет спустя, то мне ничего фантастического в главном герое не показалось, потому что аналогичного врача я видел собственными глазами.

— Процесс видения внутренних органов происходит следующим образом, — продолжал мой собеседник, — сначала я напряженно вглядываюсь. При этом прилагаю усилия, чтобы сосредоточиться. И вот постепенно кожа пациента растворяется, становится прозрачной, и я, будто через стекло, начинаю видеть затемненные внутренности тела. Это и есть больные места.

Мужчина рассказал мне, что когда определяет диагноз у пациентов, а затем подлечивает путем нагнетания ладонями здоровой энергии в больные органы, то почти не дышит. Еще признался, что за эту работу, сверх своей официальной зарплаты врача вознаграждений не берет.

— Я знаю, что если возьму за лечение хотя бы копейку, то Бог сразу отберет у меня этот дар. Я живу на зарплату 90 рублей. Брать от пациентов что-то сверх того, что получаю, не имею право. Вот посмотрите на мои джинсы! Как они выглядят? Новые?

— Вполне новые, — кивнул я, не понимая, причем здесь джинсы?

— А между тем, им уже больше десяти лет. Моя одежда практически не изнашивается. Я ее ношу настолько долго, что забываю, где и когда покупал.

Видимо, Бог бережет мою одежду, потому что знает, что у меня на новую нет денег.

На этих словах к нам подошли две женщины и показали фотографию мужчины.

— Он бесследно исчез два года назад, — объяснила одна из них. — Его объявили в розыск, но розыск ничего не дал. Можете вы что-нибудь прояснить?

Мужчина внимательно всмотрелся в фотографию, затем сильно зажмурил глаза и через некоторое время произнес:

— Вижу реку и домик, стоящий у реки...

— Да! — одновременно выдохнули женщины. — Его дом стоял у реки...

— Тише! — перебил врач, не открывая глаза. — Их было двое. Один маленький, коренастый, в черной кепке, другой повыше, небритый, лицо бордовое, на скуле слева большая родинка. Это они! Они убили вашего родственника. Сначала ударили ножом, а потом бросили в реку, привязав к ногам гирию...

Когда позвали на очередную лекцию, связанную, кажется, с астральными мирами, мы с моим новым знакомым направились в аудиторию. Но у самых дверей он страдальчески сморщился и схватился обеими руками за голову, будто при страшной головной боли.

— В чем дело? — удивился я.

— Нет, — тихо простонал он. — Мне туда нельзя. Там слишком грязно...

На семинар я пошел один, намериваясь после него отыскать моего нового друга. Но увы! Больше я его не увидел.

В этот день, засыпая в гостинице, я впервые в жизни попросил у Бога (хотя никакой набожностью я тогда не обладал), чтобы он помог мне достичь таких же сверхъестественных гуманных высот, каким обладает этот человек. Пусть не в этой жизни, пусть — в следующей. Но я тоже хочу видеть что-то за пределами трех измерений. В глубине души я осознавал, что подобными дарами кого ни попадя не награждают. Предстоит еще очень долгая работа по очищению души от всякой приземленной скверны.

Однако лет через десять, когда я начал писать романы, вкрапляя в них исторические отрывки, стал ловить себя на том, что вижу некоторые сцены из прошлых времен, и не просто вижу, а даже чувствую запахи. Многие меня спрашивали, изучал ли я историю Франции, когда писал «Дежавю на крови», или античную историю, когда писал «Искушение Кассандры». Я ничего специально не изучал. Просто когда доходил до исторических мест в книге, мне сама собой открывалась картинка, и я только успевал описывать детали.

Позже, когда я работал в газете «Известия» криминальным корреспондентом, я довольно точно описывал ход следствия от так называемого источника близкого к следствию. На самом деле никакого источника не было и быть не могло. Мало кому известно, что если происходит громкое убийство, то в этот день следователь, которому передают дело, еще даже не заводит папки. Так что всех деталей преступления он при всем желании знать не может. У него на ознакомление еще просто не было времени. Поэтому звонить «следаку» с расспросами — пустое занятие. Однако редактор требовал от корреспондента именно дозвона до следствия. Что оставалось делать? Придумывать анонимного источника, близкого к следствию. Мало кто догадывался, что информация от безымянного источника полностью исходила из моей головы. И практически во всех случаях я попадал в точку, угадывая с версией. В дальнейшем следствие шло именно так, как я описывал в своем первоначальном материале.

После пяти лет работы в жанре «журналистского расследования», я начал замечать, что считываю с собеседника мысли. Все, что не договаривали мне информаторы в следственных органах, появлялось потом в моих публикациях в довольно подробном раскладе. Помню, одного следователя наказали за разглашение тайны следствия, а в отношении меня пытались возбудить уголовное дело. И совершенно напрасно. Он мне никаких тайн не открывал — отделался общими словами, а я все подробности взял из головы. Но не с бухты-барахты. Додумал логически. Точнее, почувствовал то, что мне не досказал правоохранитель.

Мой дар предугадывать вопросы очень раздражал моих коллег. Они не успевали открыть рты, а я уже отвечал на вопросы.

— Чего ты перебиваешь, ведь я еще не задал вопроса, — психовал начальник отдела.

— Как будто я не знаю, что ты хочешь спросить? — отшучивался я. — У тебя же на лице все написано.

9

Говорят, черный человек есть у каждого поэта. Неординарный талант притягивает к себе кучу завистников, которые с жаром оплевывают его неординарность и по возможности вставляют палки в колеса. Мы даже по этому вопросу устраивали дискуссию в Литературном институте и сошлись на мнении, что если у поэта нет черного человека, то значит, он не столь талантлив, каким представляется.

Еще древние знали о таком явлении, как плебейская ненависть к божьему дару. Когда плебеи оплевывают любимцев богов, то этим они утверждают, поднимаются в собственных глазах, а иногда и в глазах окружающих. Но речь не об этом. А речь о черном человеке, который реально может воспрепятствовать духовному восхождению художника. И им не обязательно может быть мелкий завистник, или крупный чиновник, от которого зависит практическое продвижение произведений художника, а самый близкий человек. К примеру, муж нашей талантливой студентки требовал, чтобы она прекратила писать стихи и нашла бы себе более серьезное занятие. Эдуард Владимирович называл его искрогасителем.

Эту тему я эксплуатировал в своем романе «Коготки Галатеи», где главному герою, великому художнику, препятствовали в творчестве две его супруги. Первая — очень агрессивно. Устраивала разносы и безжалостно высмеивала его далеко не суперменское занятие, не приносящее денег. Вторая — мягко и ласково, с нежной улыбкой на губах убеждала, что ежедневное стояние у мольберта с кистью в руках, это немного не то, в чем нуждается их счастливая семья. И это действовало. Из-за семейных разногласий мой герой

потерял более десяти своих драгоценных творческих лет и, затормозив в духовном росте, едва не потерял душу, поскольку пошел на жестокое преступление.

Кое-что в романе я взял из своей жизни, но когда воплотил задумку в первоначальном варианте, в виде повести, то еще не догадывался, что главным черным человеком в моей жизни была родная и любимая жена. Осознал я это много позже. А в то время был уверен, что основным искрогасителем молодых талантов являлся секретарь Ульяновской писательской организации Анатолий Неумов. Именно он прилагал немалые усилия, чтобы затоптать меня как поэта.

Но прежде, чем рассказать об этом, хочу немного раскрыть, как практически действует механизм, приводящий молящихся к прозрению. Думаю, многие скептически покачали головами, когда я упомянул о своей просьбе Богу расширить мое духовное видение жизни. Несмотря на то, что современное мировоззрение далеко ушло от средневекового, многие религиозные люди в прямом смысле воспринимают слова из Евангелия от Матвея: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, а ищущий находит, а стучащему отворят».

Как бы ни был человек наивен, как бы свято не верил во всемогущество и щедрость Всевышнего, он прекрасно понимает, что если попросит у неба шикарную виллу на Багамах, то, скорее всего, ее не получит. А если с именем Господа на устах и металлоискателем в руках примется за поиск сокровищ, то вряд ли их найдет. А если среди ночи постучится в глухие ворота какого-нибудь краснокирпичного коттеджа с просьбой о ночлеге, то вряд ли ему откроют. В лучшем случае с ним поговорят через дверь, хотя наверное «поговорят» — сказано не точно.

Умные люди понимают, что призыв сына человеческого не относится к материальной сфере. Ведь сказано же им, что невозможно служить одновременно и Богу и маммоне. Просить можно только о духовном. Однако ломиться в праведный мир, который избавляет от невежества, совершенно бесполезно, если за тобой тянется шлейф материальных привязанностей.

Вот почему, попросив духовного видения, я начал спешно очищать свою душу от земных пристрастий, или, говоря метафорически, вытравливать из себя элементы служения маммоне, или (говоря совсем по-чеховски) — выдавливать из себя раба. Ведь человек, подобен кувшину с дегтем. Чтобы влить в него мед, надо не только полностью освободить емкость, но и хорошо помыть внутренности, чтобы не осталось даже запаха, поскольку не только ложка дегтя может испортить бочку меда, но и далеко не благоухающая вонь, оставшаяся на ее стенках.

Забегая вперед, отмечу, что все, о чем я просил тогда у Бога в Таллинне, лежа на продавленной кровати какой-то дешевой гостиницы, я получил через несколько лет. Панорамное видение мира и понимание человеческой эволюции пришли ко мне постепенно, мягко, ненавязчиво — как будто я знал об этом всегда. Я начал улавливать истоки исторических событий и понимать причину крутых поворотов цивилизаций. Мне стало ясно, что наша современность стала результатом глобальных событий, происходивших в разные времена, и ни во что другое наша современность вылиться не могла. Я стал понимать поведение людей, которое на первый взгляд лишено логики, но было достаточно приглядеться к человеку, к его характеру, мимике, жестам — и его подноготная раскладывалась как на ладони.

И здесь никакой мистики! Такое видение доступно всем. И я удивлялся тому, почему я не замечал этого раньше. Ведь это так просто! Не нужно ни особого образования, ни каких-то оккультных знаний, ни старинных заклинаний, ни современных технологий, — следует всего лишь привстать на цыпочки и взглянуть поверх голов. Впрочем, и этого, наверное, не нужно. Следует всего лишь очистить душу от наносной шелухи социума.

Сегодня понимаю, что если бы я тогда ничего не просил у Бога, а просто начал работу по вытравлению из себя всего наносного, то прозрение все равно бы снизошло.

Но читателю, наверное, интересно, как практически открываются картины иных миров после того, как попросишь Бога открыть духовное зрение взамен на избавление от материальных желаний?

Думаю, в качестве примера многим представится болгарская провидица Ванга, у которой в воображении (как она сама говорила) неожиданно всплывали картины прошлого и будущего по просьбам ее посетителей. Верующим несомненно вообразится Иоанн Богослов, которому после молитвы воочию продемонстрировали целый киносериал с ужасающими кадрами конца света. Кому-то, может быть, вспомнится скромный ученый Дмитрий Менделеев, которому во сне привиделась его же собственная таблица элементов, над которой он ломал голову дни и ночи.

Ничего подобного перед моими глазами не предстало. Просто после этого моя жизнь стала складываться так, что я начал замечать то, что проходило мимо моего внимания. Уже позже, анализируя индивидуальные ритмы своей жизни, я с удивлением открыл, что судьба за мое просвещение взялась еще задолго до той командировки в Таллинн. И сегодня я чрезмерно удивляюсь той последовательности, с которой вела меня судьба по жизни. А ведь я всегда думал, что моя жизнь складывалась из случайных порывов.

Первый ушат прозрения на меня выплеснули в четыре года, когда я на пару с подпрыгнувшей табуреткой получил освежающий электрический удар, поскольку засунул гвоздь в розетку. Это был урок на всю жизнь. Секундный просвет в глазах я по сей день считаю символом моего просвещения в области электричества. Если бы за минуту до этого перед моими глазами развернули плакат, предостерегающий от засовывания гвоздей в розетки, и тогда бы я вряд ли отказался от своего намерения.

Подобные вспышки просвета, когда мне заезжали кулаками в глаз, также были уроками просвещения, правда уже в области взаимоотношения со сверстниками, не согласными с мнением умника.

Нельзя сказать, что я был чужд учению, и только к упрямам и слепцам, игнорирующим праведные пути, применяются такие радикальные меры. Я кипами читал книги. Был записан в трех библиотеках, и мне их было мало. К пятнадцати годам я прочел всю мировую литературу. Кроме классики, был нашпигован всякой романтической чепухой из жанра социалистического

реализма. «Уж если где и есть, настоящие, люди, добрые, справедливые, понимающие, так это на морских судах», — сформировалось у меня в голове.

Так я думал, начитавшись романов о моряках. А что можно найти тут, в этом скучном волжском городке, в котором родился вождь мирового пролетариата? Бытовуху, пьянство, нецензурную брань самого пролетариата, шпану в подворотнях, разбитые бутылки да наплеванные семечки под каждой лавкой. Поэтому я и рванул в Астрахань поступать в мореходное училище. Однако в мореходку не поступил, а поступил в Морское профтехучилище на специальность судовой моторист первого класса.

Вот там уж просветили, так просветили. Дружелюбная атмосфера книжных моряков в корне отличалась от портяночно-махорочной среды будущих каспийских мореманов, где жесткое издевательство над интеллигентными пацанами было формой развлечения. По сути, атмосфера в училище мало чем отличалась от уголовной. И действительно, в нашу мазанку, которую мы, шесть морячков, снимали на окраине Астрахани, прибились два уголовника. Кажется, их разыскивала милиция. Они обещали превратить нашу жалкую халупу в процветающую образцовую блатхату и ежедневно, как на работу, ходили на ночные грабежи. Возвращались под утро с кучей барахла и кучей наручных часов, снятых с прохожих. Часы предлагали купить нам по дешевке.

Потом пришла хозяйка квартиры и уголовников выгнала вон. Но живший с нами второкурсник подбил нас на ограбление колбасного киоска, который каждый день по пути в училище провоцировал нас, вечно голодных курсантов, на обильное слюноотделение.

Мы отправились вчетвером. Ночь была кромешной. Казалось, во всем городе только и горит одна лампочка на этом самом колбасном киоске. Меня поставили на шухере, а трое моих товарищей отправились к ларьку. Я видел, как они вывернули лампочку, и услышал, как противно заскрежетал дверной замок. И тут в кромешной тьме буквально в двух шагах от себя я каким-то чудом разглядел два ряда блестящих пуговиц.

— Шуба! Мильтоны! — крикнул я.

Выскочившие из кустов милиционеры ринулись нас ловить. Помню, я летел по понтонному мосту, как птица, а мне в затылок дышал милиционер. А в голове, будто заезженная пластинка, заклинила эта бессмысленная фраза: «Почему люди не летают, как птицы?». Милиционер дважды пытался схватить меня за воротник, но я изящно ускользал, легко перепрыгивая через стыки понтонов. Через пару минут я оторвался окончательно, что, собственно, и следовало ожидать. Спортивные занятия легкой атлетикой не прошли для меня даром.

Через некоторое время после моего возвращения на квартиру прибежали и остальные, развеселые, как подвыпившие бакланы! Мы долго смеялись над нерасторопностью милиционеров, которым так и не удалось схватить никого из нас. Однако на второй день, когда второкурсник ушел на занятие, мы задумались. Откуда среди ночи легавые узнали, что мы пойдём на дело? Ведь они явно сидели в засаде, ожидая нас.

Эта разгадка открылась через два года на третьем курсе. Оказалось, что наш старшекурсник был милицейским стукачом. Он организовал ограбление киоска, чтобы и нас сделать стукачами в обмен на закрытие уголовного дела за попытку ограбления киоска. В советские времена у правоохранителей была такая практика для привлечения в органы негласных сотрудников из подростковой среды. Но, к счастью, мы в их числе не оказались.

Я наивно полагал, что в море нет такого раздолбайства и вечного пьянства, как в моряцкой среде на берегу в ожидании путины. Никогда не забуду ту разгульную неделю перед выходом в море. Когда я пришел на рыболовецкое судно, которое должно было отправиться в море на шесть месяцев, то первое, что увидел — бестолковое кишение пьяной матросни на палубе. В тот день мы, естественно, в море не вышли. Не вышли мы и на второй день, и на третий. Команда не просыхала и упорно не желала трезветь. Но это было еще полбеды. Матросы начали пропадать один за другим, как в детективном кино. Уходили в магазин за вином и больше не возвращались. На опустевшем судне из трезвых оставался только я и кокша. Капитан приказал мне

взяться за руль, вывести судно из порта и встать на рейде. Якорь сбросил сам.

Расчет был элементарный — чтобы отсечь малейшую возможность у оставшихся матросов отправиться в магазин за вином. Исчезнувших начали разыскивать и доставлять на борт на моторных шлюпках. Больше всего впечатлил боцман. Его нашли на клумбе аэропорта, мирно почивавшего на тюльпанах. Мужика доставили на борт спящим с тюльпаном под мышкой. Но затем, когда он протрезвел, снова куда-то исчез. И в море мы ушли без него.

Словом, моральный облик моряков был далек от идеала, который был сформирован в моем воображении под действием соцреалистической литературы. Однако это было не поводом для разочарования. У меня имелся вариант «б». Это тайга.

Досыта хлебнув морской романтики, я отправился в тайгу, где влился в аэрофотолесостроительную экспедицию. «Вот где обитают настоящие люди, — думал я. — Умные, интеллигентные, образованные. Каждый второй пишет стихи, или рассказы. Каждый играет на гитаре, и обожает философские разговоры о бесконечных тайнах вселенной».

Умным песням под гитару и философским размышлениям способствует лохматые лапы кедров над головой, звездное небо с падающими звездами и чарующее пламя костра посреди тайги, вокруг которого в радиусе пятисот километров не ступала ни одна человеческая нога».

Об этом я читал множество раз, и читал с упоением, воображая и себя сидящим на бревне у костра с высоколобыми бородатыми геологами.

Мечта моя сбылась. Нашу партию из шести человек забросили именно в те самые непроходимые тюменские болота, где в мечтаемом радиусе не было ни единой живой души, если не считать хантов-охотников. Однако вместо бородатых высоколобых интеллектуалов моими коллегами оказались отпетые уголовники, укрывающиеся от следствия. Устроится сезонным рабочим в таежную экспедицию, откуда нет возврата до окончания полевых работ, — это реальный вариант скрыться от правосудия.

С душевными песнями у костра получился небольшой облом. Мою гитару сперли еще в омской общаге, которая, казалась, рухнет от разгула крутых таежников с блатными наколками. Потом разгул продолжался в поезде, в Сургутском аэропорту, куда нас доставили в количестве шестидесяти человек, продолжился он в поселке Угут, где произошла небольшая перестрелка с местными хантами. После нее урки притащили в дом какую-то несовершеннолетнюю девчонку, насильно вылили ей в рот стакан водки и потащили в сарай. Мне пришлось вмешаться, вывести испуганную девушку из блотняцкого гнойника. После того, как я проводил ее до дома и возвратился в дом, меня чуть не зарубили. Один здоровенный лоб уже занес над моей головой топор, но затем отбросил его в угол и поклялся сделать из меня месиво на просеке в тайге.

Словом, не сказать, что в этой среде я сразу сделался своим парнем и крепко сдружился с товарищами по таежной романтике. Но в своем таборе из шести человек я нашел общий язык с уркаганами и даже вел с ними философские беседы. При этом я так нахватался блатной лексики, что в Литературном институте поражал своими знаниями преподавателя, читавшего нам лекции по уголовному жаргону.

Уголовная лексика в процессе жизни из меня вырывалась иногда в самые неподходящие моменты, например на репетициях в театральной студии. Помню, мы ставили «Оловянные кольца». Я играл принца Болталона. Когда забывали текст, режиссер разрешал нам кидать реплики не по пьесе, чтобы не прерывать действия. Вместо того, чтобы сказать что-то типа: «Сударь, вы мерзавец! Защищайтесь!», из меня вырывалось: «Чеши грудь, падла! Сейчас выпущу кишки!»

После тайги была нефтеразведка. Засаленная фуфайка, свистящий ветер и слетающая с головы ушанка! Я стою на самом верху, прикованный цепью к железной стойке, и подтягиваю к себе тяжелые трубы для наращивания подземной трубы. Когда это поляя громадина была слишком далека от меня, приходилось отстегивать страховочную цепь и на уровне бедер перегибаться через перила. Снизу немедленно начинал нестись отборный мат бурового

мастера, потому что слететь с верховой площадки можно было в один момент. Но если в тот же момент замешкаться, не отстегнуться и вовремя не направить трубу в нижнюю резьбу, снизу громыхал такой же мат далеко не деликатного характера. Поэтому особой разницы не было, в каком виде получать отеческое наставничество от старшего товарища — с расстеганной страховкой, или с пристеганной.

Именно на буровой я впервые задался вопросом, почему меня начитанного, интеллигентного пацана, всей душой тянущегося к высокой культуре, поэзии, литературе, классической музыке; ко всему адекватному, тактичному, добропорядочному, ко всем светлому, возвышенному, духовному судьба постоянно кидает в какую-то уголовку. Причем, на самое что ни на есть дно.

Сейчас, конечно, понимаю для чего. А где бы я еще мог досконально изучить психотип этой блатной братии, которая так разнообразна, что ее представителей можно отнести как к невежественной части общества, так и к среднему человеческому слою. Среди мошенников и воров, кстати, встречались такие обаятельные и задушевные люди, что их можно ошибочно отнести к добродетельной части общества. Но не будем наивными! Обаяние и задушевность для мошенника — это такой же рабочий инструмент, как набор пилок для мастера ногтевого сервиса.

Словом, если бы меня не побросало тогда в юности по всяким притонам и блатхатам, сегодня бы я знать не знал, что представляет собой этот срез человеческого общества, и ты бы сейчас, читатель, не читал моей книги, поскольку бы у меня не было ни малейшей ясности по поводу ее содержания. Ведь, действительно, как еще можно изучить эту братию? По книгам Шишкова, Солженицына, Шаламова? Изучить, наверное, можно. Но как говорится, — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Хотя в моем случае, — лучше один раз влезть в шкуру, чем сто раз прочесть.

10

Человек, ощутивший боль на своей шкуре, более зрелый, чем тот, который знает о боли с чужих слов. Человек, ощутивший зло на себе, менее слеп, чем

тот, который знает об ужасах только из кино. Если людям с более развитой душой (говоря словами Платона) уже открыто знание о добре и зле, это означает, что в прошлых жизнях они нахлебались зла в достаточном количестве. А люди с вожделеющими душами (опять-таки формулировка Платона) его еще только хлеблют.

— Но ведь зло убивает надежду и затаптывает в душах свет! — возразит умник.

Бывает, что и затаптывает. Но таков путь человеческого просвещения. Как говорят восточные мудрецы: «Народы топчут свет — учатся ходить».

Так что все в мире, который многие считают несправедливым, идет так, как нужно человеческой эволюции. И человечество направляет свои стопы именно туда, куда ему следует. Только глупцы думают, что во имя справедливости нужно изменить мир. Но понятие человеческой справедливости сильно отличается от божьего разумения правды.

Мир менять также бесполезно, как менять течение времени с чередованием дней и ночей. Менять нужно себя, поскольку этот мир — всего лишь наше отражение.

Вернемся к прозрению. Разочарую. Цветного видео горних вершин я в ту ночь в таллиннской гостинице не увидел. Не возникла перед моими глазами и расшифровка тайных символов, записанных на скрижалях. И во сне ничего такого вещего не приснилось. Кажется, в ту ночь мне вообще не снились сны.

Но моя жизнь, как я уже говорил, потекла таким образом, что мозги постепенно начали проясняться, извилины распрямляться, а с глаз словно спа-ла пелена. Это не означает, что меня облепили духовные учителя и приня-лись наперебой раскрывать тайны мироздания (хотя таковые тоже были), или в руки сами собой поплыли древнейшие тексты, раскрывающие суть божественного промысла. Просто обстоятельства складывались так, что мои негативные черты стали постепенно уходить в песок. И помогали мне в этом люди не всегда добрейшей души.

С моим тщеславием мне окончательно помог распрощаться ответственный секретарь Ульяновской писательской организации Анатолий Неумов, по тем временам — большая шишка. А начал эту работу мой первейший собрат по перу Андрей Пчелкин. Пожалуй, расскажу.

Бытует мнение, что стремление к славе — вещь для поэта вполне естественная. Естественная, обыденная и здоровая. Как же любимцу музыки без лаврового венка на голове? Им не гнушался даже мультипликационный поэт Светик, от которого всем приветик. Но сегодня мне стыдно об этом вспоминать. Желание славы для меня сейчас равносильно постыдной похоти.

Но славы в молодости очень хотелось. Тщеславие буквально поедало меня поедом. Мне не терпелось печататься в толстых столичных журналах, иметь миллионные тиража, как у Вознесенского, собирать стадионы, как Евтушенко. И надо отметить, что я собирал. Правда, не стадионы. А полные скверы в парках, когда выступал на летних эстрадах, и полные залы актовых залов различных учреждений. И даже делал аншлаги во дворцах культуры.

Мы много тогда выступали с моим другом Андреем Пчелкиным. И выступали триумфально. С середины восьмидесятых по девяностый год люди тянулись к поэзии, потому что ожидали каких-то светлых перемен в стране. В шестидесятых, в период оттепели, народ тоже ожидал перемен, потому и шел толпами на поэтов, чтобы услышать что-то новое и правдивое.

На нас с Пчелкиным народ тоже шел толпами. И слушал довольно внимательно. Когда читаешь стихи перед зрителями, всегда знаешь, когда тебя слушают, а когда нет. Бывали случаи, когда мы декламировали словно в пустую бочку. Вроде и испарина на лбу, и тишина в зале, а чувствовали, что не слушают. Больше всего мы ненавидели давать концерты в рабочих общежитиях, когда к нам на вечер коменданты приводили подвыпивших, вялых и издевательски скалящихся мужичков. А больше всех любили выступать в тюрьмах, особенно в женских. Вот там аудитория всегда была благодарная. Чувствовалась, что в поэзии они нуждались больше других. Перед выступлением в женской колонии мы с Андреем даже заключали пари. Я уверял, что вышибу слезу из зала уже на третьем стихотворении. И вышибал. Я пре-

красно знал, на какие струны нужно надавить в той, или иной аудитории, и хорошо был подкован в том, какие стихи лучше воспринимаются с голоса, а какие с листа. Как правило, самые сокровенные стихи, воспринимаются только с листа, но ими невозможно завести зал, и их, в отличие от моего товарища, я не читал.

Помню, как меня трясло в 1989 году перед рыцарским турниром поэтов Поволжья. Я всегда с легкостью занимал первые места в областных турнирах и конкурсах. Однако тот региональный турнир был посерьезнее. На него пригласили судей из издательства «Молодая гвардия», а поэтов — из всех волжских городов — от Астрахани до Рыбинска. Среди них были весьма профессиональные ребята. Особенно я опасался одного самарского поэта, весьма мастеровитого, отличника Литературного института, фамилию которого уже не вспомню. Он мог составить мне конкуренцию.

Накануне перед турниром мое настроение было мрачным. Я сильно нервничал. Если я не займу первое место — то этого не переживу. Точнее, не переживет мое самолюбие. Сами же люди более живучие, чем их самолюбие. Я засыпал в совершенном раздрае, с ужасом представляя, как завтра для меня, для поэта, уютно почивавшего на лаврах первейшего из всех, может все закончиться. Я полечу с Олимпа вниз головой, словно Гефест, сброшенный Зевсом.

Но когда на следующий день я проснулся от, проникших сквозь шторы, солнечных лучей, то радостно рассмеялся. «Кто же кроме меня может стать победителем? — сверкнула здравая мысль. — Разве есть на свете поэты сильнее меня?».

Я пришел в ДК Профсоюзов с полной уверенностью, что займу только первое место. Зал был полон. Народ стоял даже в проходах. Набитый до отказа зал я посчитал добрым знаком.

В то солнечное утро, не предвещавшее никаких сюрпризов, я еще не знал, что все места этого турнира уже были распределены заранее в обкоме партии и даже впечатаны в лауреатские дипломы. И инициатором этого заговора был мой первейший друг Андрей Пчелкин, у которого мама работала в

партийном аппарате. Она и осуществила на практике этот не вполне рыцарский маневр, пригласив гостей из Москвы в обкомовский буфет на гостеприимную попойку. После обильного возлияния и роскошного угощения призовые места распределись следующим образом — первое место отдали Андрею Пчелкину, второе — тому самому самарскому поэту, а третье — мне.

Когда подвыпившая комиссия выразила согласие, присутствующая на банкете машинистка тут же села за машинку и впечатала призовые места в дипломы.

Начался турнир. Выступили поэты из других городов. Отчеканил свои стихи Пчелкин. Громыкнул своей железной подборкой и коллега из Самары. Я ловил за занавесом каждое слово, и с каждой минутой настроение мое улучшалось. Мне равных нет! Это факт. И чего я взял, что буду повержен? Наконец, ближе к финалу объявили меня.

С первых же моих слов в зале началось движение. Я заметил, как ожили и патриархально просветлели члены комиссии, у которых, как я догадывался, была не легкая ночь. Зал разразился такими аплодисментами, что пришлось на бис прочесть еще одно стихотворение.

По окончании турнира я наблюдал со сцены (и не только я — все поэты), как сидящие в первом ряду столичные мэтры что-то бурно между собой обсуждают и горячо спорят с важно восседавшими товарищами из обкома. В конце концов, комиссия пришла к соглашению. Москвичи согласно закивали, а местное начальство как-то недовольно выпятило губы. Один из них достал ручку и начал вписывать что-то в грамоты. Как оказалось, он исправлял в призовых дипломах то, что накануне было впечатано печатной машинкой.

Когда нас, участников турнира, пригласили на сцену и объявили, что первое место занял Александр Андрюхин, я не мог удержаться на месте и подпрыгнул чуть ли ни до верхних рамп, хотя в другом исходе уже никто не сомневался. Зал разразился одобрительно аплодисментами. Второе место присудили Самарскому поэту, третье — Пчелкину. И это было справедливо.

Уже потом, взглядевшись в лауреатский диплом, я задумался. В нем поверх напечатанного третьего места жирной ручкой была вписана единица. Первой мыслью было, что это ошибка. Хотя какие могут быть ошибки, когда напечатано на машинке. А это означало, что места распределили заранее. Но ведь это подлость! Поэзия и интриги — вещи несовместимые.

Роились и другие мысли. Но они недолго занимали мою голову. Было радостно и весело! К тому же на сцену за автографами посыпали поклонницы.

После этого мы пошли в ресторан. Я заметил, что Пчелкин был чем-то расстроен.

— По-моему, третье место для тебя нормально, — сказал я. — Ты не согласен?

— Согласен, — ответил Андрей, приставив ладонь ко лбу. — Все нормально. Просто вчера мы немного перебрали.

— Ты не в курсе, кто заранее распределил места? — поинтересовался я.

— Это в обкоме, — поморщился Андрей. — Не бери в голову. Они в поэзии ничего не смыслят.

Только спустя два месяца я узнал, что идея приписать себе первое место на турнире принадлежала отнюдь не обкомовским отцам, а моему товарищу. Известие меня неприятно резануло. Прежде всего, потому, что Пчелкин первого места не заслуживал. Это если по совести. Однако я решил отнестись к этому философски и не пускать обиду в душу. Слава для поэта — естественное здоровое желание. Тем более что Пчелкин — фанат поэзии.

Когда мы познакомились с Андреем в литобъединении, он мне показался не очень даровитым. Такого ярко-выраженного поэтического слога у него не просматривалось. Но что подкупало, он мог сутками не отрывать головы от стола, забывая о сне и еде, — писать и черкать, переписывать, снова черкать и в ключья рвать бумагу. Подобное упорство вызывало у меня уважение. Я знал, что большего успеха в поэзии добиваются не те, чья даровитость выделяется из ряда, а кто упорнее всех трудится.

Дар у таких «трудяг» может быть очень скромным, но в процессе ежедневных мучений талант развивается до космических масштабов. И напро-

тив, я наблюдал, как многие талантливые поэты, которым легко давались стихи, деградировали из-за собственной лени и дурацкой самонадеянности, что дарование их вытащит.

Словом, врагом для меня Пчелкин стать никак не мог, несмотря на закулисные фортеля. Но он первый пошатнул мою веру в справедливое отношение к таланту.

11

Следует четко отличать одаренных людей от пустышек, которые пытаются выглядеть в глазах окружающих одаренными. Таких очень много. И большинство из них занимают начальственные должности. Это явление вполне закономерное и известное еще с античных времен. Чем бездарнее человек, тем больше он хочет возвыситься. Ведь, как тонко заметил поэт, это «таланты тянутся к свободам», а «бездарность тянется к чинам». Руководящая должность для художника с весьма скромным дарованием, пожалуй, единственное, что может подкормить его ранимое самолюбие. Так что нельзя сказать, что люди искусства — это одинаковая однородная масса, сплошь состоящая из добродетельных людей.

В предыдущих главах мы определились, чем гений отличается от таланта. Однако и талантливых людей можно условно разделить на три категории.

Первая категория самая низшая. Дарование в них едва теплится. Это сплошь гуна страсти, поэтому любое творчество для них — ступень к восхождению на пьедестал. Их первые творческие порывы направлены на удовлетворение собственного тщеславия, а не для «езды в неизвестное». В этой категории обитают как откровенные бездарности, так и харизматичные чайники. Как правило, чайники по упрямству и снобизму не уступают графомам, но с некоторыми случается чудо, и они начинают познавать секреты гармонии. Чаще, правда, (потеряв надежду создать что-то великое) становятся чиновниками. Однако те, кто упрямо продолжают осваивать тайны поэтического творчества и периодически марают бумагу, к преклонному возрасту могут добиться успехов. Правда, скромных. Иными словами, при правиль-

ном понимании творчества и при железном проявлении воли, а так же при условии ежедневного труда даже бездарность может развить в себе способности до таланта средней степени.

Ко второй категории как раз и относятся художники с уровнем таланта средней степени. Среди них люди, как среднего человеческого слоя, так и высшей гуны добродетели.

Деятели искусства данного уровня уже освоены правила гармонии, правда, в разных степенях. Но они уже четко знают цену профессиональным произведениям, которые создаются кропотливым трудом, а не посредством «священного безумия». Именно к этой категории и относился Сальери, который сетовал на то, что правды нет не только на земле, но и выше. Разумеется, не реальный композитор Сальери, современник Моцарта, а литературный пушкинский персонаж, которого русский поэт (без каких либо доказательств, а по одним слухам) сделал преступником.

Именно в этой категории больше всего серости, которая остановилась в своем искусстве на среднем уровне, убежденная, что добилась предельных высот. Но, как мы знаем, любая остановка движения ведет к деградации.

И наконец, люди высшей категории таланта, у которых чувство гармонии врожденное. Это практически гении, или полугении. Они схватывают все на лету, творят быстро, легко, естественно, словно играют. Кто наблюдал за музыкантами симфонического оркестра, наверняка замечал, что одни из них играют серьезно, напряженно, с сосредоточенными лицами и с тяжелыми морщинами у лба, а другие — легко и изящно, с лучезарными улыбками на лицах и вдобавок подмигивают зрителям во время сложных партий. Обе эти категории музыкантов играют правильно, без ошибок, но большими профессионалами считаются те, которые делает это легко и непринужденно.

— А какая разница, кто как играет, если оба оркестранта играют правильно? — поморщится умник. — Тем более что если слушать музыка в записи и не видеть оркестра, вопрос, кто профессиональней, вообще лишен смысла.

Все верно. Для исполнения отрепетированного произведения на концерте это не имеет никакого значения. Однако для изучения музыкальной партии,

первые потратят много сил и времени, а вторые виртуозно сыграют свою часть произведения в один присест, едва раскрыв ноты. Именно против такой несправедливости свыше и восстал пушкинский Сальери.

Но не только музыкальная легкость была предметом зависти Сальери, но и легкость характера маэстро. Моцарт был веселым, дурашливым, бесшабашным — гуляка и повеса! А каким ему еще быть, если нет необходимости в истязании себя долгими репетициями. Да и сочинениями он себя особо не напрягал. Садился за фортепьяно, за пару часов набрасывал симфонию и отправлялся по венским кабачкам отмечать рождение шедевра.

А Сальери нужно настроиться, сосредоточиться, собраться, зашторить окна, установить гробовую тишину, запереть все двери на ключ и сделать серьезный вид, без которого в сочинительстве опер никак. Оттого и характер у него суровый. И тяжелая морщинка оставила метину между бровями, потому что композитора с этой минуты ожидали тяжелые дни и бессонные ночи творческого горения. Хотя какого горения? Многомесячная мука, сопоставимая с изнуряющей работой раба на галере.

Откуда у Сальери время на вино, разгулы, кабачки, уличные театры и задорных музыкантов на площадях? А когда Амадей привел в его дом бродягу со скрипкой, который при игре жутко перевирал автора, — это было последней каплей. Если бы у Сальери так исказили музыку на улице — он пришел бы в бешенство, потому что ему каждая нота дается с кровью. А Моцарту только смешки. Вдобавок, он еще и заплатил бродяжке, прежде чем выпроводил его за дверь. Конечно, Амадей себе может такое позволить. Ему сочинить сонату, как в два пальца свиснуть. И за что Господь дал такой великий дар легкомысленному гуляке?

Если бы пушкинский Сальери был менее завистливым и более прозорливым, то заметил бы не только безграничное жизнелюбие своего друга, но и какую-то детскую незлобивость в его характере. Может, такой тип людей наиболее приятен Господу, и он за это вознаграждает незаурядным талантом?

Не будем гадать. Щедрость Господа здесь совершенно ни при чем. Просто Моцарт не первую жизнь проживает в музыке. Поэтому и музыкальная грамота, и обучение на фортепьяно, и сочинительство опер давались ему легко. Он уже много раз воплощался музыкантом, а значит чувство гармонии у него врожденное, так что зависть Сальери к маэстро совершенно напрасная. В прошлых жизнях Моцарт также дни и ночи корпел над клавиром, заливая потом нотные листы. Но труды не проходят даром. В 18 веке он практически родился мастером, поэтому и сочинения ему давались без испепеляющих творческих мук. Что касается Сальери, то в следующей жизни он обретет такую же легкость, как Моцарт, поскольку тяжесть праведных трудов ему было предрешиено одолеть в текущей жизни. К тому времени нового воплощения и характер у него изменится. Он станет более человеколюбивым, распрощается со страстями и даже может быть родиться в высшей человеческой касте — благостной, как говорят индусы.

Можно ли из вышесказанного сделать вывод, что современные чайники и бездарности через энное количество перевоплощений тоже станут гениями? Безусловно! Поскольку путь освоения законов мироздания протекает в том числе и через муки творчества. Так что от искусства никто не освобожден, даже неизлечимые прагматики, полагающие, что сочинение стихов, или нанесение красок на холст — наиглупейшее из занятий.

Остается ответить на вопрос, чем поэт высокого таланта отличается от стихотворца скромного дарования, который пишет такие же профессиональные стихи?

Отличие в мировоззрении. Чем менее одарен поэт, тем более узок его кругозор. Менее одаренные поэты пишут только на очень ограниченные темы — о себе, о своих страданиях, о несчастной любви, иногда в качестве «обязаловки» — о природе, но затем снова переходят на себя. Это ковыряние в себе — их основная тема.

Одаренные поэты пишут про все, что видят, слышат, ощущают и предчувствуют. Они скачут по всей вселенной, и всей вселенной им мало.

При современном разгуле массовой культуры, которая не отличается особой духовностью, большинству не под силу отличить подлинное искусство от имитации. Не искушенным в высоких материях людям весьма непросто распознать подлинный талант среди махровой бездарности. Однако различить талантливых и бездарных художников можно по степени их агрессивности. Как известно, агрессивность и бездарность всегда обитали рядом, а истинный талант всегда ассоциировался с редким человеколюбием, поскольку именно он призван сеять разумное, доброе, вечное.

Самой яркой агрессивной бездарностью, которой меня наградила судьба, был редактор столичной «Вечерки» Александр Купердяев. Многих резанет словосочетание «наградила судьба» по отношению к агрессивной бездарности. Судьба, как принято считать, награждает богатством и благополучием, удачами и победами, большой любовью и крохотными усилиями на пути к истине. Она, наконец, награждает заблудших благородными спасителями, которые указывают правильное направление, а заодно указывает, где зарыт клад. Судьба награждает щедрыми меценатами, мудрыми учителями, святыми старцами, которые спасают душу, препятствуя греховным поступкам, и даже вырывают из вездесущих когтей дьявола.

Но я не оговорился! Встречу с агрессивной бездарностью я сам попросил у Бога в Таллинне после общения с врачом, поразившим меня своими сверхъестественными способностями. Ведь кроме неординарных возможностей этого человека, меня впечатлила его безграничная отзывчивость. Ведь он, как я видел собственными глазами, не отказал ни в одной просьбе незнакомым людям, и при этом даже не заикнулся о вознаграждении. Это была та самая высшая степень человечности, о которой мечтает каждый по отношению к себе. Тогда я еще не знал, что для людей из категории благости бескорыстная отзывчивость — такая же норма, как для нас ежедневная чистка зубов.

Как бы там ни было, но привычные устои нашего общества, основанные на товарно-денежных отношениях и стяжательстве, у меня померкли в тот

же день. Мне нестерпимо захотелось в тот мир доброты и справедливости, где царит истинная человечность, где обитают люди, глядящие на мир прозревшими глазами и понимающие суть человеческой эволюции, а не блуждающие впотьмах, как подавляющая часть обитателей земли. Вот тогда-то я и попросил у Бога приоткрыть мне завесу запредельного и сделать меня таким же добродетельным, как этот врач, который никому не отказывает в помощи.

Конечно, я понимал, что просто так ничего не дается. Я же ни какой-то глупец, чтобы кланяться у Всевышнего денег, власти, славы, счастья в личной жизни и блестящих успехов в карьере. Словом, весь это пошлый набор, предназначенный для комфортного обитания на земле, который перечисляют большинство верующих, представ перед чудотворными иконами. Тогда я уже понимал, что на землю нас спускают отнюдь не для комфортного отдыха, и эта популярная фраза Короленко из его очерка «Парадокс», что человек рожден для счастья, как птица для полета — не более чем утопическая мечта.

Словом, соображал я, чтобы у меня открылось духовное зрение, которое Лев Толстой называл прозрением, я должен немедленно избавиться от тех качеств, которые могли бы воспрепятствовать созерцанию горних вершин. Такие черты характера, как желание славы, или стремление к благополучию, в нашем социуме не считаются постыдными. Но ради прозрения я от них отказался в первую очередь, причем без особых раздумий. Перебрав в себе все негативные черты, я решил похоронить в себе презрительное отношение к бездарности, а также искоренить в душе детские обиды, великодушно простив обидчиков. Последнее оказалось самым трудным, поскольку обиды у меня сидели чуть ли ни в подсознании. Именно за окончательную победу над ними я и был вознагражден встречей с такой жестокосердной сущностью, как редактор «Вечерки».

По профессиональным качествам Купердяев — типичный «чайник», упертый и бестолковый, без каких-либо надежд на просветление. Причем, «чайник» во всех направлениях, как в журналистской деятельности (в основном

колумнистской, поскольку в эксклюзивной новостной, а тем более в расследовательской, на которой специализировался я, он был абсолютным нулем), так и в написании книг. Да-да, он писал книги, и я, может быть, был единственным, который их читал. Напомню, что «чайник» — это тот, который придает большое значение внешней форме и не имеет ни малейшего понятия о том, что в литературе, как и везде, основное — это суть. Пустота в книгах Купердяева свистит и завывает как ветер на заброшенном пустыре. Не нужно быть крутым литературоведом, чтобы определить, что автору сказать совершенно нечего, а славы писателя ему хочется сильнее всего.

Во всех газетах, в которых работал Купердяев, начинались проблемы с содержательной частью. Она потихонечку начинала исчезать после того, как он устраивался на заместительские должности.

— Но ведь уметь хорошо устраиваться на руководящие должности — это тоже своего рода талант, — скажет умник.

Никакого таланта! Это инстинкт выживания, присущий людям с завышенными амбициями, но с весьма скромными способностями. Таких довольно много, и наверняка каждый с ними сталкивался. Они умеют себя подать, но удержаться на работе не могут, поскольку начальство вскоре убеждается в их бесполезности. Таких «специалистов» в народе называют проходимцами.

Так и Купердяева рано или поздно разоблачали, и он вскоре оказывался на улице. Его, как пустозвона, выперли из ряда известных федеральных газет. Только из «Столички» выгнать не успели. Он развалил ее прежде, чем хозяева сообразили, кого они приняли на работу.

Когда я пришел в «Вечерку», то был поражен любительским уровнем издания, напоминавшего больше стенгазету малярно-строительного ПТУ. Любая провинциальная многотиражка могла дать фору этой газете в области профессионализма.

На ее страницах совершенно отсутствовала какая-либо информация. Больше половины писанины, подаваемой в ней в виде заметок, не имело никакого отношения к новостям. События, которыми жила страна, совершенно не отражались в газете. Никакие! Ни острые, ни горячие, ни даже постыдно

нейтральные, не говоря уж о значимых. Чем же были заполнены полосы? Каким-то длинными и невнятными высказываниями неизвестных столичных чиновников, какими-то скучными необработанными пресс-релизами, какими-то совершенно не читабельными интервью с ничем не примечательными людьми, таким же пустыми и занудными, как редакционная коллегия газеты.

Однако никчемная редакторская деятельность Купердяева (точнее, полная бездеятельность) была еще цветочками. Главная характерная особенность издания была в другом — в убудочной сущности редактора, которая извергалась из него двенадцать часов в сутки. Именно столько времени длился рабочий день в «Вечерке», причем, как в будни, так и в выходные, поскольку корреспонденты помимо своих обязанностей отработывали еще барщину в виде бесконечных дежурств.

Как была поставлена работа в газете, больше напоминало сумасшествие. Если говорить коротко — это была одна сплошная летучка, во время которой Купердяев в маргинально хамской форме изливал свое негодование по поводу заметок. Все летучки (а в день их было не менее трех) проходили посреди громадного помещения, в котором томились журналисты. Почему томились? Потому что любой шаг на улицу, для репортажа, или для интервью, расценивался, как попытка улизнуть с работы раньше времени и навлекал дополнительный психический приступ редактора.

Корреспонденту прощался срыв заявленного в номер материала, провал в сборе информации, полный непрофессионализм в разговоре с источником по телефону, но ему не прощалось отсутствие на летучках. На ней была обязана присутствовать вся редакция — от шеф-редактора до самого последнего корректора, не говоря уж о журналистах. При этом запрещалось совершать рабочие звонки, разговаривать по телефону и громко щелкать по клавиатуре. Хотя мало кто отваживался во время оного оставаться на рабочем месте и набивать текст. Все должны были сидеть за длинным редакционным столом и, угрюмо склонив головы, слушать истерические вопли Купердяева по поводу вышедшего номера. Первая утренняя летучка длилась около двух ча-

сов. За это время руководитель успевал трижды смешать с грязью всех, кто работал над номером, от авторов до выпускающих редакторов.

Когда летучка заканчивалась, вся редакция облегченно вздыхала и бросалась на свои рабочие места ваять заметки. Все начинали торопливо звонить, расшифровывать записи на диктофонах, договариваться по поводу встреч. Именно в этот короткий промежуток времени между двумя летучками нужно было как можно больше собрать информации для утвержденного материала. Дальше времени уже не было.

В полдень начиналась вторая летучка по поводу следующего номера, точнее начиналась вторая часть спектакля одного актера, который подготовил Купердяев для редакции. Он обрушивался на журналистов с новой яростью, и при этом уже не стеснялся в выражениях. На летучках совершенно неожиданно оживали давно стертые из памяти фразеологии из моего далекого дворового детства. Странно было слышать от пожилого человека интеллигентной профессии, да еще главного редактора столичной газеты, такие уличные выражения прыщеватых подростков семидесятых, как «иди отсюда, не воняй», или «заткни пасть, кишками пахнет».

В таком духе главный редактор в основном общался с женской половиной издания. Говорить подобным образом с мужчинами Купердяев опасался. Был трусоват. Против несогласных журналистов он плел интриги, причем какие-то постыдные, не достойные мужчины. Заставлял начальников отделов писать докладные на своих коллег, а затем гневно зачитывал их перед коллективом.

На должности руководителей редактор назначал таких же «профессионалов», каким являлся сам. Наш начальник отдела не только не понимал, какая информация является новостной, а какая пустышкой, но и вообще, кажется, смутно представлял, где он работает. Каждый раз, когда он делал заявки в номер, всю редакцию прорывало на смех.

— Поскольку близится день рождение Пушкина, — говорил наш начальник отдела с умным лицом, — предлагаю нашего корреспондента Захарова нарядить в костюм Пушкина и приклеить ему бакенбарды...

Редакция каталась от смеха. И подобное приходилось слышать изо дня в день.

Любого адекватного газетчика удивит подобное «руководство» главного редактора «Вечерки».

— А чего, собственно, орать по каждому новому выпуску? — пожмет плечами он. — Если проваливается номер за номером, то дело не в журналистах, а в главном редакторе. Разве не он во время подготовки номера обязан снимать некондиционные материалы и исправлять ошибки в заметках? Ведь редактирование текстов — его прямая обязанность.

Правильно! Но обязанность для профессионального редактора! Купердяев к таковым не относился. Как я понял, ему совершенно было безразлично качество газеты. Для него главное другое. И это другое связано с его травмой, полученной в детстве.

Многие мои тогдашние коллеги прекрасно понимали причину ежедневных нападок Купердяева на подчиненных и замечали в его глазах мстительный блеск, когда он яростно обрушивался на того, или иного корреспондента. Дело не в том, что корреспондент недобрал информации в заметке, или наоборот перегрузил ее излишними деталями, а в том, что Купердяева в детстве живые родители отдали в детский дом. Вот эта детская обида и взрастила в нем ненависть ко всему светлому и талантливому.

Конечно, многих в детстве обижали, у многих в подсознании укоренились обиды, как, например, у Алеши Пешкова, которого родная мать променяла на любовника, а дед по всякому поводу лупил розгами. Но детские обиды не превратили Горького в чудовище, потому что он через все свои несчастья пронес в душе божью искру. Все детские невзгоды Горького стали материалом для его будущих книг. Другими словами, пролетарского писателя от превращения в бесчеловечное существо спас его божественный дар.

У Купердяева никакого дара не было в помине, а тем более божественного. Если когда-то в нем что-то и теплилось, то давно превратилось в угли. Сегодня он представляет собой злобного, гневного маразматика с подрост-

ковыми амбициями, люто ненавидящего людей и распущенного от своей безнаказанности.

И кому как не мне было знать, с какой целью проведение наградило меня знакомством с ним. Судьба наглядно показала мне, до какого убудочного состояния может дойти человек, который вовремя не очищает душу от детских обид.

О темной стороне детских обид я много черпнул от легендарного ростовского следователя Амурхана Яндиева — главного специалист по серийным убийцам. По его мнению, маньяками становятся те, которых много обижали в детстве. Их не любили родители, обзывали в детских садах, забивали в школах, опускали в тюрьмах. По причине своей трусости и ничтожности они не могли постоять за себя.

— Однако зло в человеке не исчезает, — подчеркивал Амурхан Хадрисович, — оно только накапливается и сжимается, как пружина. И в этом сжатом состоянии зло может пребывать очень долго, пока не наступит благоприятный момент для мести. У Чикатило детская обида таилось внутри более сорока лет, прежде чем он начал расчленять детей. А причина в том, что в детстве во время голода его семья съела его младшего брата. Совершенно забитый в тюрьме Муханкин, который казался безобиднее тли, вышел на волю с единственной целью, отыграться за свои обиды на еще более слабых, чем он — на женщинах...

Во многих американских фильмах потрошители показаны умными, расчетливыми, хладнокровными и даже высокоинтеллектуальными людьми с ясным рассудком и здоровой памятью. Все в точности до наоборот. Это полное ничтожество, слабое, трусливое, с беспросветным мраком вместо души. У них только одно желание — мстить за свои обиды. Разумеется, нападать на бугаев и здоровых архаровцев, которые насильовали их на зоне, они опасаются, поэтому жертвами маньяков становятся женщины и дети.

Но серийные убийцы — это только малая часть маньяков, с затаенными обидами в душах. В основном они представители маргинального среза, примитивного, недалекого, необразованного, относящегося по большей части к

самому низшему человеческому слою — невежественному, или (по Платону) вождеющему. Большинство людей с маниакальными наклонностями оканчивают ВУЗы, делают карьеры и даже получают руководящие должности, точнее сказать — делают все возможное, чтобы их занять. При этом подсознательно выбирают те места, где можно безнаказанно вымещать свои детские обиды на слабых и подчиненных. Среди таких много школьных учителей, детских инструкторов, воспитателей детсадов. Уверен, что каждый в школе замечал, как у самого принципиального учителя загорались странным блеском глаза при издевательстве над тем или иным учеником. И если проследить цепочку, то можно увидеть, что подвергавшиеся нападкам ученики напоминали злобному учителю тех, кто обижал его в детстве.

А сколько бешеных начальников обитает в различных учреждениях, которые вспыхивают от каждого пустяка и учиняют на пустом месте разнос своим сотрудникам. Большинство из них маньяки, мстящие за свои детские обиды. Если бы такие начальники не занимали высоких должностей, и у них не было возможностей изливать свою агрессию на подчиненных, они пополнили бы число ночных потрошителей.

И Купердяев — один из них.

13

Следует отличать маниакальных ублюдков от классических. И тех и других довольно много в творческой сфере или поблизости. Разумеется, их достаточно и в других сферах жизни, но мы разбираем только творческую. Как мы уже упоминали, при литературных кругах крутится огромное количество «чайников», которые воображают себя литераторами.

Уточню, что маниакальный ублюдок — это тот, который мстит талантливым людям за свои обиды и за свою бездарность. Многие скажут, что если человек обижен судьбой, то причем здесь бездарность? А притом, что бездарность — первейшая подруга обидчивости. Подлинно талантливые люди великодушны, они не впускают в душу обид и не опускаются до такой пле-

бейской мелочевки, как месть. Пример маниакального ублюдка я уже привел. Но среди людей существуют еще категория классических ублюдков.

Поясню, что вообще подразумевает это слово. Сегодня его значение считается оскорбительным. Но в первоначальном варианте это слово никакого оскорбительного оттенка не несло. Просто обозначало определенную категорию людей.

Если исходить из толкования Даля, то ублюдок — это выродок, сукин сын, нечистокровный, рожденный в грехе. Такое толкование обидное. Согласен. Однако сомневаюсь, что оно верное. Это на западе больше значение предавали благородству происхождения. В Древней Греции тоже, кстати, предавали, поскольку считалось, что дети наследуют характерные особенности родителей и один к одному повторяют их жизнь. Так что если человек в своей сущности подлый, то и его дети будут подлыми. «Не может чрево собаки родить льва!» — считали греки. Насколько они были категоричны в вопросах крови, свидетельствуют стихи Феогида из Мегары:

Нет, голова раба никогда не держится прямо,
Вечно она склонена, шея кривая под ней.
Как гиацинтов и роз из лука морского не выйдет,
Так и свободных детей чрево рабы не родит.

Однако на Руси рождению не предавали большого значения, поэтому предположение Даля, что это слово произошло от английского blood, что означает кровь (и обозначает людей не чистого рождения), вряд ли можно считать верным. К тому же Даль был датчанином и всех тонкостей русского языка не знал, да и с чего он взял, что русские люди брали за основу труднопроизносимые английские слова.

«Ублюдок» мог произойти только от старославянского слова блюдо, являющимся синонимом миски. И это все ставит на свои места. Потому что на Руси ублюдками называли вчерашних холопов, которых барин приблизил к себе (к своему блюду), поставив зрителями над равными — либо старос-

тами в деревнях, либо управляющими в имениях. И поставленные начинали проявлять нетерпимость и ненависть к своим собратьям, среди которых и сами были недавно. Так что понятие «ублюдок» произошло от русского словосочетания «у блюда», а не от английского слова blood, обозначающего «кровь».

Словом, классический ублюдок, это в первую очередь вчерашний холоп, который потерял человеческий облик от полученной должности, поскольку вообразил себя избранным. Он больше напоминает пса, сидящего на цепи и злобно бросающегося на всех, кто проходит мимо, с полной готовностью растерзать. «А за что растерзать?» — спросите вы. Не «за что», а «во имя чего»!

Во имя того, чтобы показать свою собачью преданность хозяину. Ведь он же холоп! Когда на подобные хозяйские должности ставили людей не холопского происхождения, такого озверения не наблюдалось.

Впрочем, корректорша газеты «Культура» Татьяна Макакина больше напоминала дворовую шавку, лающую из подворотни. Если кто-нибудь видел, как мелкая собачонка, высунув из-под забора оскаленную морду с тощими клычками, захлебывается от собственного лая и исходит в конвульсиях от злости и ярости ко всему проходящему мимо и при этом имитирует готовность выскочить наружу, чтобы бы намертво вцепиться в ногу прохожему, — это портрет Макакиной.

От ее визгливых воплей по поводу какой-нибудь описки в заметке журналиста содрогались все три этажа особняка в Архангельском переулке, где находилась наша редакция. Всем было понятно, что таким образом она утверждала свою самость, потому что без ежедневных напоминаний о себе ее необходимость в редакции была бы поставлена под сомнения. Профессиональные качества Макакиной были совершенно ничтожны. Казалось, чего проще сверить с интернетом фигурирующие в газете фамилии или названия организаций. Однако из-за своей бестолковости, она не могла даже этого. Когда среди рабочего дня в редакции начинали раздаваться очередные матерные вопли, это означало, что Макакина не может найти чью-то фамилию

в интернете, и корреспонденту приходилось отвлекаться от работы над текстом, чтобы найти ее в сети для корректорши.

Пока главный редактор Елена Ямпольская находилась в газете, истерики Макакиной не выходили за пределы корректорской комнаты. Но когда Ямпольская стала депутатом и засела в Госдуме, корректорша принялась скандалить во всех уголках редакции. Она даже начала учинять психические разносы за ошибки в текстах в аудитории журналистов, при этом совершенно не соображая, что сотрудники берут по телефону интервью и разговаривают с заслуженными деятелями культуры, учеными и депутатами. Брать интервью у известных персон, мягко говоря, не очень комфортно, когда в спину несется отборный мат. Да и на том конце как-то с недоумением замолкали при воплях корректорши.

Но это были еще цветочки. С исчезновением Ямпольской Макакина начала требовать от журналистов, чтобы они отражали только те факты, которые есть в интернете. Любая информация, не подтвержденный всемирной сетью, встречался шквалом негодования. То есть, эксклюзив исключался категорически. Дремучая безграмотность этой тетки стала отражаться на качестве газеты, в частности — в дикой заштампованности. Макакина понятия не имела об особенностях авторского языка, да и вообще его не чувствовала, и даже не отличала живую речь от мертвой канцелярской лексики. Все, чем она обладала, — двумя десятками газетными фразеологиями, закостеневшими еще в советские времена. Если журналист не укладывался в рамки этих фразеологий, он становился кровным врагом Макакиной.

Отследить причину такого поведения женщины не сложно. Совершенно очевидно, что за ненавистью к пишущей братии скрываются ее неосуществимые мечты в литературе или журналистике. Но состояться в качестве литератора или журналиста она не могла по причине своего остро выраженного скудоумия. По этой же причине она не могла понять — что корректорская работа для человека ее уровня — это потолок.

Ублюдочная сущность корректорши в полной мере раскрылась после того, как Ямпольская поставила ее начальницей корректорского отдела. Вот тут

Макакина распоясалась, что называется, на полную катушку. Ведь шавкам главное показать свою преданность хозяевам.

Все-таки многовековое холопство на Руси не прошло для нас даром. Оно в генной памяти у значительной части населения нашей страны. Наверняка многие встречались с яростными, лающими и мстительными людишками на мелких начальственных должностях, которые лебезят и заискивают перед высоким руководством, но теряют всякую человечность в отношении подчиненных. Это классические ублюдки, у которых на генном уровне проявляется память о тысячелетнем холопстве их предков.

В истории нашей страны наибольший всплеск ублюдочности наблюдался в революцию. Вчерашние холопы, которые были никем, а стали всем, лютовали и зверствовали на комиссарских и начальственных должностях, отчасти из мести за свое многовековое ничтожество, но в основном — ради того, чтобы угодить высокому партийному начальнику. Неужели еще кто думает, что усердие Ежова и Ягоды в креслах руководителей силового ведомства — это идейное служение идеалам революции? Это стремление угодить хозяину. И хозяина их «усердие» устраивало. Правда, до поры до времени, пока не закипели народные низы.

Проявление ублюдочности я наблюдал и в середине девяностых, когда работал пресс-секретарем в законодательном собрании. Еще тогда я заметил одну странность среди избранников народа — чем ничтожнее сам по себе человек, тем больше он требует почтения к своей персоне.

Вчерашний колхозник с депутатским мандатом мог придти в бешенстве, если его избиратель (бывший товарищ по скотному двору) обращался к нему на «ты».

Но вернемся к Макакиной. В газете работала ее дочь — весьма невоспитанная и очень неприятная особа из-за своей импульсивной и неуравновешенной психики — несдержанная, крикливая и матерящаяся по всякому поводу. Она курировала культурную часть газеты и люто ненавидит представителей российской культуры, независимо от регалий и заслуг. Во всяком случае, на каждой летучке по пятницам она оплевывала и обкладывала не-

цензурной бранью всех тех, о ком заикались журналисты по поводу интервью, — певцов, композиторов, актеров, режиссеров, народных артистов, заслуженных деятелей искусств. Все они, по ее разумению, были мерзавцами, сволочами и проходимцами.

Многих известных персон, материалы с которыми размещались в самой «культурной» газете, неприятно поразили бы то обстоятельство, что перед тем, как появиться на страницах издания, они были смешаны с дерьмом и свирепо обложены матом распущенной дочерью корректорши.

А какой же еще могла быть дочь Макакиной? Ведь сказано же греками: «Не может чрево собаки родить льва». А русскими сказано: «Яблоко от яблони не далеко падает». А Горьким сказано: «Человек — это звучит гордо». Лев, кстати, — тоже звучит гордо. А вот шавка — звучит не очень гордо. Но что поделать, если судьба родила тебя шавкой, а не львом. Хотя если ты рожден человеком, у тебя есть выбор — не быть шавкой.

14

Стремление к славе мало чем отличается от стремления шавки подобострастно угождать хозяину. У тщеславия тоже есть хозяин, которому оно старается угодить, — это самолюбие. Благодаря общению с такими людьми, как Неумов, Купердяев и Макакина, мое нездоровое желание славы как-то быстро и незаметно сошло на нет. Вся эта ничтожная братия никак не вписывалась в мои высокие поэтические миры. Затем провидение устроило так, что меня начали публиковать, как никого другого.

Как я уже упоминал, публиковаться было тяжело. Среди моих товарищей только и разговоров было о том, кто сколько получил отказов из толстых журналов. Я глубоко убежден, что публиковаться поэту необходимо. Причем, любому — талантливому, посредственному, сильному, слабому. И слабому — всего нужнее.

Публикация стихов не связана со стремлением стихотворца вознестись над толпой. Это связано с его дальнейшим движением вперед. Каким бы ни был поэт гениальным, но время от времени ему нужно увидеть себя со сто-

роны, посмотреться в зеркало, разобраться, как его сочинения смотрятся в печатном виде, как выглядят на фоне других стихов, как реагирует на них читатель. Только после публикации и наступает трезвость по поводу своего собственного творчества.

В этом отношении, я понимаю главного героя романа Булгакова «Мастер и Маргарита», который впал в жесточайшее уныние от того, что его не печатали. Это уныние остановило его дальнейшее движение в литературе. Мало того, что безызвестность убила его, как литератора, так и вся его жизнь покатила под откос.

Я знал многих поэтов, которые застыли во времени только по той причине, что их не печатали. Хотя застыли — это мягко сказано. Просто умерли. Ведь жизнь, физическая ли, духовная — это, прежде всего, движение.

Многим моим братьям по литературе сорвало крыши из-за отсутствия публикаций. Практически все были уверены, что в редакцию нужно приходиться с портфелем водки, чтобы поить, поить и еще раз поить ленивых редакторов. Тогда надежда на публикацию еще может появиться. От поэтов можно было услышать, что путь к публикациям в журналах лежит исключительно через постель. «Чтобы чаще издаваться, нужно чаще отдаваться», — назидательно качали они головами, когда видели подборки незнакомых поэтов на страницах литературных журналов, в которых им отказали.

Наша Ульяновская поэтесса Светлана Матлина была на этом просто повернута. Доходило до анекдота. Однажды в «Молодой гвардии» мы встретили пожилую, толстую, непривлекательную женщину, которая к тому же еще и хромала. Она стояла с палочкой на лестничной площадке и важно курила Беломор. Когда мы с ней разговорились, она показала номер «Литературной учебы», в которой были помещены ее стихи.

— Все ясно, — понятиливо покачала головой Матлина. — Она отдалась. Но от меня этого не дождутся...

К самой Светлане, по ее словам, приставали во всех редакторских кабинетах, причем, как двадцатилетние практиканты Литературного института, так и восьмидесятилетние старики-редакторы, которые едва передвигались и

жутко хрипели на выдохе. Но именно потому, что наша коллега была честной женщиной и верной женой, ее стихи принципиально игнорировали в столичных изданиях. Мы, разумеется, сочувственно кивали ее гражданской честности и супружеской верности, но за спиной покатывались со смеху. Нам представлялась ровно противоположная картина. Эта она приставала к редакторам с непристойными предложениями, едва они раскрывали ее рукопись. Возможно, редакторские планктоны и рады были бы почитать ее стихи, но из-за ее домогательств им приходилось спасаться бегством.

Словом, у моих товарищей поэтов в плане публикаций складывалось не весело. Однако мои стихи со скрипом, но печатали. И довольно регулярно. Прозу же — просто рвали из рук.

О том, что моя проза оказалась более востребованной, чем стихи, я узнал случайно. У меня было написано несколько фантастических рассказов, но серьезно я к ним не относился. На одном литературном семинаре в городе Горьком мы познакомились с группой молодых фантастов. В частности, наше внимание привлекла молодая красивая женщина, которая оказалась их руководительницей. Когда мы приблизились к ней с нашими фирменными средневожскими улыбками, она поинтересовалась, не пишем ли мы фантастику?

— Не обязательно научную! — уточнила красавица. — Можно сказочную, можно лирическую, можно мистическую — любую, которую нельзя назвать реализмом.

Два моих товарища со вздохом пожали плечами, а я произнес не очень уверенно.

— Вроде, я пишу!

— Прекрасно! — белозубо ослепила незнакомка. — Пришлите мне. Мы собираем сборник фантастики для издательства «Молодая Гвардия».

Рассказы я послал. К моему удивлению, им дали высокую оценку, опубликовали и заплатили приличный гонорар.

Позже, когда я выпустил собственный сборник фантастических рассказов и повестей, один экземпляр уплыл за океан в Национальную библиотеку

конгресса США. К этому времени моя фантастика уже всюду печаталась в Америке.

Произошло это опять-таки случайно. Подруга моей жены Лариса вышла замуж за американца. Она поселилась в Лос-Анджелесе, неподалеку от горы с надписью Hollywood. Я передал ей дискету с только что написанным киносценарием:

— Будешь в районе Голливуда, отдай первому попавшемуся режиссеру, — сказал я Ларисе, понимая, что это звучит анекдотично. — А вдруг понравится!

Конечно, я не надеялся, что Лариска с моей дискетой дойдет до какой-нибудь киностудии, а если и дойдет — кто там будет читать русскоязычный сценарий?

Но моя знакомая, после того, как пережила занудную брачную церемонию в Лас-Вегасе, заностальгировала по России, особенно по нашим разудалым бесшабашным свадьбам с веселым выкупом невесты, с песнями, кто во что горазд, с бодрыми половецкими плясками на столах и даже с жизнеутверждающими национальными мордобоями. Ничего подобного в Лас-Вегасе (где брачевание американцев считается престижным) не наблюдалось. В тихой скучной гостинице молодожены с пафосом слопали по куску торта, а остальное торжественно положили в морозилку, чтобы в следующем году на юбилей достать и доесть окончательно.

Словом, ностальгические воспоминания понесли Лариску в русский квартал Лос-Анджелеса, где она в какой-то лавке набросилась на бочковые огурцы, как оголодавшая кобылица. Моченые огурцы подействовали на русскую мисс просветленно. Она вспомнила про дискету с моим сценарием, которая лежала у нее в сумочке, и с соленым огурцом в руке направилась в сторону голливудской горы. Однако до Голливуда не дошла. По пути на каком-то здании увидела знакомые буквы и зашла в него. Таким образом она попала в редакцию национальной американской газеты «Панорама» на русском языке. Мою дискету со сценарием передала первому попавшемуся редактору, который встретился ей в коридоре.

Самое удивительное, что редактор мой сценарий прочел, а также прочел все остальное, что было на дискете. Он позвонил Ларисе и сказал, что сценарий очень понравился, но объем не позволяет опубликовать его в газете. А вот рассказы, которые помещены на дискете, он напечатает с большим удовольствием.

— Надеюсь, автор не будет против?

— Не будет! — ответила Лариска.

После этого в «Панораме» начали печатать мои рассказы, причем в каждом номере. И напечатали их все, что были на дискете. За каждый опубликованный рассказ аккуратно выплачивали гонорар. В валюте. Не плохой.

Здесь следует добавить, что мои товарищи однокурсники без особого восторга отнеслись к моим публикациям в США. Тогда, в начале девяностых напечататься за рубежом было куда проще, чем в российском журнале, пусть даже и бесплатно. Многие студенты нашего курса печатались в иностранных журналах. Только ленивый не публиковался во Франции, или в Германии.

Так получалось, что именно проза, которую я в грош не ставил и писал, как говорится, одной левой, немедленно попадала в печать. Причем, настолько молниеносно, что я не успевал ее толком отредактировать. Да если бы только отредактировать! Я не успевал ее даже перечитать в рукописном виде. Едва поставлю финальную точку, роман уже в печати.

Свою повесть «Коготки Галатеи» я отослал в «Юность» и настроился на долгое ожидание. Кто публиковался в те времена, тот конечно знает, что номера литературных журналов были расписаны на два года вперед, и нового автора ставили на годовую очередь только для ознакомления. Но не прошло и месяца, меня на улице встречает знакомый и начинает поздравлять с публикацией в «Юности».

— Быть такого не может, — удивился я. — Мне даже еще не пришло извещения, что рукопись принята к рассмотрению.

Один из первых моих романов «Соло для скрипки с Маргаритой» в начале нулевых был переиздан разными издательствами девять раз — и это всего за год и два месяца. По числу переизданий мой роман мог попасть в книгу ре-

кордов Гиннеса. Кто имел дело с книжными издательствами, то заявит, что такого не может быть в принципе, чтобы девять раз за год издать один и тот же роман в нескольких издательствах. Когда подписываешь договор на издание, то передаешь издательству все права на книгу минимум на три года, а чаще на пять лет. Если в этот период ты подпишешь контракт на издание той же книги с другим издательством — то можешь навлечь на себя большие неприятности, и даже влететь на штрафные санкции, поскольку покусился на коммерческую прибыль издательства.

Однако на очередные подписания контрактов меня толкали сами издатели. Уверяли, что никакого ущерба предыдущим издательствам нанесено не будет. Во-первых, потому что тиражи у них давно разошлись, а во-вторых, книга выйдет под другим названием.

Мной упомянутый роман в первый раз вышел под названием «Меченый». 25 тысяч экземпляров разошлись за неделю.

Потом были переиздания под другими названиям — «Соната бомжа», «Соло для скрипки с оркестром», и прочими. Роман издавался как отдельными книгами, так и в различных журналах и альманахах — «Смена», «Подвиг», «Искатель» и других.

Когда через некоторое время очередное издательство предложило мне переиздать роман с измененным названием, я честно признался, что менял название уже восемь раз.

— Ничего, — бодро ответили в издательстве. — Поменяй и фамилию. Придумай псевдоним!

Над псевдонимом я бился три дня. Когда на метро проезжал станцию Преображенскую, в мозгах просветленно сверкнуло! «Ну, конечно же! — воскликнул я про себя. — Чем не псевдоним «Преображенский». Красивый, запоминающийся, благородный. Напоминает профессора Преображенского из романа Булгакова».

После того, как моя книга с новым названием «Печать сатаны» вышла под псевдонимом, я залез в интернет и увидел, что писателей с фамилией Преображенский в России не меньше десятка. Нашелся даже мой полный теска —

Александр Преображенский из Саратова, который специализировался на книгах о компьютерах. Столь не художественная тема не помешала поисковой системе сети включить мой остросюжетный детектив в список его специфических книг.

Аналогичная история повторилась с моим романом «Дежавю на крови». Книга переиздавалась семь раз под разными названиями: «Награда королева Марго», «Долг королеве Марго», «Марго» и другими. По роману поставили радиоспектакль и хотели снять сериал. Но с сериалом что-то не задалось.

Однако даже после изданий и переизданий полутора десятка моих романов, я продолжал считать себя в прозе полнейшим дилетантом, не заслуживающим такого сумасшедшего количества публикаций.

И вот однажды мне пришло письмо с просьбой заполнить анкету и рассказать о себе. Это было нужно для издания всемирной энциклопедии, в которую намеривались поместить всех писателей фантастов, когда-либо живших на земле, а также сказочников и сочинителей, писавших что-то из своего воображения. Я поскреб голову и решил не отказывать составителям энциклопедии, чтобы не обижать их. А то сочтут меня за сноба. Анкету я заполнил, отослал и забыл. Потом, мне кто-то говорил, что встречал мою фамилию во всемирном справочнике писателей фантастов. Я особого внимания не обратил.

Но много лет спустя, когда я работал в «Известиях», в один прекрасный день откуда-то с репортажа возвратился сотрудник нашего отдела Вадим Речкалов и с какой-то подозрительной вежливостью завел со мной разговор. Я насторожился. Уж кто-кто, а Речкалов никогда не отличался вежливостью, и к коллегам относился без трепетного уважения. Наоборот, обругать или даже заехать по физиономии собрату по перу, считал первейшей своей обязанностью. «Не иначе решил поиздеваться, перед тем, как сказать очередную пакость», — подумал я.

Но отнюдь! Речкалов рассказал, что только что возвратился из магазина «Библио-Глобус», где он листал всемирную энциклопедию фантастов. И вот что его поразило — в ней оказался я.

— Твоя фамилия идет сразу после Андерсена, — осведомил Речкалов. — И о тебе так уважительно написано...

Речкалов заметно помрачнел. Уважительного отношения к кому бы то ни было, а тем более к коллеге, было выше его понимания. Но меня больше удивило другое: зачем Вадим, не писавший фантастики, листал энциклопедию фантастов? Спросить, не было времени — я в это время долбил заметку в номер, чтобы успеть до дедлайна.

— И что? — бросил я механически.

— Как это что? — удивился Речкалов. — Беги скорее в магазин за энциклопедией, пока не разобрали.

— На кой черт она мне сдалась? — ответил я с раздражением, потому что не успевал с текстом.

Речкалов помрачнел еще больше и сердито насупился.

— А я бы побежал...

В его интонации, кроме нотки зависти, я уловил вселенское непонимание, и подумал, что лет пятнадцать назад за изданием, в котором упомянута моя фамилия, я рванул бы до канадской границы. Однако на тот момент во мне не шевельнулось ни малейшей крупинки гордости. И не могло шевельнуться. Тщеславия давно во мне уже было похоронено.

15

Чтобы возобновить свою «езду в неизвестное», литератору необходимо насытиться публикациями. Ему, кроме гордости за себя, необходимо разочарование. Он должен на практике убедиться, что в мире ничего не изменится от того, что его стихи о самом сокровенном напечатают в литературном журнале. Его выпущенная книга не перевернет вселенную и не изменит человеческой сущности. Ведь без публикаций писатель так и будет пребывать в заблуждении, что он способен изменить мир, если явит ему свое «гениальное» творение.

Когда мои бывшие товарищи во время случайных встреч показывают свои скучные подборки стихов в каких-то бедных региональных альманахах на

отвратительной бумаге, я понимаю, что они навсегда остались там, в восьмидесятых, со своими прежними мыслями, отсталыми убеждениями, категоричными суждениями, невеселыми разговорами о мировой несправедливости и великими обидами на бездушных редакторов. Время давно шагнуло вперед, а они все топчутся на месте, ковыряясь в себе гнойные раны. И мне совершенно понятно, что это результат того, что их в свое время не печатали в литературных журналах. А сейчас уже не нагнать. Время неумолимо. Если тогда публикации имели какой-то вес и какое-то значение (все-таки, страна была самой читающей в мире), сегодня — никакого.

После таких встреч у меня надолго остается тяжесть на сердце, и я сутки не могу избавиться от запаха нафталина. На ум невольно приходит, что преждевременная смерть Высоцкого имеет ту же причину. Напечатали бы у него пару подборок в «Новом мире», или в «Дружбе народов», глядишь и прожил бы лет на десять больше. Ведь он так хотел официального признания.

Все неудачники несчастливы по своему, а все счастливички одинаковы в своих суждениях по поводу неудачников — люди сами во всем виноваты! Судьба выбирает энергичных, деятельных, целеустремленных. Если к тебе не благоволит судьба — значит, ты ее не достоин.

Но так ли это? Давайте приглядимся и к тем, и к другим! Удачливые люди действительно деятельные и энергичные. Они инициативные. Вдобавок веселые, приятные, обаятельные. И мало пустословят. Улыбка на лице и доброжелательный вид — их визитная карточка. На главное, они без причины не говорят об окружающих плохо.

Неудачники вялые, ленивые, тяжелые на подъем. Много критикуют, как свое близкое окружение, так и высшие эшелоны власти. Им не жалко времени на скандалы. Предпочитают без конца «качать права», чем конкретно что-то делать. Еще очень любят рассуждать, говорить, говорить и говорить. Иногда с жаром. Их обычное состояние — угрюмость и недовольство всеми.

В советские времена людьми подобного рода были забиты все НИИ. Имелась такая категория нервных, худошавых, бородатых мужичков с ко-

лючими глазками, много ругающих руководство в курилках и смоливших сигарету за сигаретой. Собственно, в курилках они и проводили большую часть времени, где вели бесконечные разговоры с коллегами и много спорили на различные темы. А на рабочих местах были незаметными и практически ничего не делали, потому что делать ничего не умели. Эти люди считали себя передовой частью советской интеллигенцией. В народе их называли вшивой интеллигенцией.

Откуда пошло это выражение? Многие считают — из Сталинских лагерей, где помимо всякого уголовного сброда, находились высококультурные образованные люди. На самом деле это выражение уже применялось во второй половине 19 века. Так купцы называли образованных людей, окончивших университеты, которые много и длинно рассуждали о жизни. Хотя нет! Больше костерили власти, которые, по их мнению, толкали страну в пропасть. Дипломированные господа прекрасно разбирались в том, как нужно жить народу и как руководить Россией, чтобы население империи не бедствовало, а сама империя была сильной и могущественной державой. Однако эти блестяще образованные и умно рассуждающие люди, прекрасно знающие, как привести к светлому будущему человечество, почему-то пасовали перед плевой пустяковиной — не могли себе заработать на жалкий кусок хлеба. Они практически были нищими, имели неопрятный вид и в перерывах между руганью вечно что-то выпрашивали у обеспеченных знакомых. У них даже водились вши. Отсюда и выражение — вшивая интеллигенция, которая в своем ничтожном существовании обвиняла государство. При советской власти таких называли неудачниками, а сегодня — лузерами.

Собственно, вот и ответ, почему одним благоволит судьба, а другим нет. Блеклые, занудные, несимпатичные люди отталкивают от себя не только окружающих, но и саму удачу. Такими даже брезгают темные силы, если верить Булгакову.

В молодости я презирал бездарных. Был убежден, что в своей бездарности они виноваты сами. Они сами себе закрыли путь к духовному развитию гордыней и бессмысленным снобизмом. Мне пришлось положить много лет,

чтобы избавиться от этого недостатка. Ведь презрение к людям (неважно к каким, пусть даже к самым ничтожным) — это серьезное препятствие для духовного восхождения.

Сегодня человеческую доброту я ценю выше таланта. «Высший ум — это мудрость, но высшая мудрость — это доброта». К этой известной восточной мудрости я пришел сам, однако не без помощи моего однокурсника Николая Мазуренко, который больше напоминал громоотвод, когда я заводился по поводу человеческого убожества.

— Будь снисходителен к заурядным людям! — говорил Николай. — По большому счету тебе бы следовало их пожалеть, потому что им не дано то, что дано тебе.

Сегодня понимаю, что нет никакого смысла презирать ничтожество. За ним (за этим ничтожеством) все равно придется возвращаться. Завершив свою земную эволюции, человечество не снимется с земли до тех пор, пока последний человек не пройдет все круги. Этого последнего, застрявшего на одном из земных уровней, будут дожидаться все двадцать миллиардов душ, готовых к трансформации в новые миры. Это как в армии, где отстающего бойца подхватывают за плечи товарищи, которые не имеют право его бросить, чтобы следовать всем взводом дальше.

Много человеческих душ опередило основную массу людей в духовном развитии. Они разумнее, они выше духом, они вполне уже готовы для жизни в тонких мирах, однако путь им туда закрыт, пока не подтянется остальная часть человечества.

Поэтому, как не беги впереди себе подобных, как не презирай их за бездарность, ничтожество и умственную отсталость, как не скрепи зубами по поводу их лени, пьянства, блуда, как не ругай их за равнодушие к высокому и за привязанность к мелкому кайфу, как не закрывай глаза на валявшихся в лужах алкашей, как не проходи ускоренным шагом мимо вонючих бомжей, все равно за ними придется возвращаться, чтобы поднять на ту высоту, на которую ты взошел, благодаря своим праведным жизням и вечным мукам творчества.

Вот только за этим потом на землю придется спускаться дополнительно, несмотря на то, что ты честно заслужил божественную тогу.

16

К пониманию многослойности общества, как уже говорилось, я пришел самостоятельно в процессе своей бурной жизни. Потом я только подтверждал свои нажитые на практике знания в классических индийских учениях. Согласно индийским ведам, все человечество разделено на три сословия, независимо от национальности и причастности к той или иной расе. Планетные носители разума, то есть люди, пребывают в трех ипостасях, или качествах, или (говоря по-индуски) в гунах.

Первый уровень называется гуной невежества. Людям, пребывающим в этом слое общества, неведомо о добре и зле. Они примитивны, агрессивны и гневливы. Они глупы и невежественны. Для них насилие — это норма. По сути, это почти животные, облаченные в человеческие тела. Духовных высот они не понимают, поэтому благоговейт только перед материальным. Слабый человек для них — это легкий способ для наживы, либо для самоутверждения за счет его унижений. Человеческая жизнь для таких людей имеет меньшую ценность, чем, к примеру, дорогая вещь. А деньги — их единственное высшее божество.

Такие люди обычно рождаются в диких племенах. Но их также можно встретить в уголовных бандах.

Древние индусы считали, что в период Кали-юги все люди погружаются в гуну невежества, даже те, которые рождены в других ипостасях. «Гуна тьмы, порожденная невежеством, — цитирую Бхагавад-гиту, — держит все воплощенные живые существа в плену иллюзии. Её влияние проявляется в виде безумия, лени и сна, которые опутывают обусловленную душу».

Однако мы ведем речь не о приобретенных качествах в процессе жизни, а о тех, которые даны людям от природы.

Второй уровень человечества — гуна страсти. Современный мир в своей большей части как раз и пребывает в этом духовном состоянии. Людям средней категории известно о добре и зле, но эти знания большого влияния на их поступки не оказывают. Они нередко отважны в боях, проявляют самоотверженность и благородство в отношении слабых, но слишком горды и падки до благополучия, чтобы поступиться ими ради общего блага. Их души затемнены жадностью, похотью, желанием возвыситься, даже путем подлости. Они бывают очень деятельны и энергичны, но к этому их подталкивает алчность.

Третий уровень — сословие благости. В этой гуне много одаренных людей и гениев. О добре и зле они знают досконально. Смертные этого божественного качества добродетели мудры, добры, благородны и отзывчивы к слабым. Их души светлы, рассудок ясен, помыслы благие. Они обладают чувством стыда и чувством истинной чести, и именно эти высокие чувства удерживают их от дурных поступков.

Исходя из знаний о человеческих уровнях, Платон сочинил свой знаменитый тракт об идеальном государстве. Он поделил государственное общество на классы, исходя из духовной зрелости людей.

В первый класс мыслитель поместил примитивных людей, в которых преобладает вожделеющая часть души, — тех самых невежд, крепко привязанных к материи, — крестьян, ремесленников, торговцев. Эту часть общества следует держать в крепкой узде, — считал греческий писатель. Ими следуют жестко руководить, пресекать их животные вожделения, и не давать волю их изменным желаниям. Ведь по причине незрелости разумной части души они своими действиями могут причинить боль и страдания другим людям. У них еще не выработано чувство сострадания и не проявлено элементарное сочувствие к ближним. Они понятия не имеют о добре и зле. Вот почему их нужно заставлять работать, поскольку тяжелый труд, нужда и ежедневные заботы о хлебе насущном делают людей более рассудочными.

В средний класс воинов и стражников Платон поместил людей второго уровня с более развитой душой. Такие уже обладают внутренней дисципли-

ной, поскольку понимают, что такое добро и зло. Люди хоть и со страстной, но осознанной душой, уже умеют управлять своей волей, а значит, они более восприимчивы к учению. Ведь их профессия требует особого воспитания и специальных знаний. Поэтому главной чертой воинов является доблесть и мужество. Подвиги во имя славы для них существеннее, чем чувство сытости и радость плотских удовольствий. На этом человеческом уровне чувства уже преобладают над примитивными инстинктами, но больше всего довлеет страсть.

В третий класс Платон поместил правителей. Это высшая каста людей из гуны добродетели. К ней относятся носители разума с небывало развитой душой (по-Платону, с разумной), которые умеют познавать и созерцать благо. В касту добродетели входят мудрецы, поэты, музыканты и прочие носители божьих искр.

Знание о человеческих сословиях уходит в глубокую древность. Разделение людей на касты произошло задолго до Платона, в те далекие времена, когда белые завоеватели под предводительством арийского вождя Рамы вышли из северных лесов и устремились в сторону индийского океана, на берегах которого обитало черное население — остатки лемурийской расы.

Уже более четкое разделение на касты наблюдается в Индии, когда полудикие племена белых пришельцев обосновались на полуострове Индостан и начали образовывать государства. В те далекие времена населением полуострова действительно правили мудрецы под видом жрецов.

Но со временем во всем древнем мире сформировался рабовладельческий строй, при котором, рожденные от рабов дети, также становились рабами, а дети правителей перенимали власть от родителей. К временам Платона индивидуальная зрелость души перестала иметь значение.

Что касается сегодняшнего дня, то при современном демократическом равенстве давно не вспоминают о человеческих уровнях, да и знать не знают, что это такое? Общество стало однородным. Но только на первый взгляд. Если взглянуть в него пристальней, то можно увидеть, что люди планеты

также разделены на три группы. И кто из нас кто — распознать не так уж и сложно.

17

Читатель вправе спросить, чем конкретно люди низшей категории невежества отличаются, скажем, от носителей разума среднего слоя, в которых преобладает страстная душа?

Внешне ничем. Все одинаково одеты, кто в рваные джинсы, кто в элегантные костюмы, все потребляют одни и те же гамбургеры, суши, роллы, все приверженцы одной и той же моды, все одинаково испытывают влечение к навороченным смартфонам, автомобилям, элитному образу жизни. Но время от времени в этом людском водовороте кто-то кого-то нет-нет, да обзовет в сердцах дебилем.

Слой невежественного уровня — не самая низшая ступень человечества. Существует еще более низкое качество людей. К ним относят идиотов, имбицилов и дебил. В наше время умственную отсталость связывают с врожденной болезнью. Но болезнь ли это? Болезни, как известно, лечатся лекарствами и внушениями, но попробуйте что-нибудь внушить идиоту с уровнем IQ в 25. У него недоразвита не только психика, но и практически отсутствует интеллект, который как раз и является аппаратом по восприятию. Человеческие существа из этой группы почти не разговаривают. Их эмоции в зачаточном состоянии. Наблюдается полное отсутствие каких-либо человеческих чувств. Идиоты даже не могут себя обслуживать и способны только на ритмичные, односложные действия. Самым большим достижением для них является сидение на стуле, или самостоятельное передвижение на собственных ногах. Впрочем, тибетские учителя называют идиотов неудачами природы.

Однако по поводу имбицилов (олигофренов средней степени слабоумия) высказываний тибетских учителей я не слышал. Возможно, это тоже неудача природы. Хотя имбицилы уже могут сами себя обслуживать, но речь имеют косноязычную и школьному обучению не поддаются из-за малой степени IQ

— от 20 до 30. Жить самостоятельно среди людей они тоже не способны — только под присмотром специалистов.

Но что совершенно бесспорно, так это то, что дебилы — предшествующая ступень человека до того, как он созревает до уровня невежества. Иногда между дебилами и представителями невежественного слоя грань настолько размытая, что с первого взгляда не распознаешь, кто из них кто. Так кто же такие дебилы на самом деле? Давайте разберемся.

Остро выраженных дебил можно наглядно увидеть в фильмах Тарантино. Но в жизни отличить их от обычных людей весьма и весьма не просто, если не познакомиться с ними поближе. В этом деле мне помог один знакомый психиатр, который работал в школе-интернате для умственно отсталых детей.

Дебил имеет легкую степень слабоумия. Уровень IQ у него лежит в пределах 50–70. Он хорошо приспосабливается к социальной среде, особенно в детском возрасте. Дебилы попадают даже в общеобразовательные школы, поскольку элементарная способность к обучению у них все-таки имеется. Многих, правда, выявляют в начальных классах и переводят в спецшколы, но некоторые доучиваются до 9 класса. Точнее, их дотягивают учителя.

В школе интернате для отсталых детей я наблюдал их довольно долгое время. Ничего необычного в них нет. Правда, бросалась в глаза некоторая заторможенность у отдельных детей, но основная часть мало чем отличалась от здоровой поросли. Умственно отсталые также с криками носились на переменах, как в обычных школах, мирно общались друг с другом, гонялись наперегонки, радовались каким-то птицам за окном, жевали бутерброды и горстями запихивали в рот конфеты.

Однако во время уроков лица учеников заметно грустнели. Их глаза становились пустыми, губы унылыми. Некоторые начинали возиться, шуршать под партами бумажками и чем-то еще, чтобы занять себя во время скучного времяпрепровождения в классе. Многие с интересом устремляли блестящие глаза к окну и наблюдали за происходящим во дворе довольно живо, хотя за окном ничего интересного не происходило. Во дворе мрачный серый забор,

да пара кривых деревьев, ветви которых раскачивались от ветра. Но однажды на дерево каким-то образом занесло белку. Весь класс вскочил на ноги и взволнованно заверещал, указывая пальцами на животное. Строгая учительница едва их успокоила.

— В целом, наши дети отличаются от обычных только одним, — просветил меня психиатр, — очень узким кругом интересов. Хотя круг интересов — это громко сказано, — покачал головой врач. — Сферу их интересов можно сосчитать по пальцам — это влечение к еде, к агрессивным мультфильмам, к противоположному полу, а в старших классах еще и к алкоголю. И пожалуй, все. Влечения к складыванию цифр, к чтению, или писанию — у них не наблюдается.

Впрочем, я наблюдал, как дети младших классов с интересом рассматривали муравьев и еще каких-то букашек в траве. В это время глаза у них были более осмысленными, чем у преподавателей на уроках.

Как объяснить научно, что часть людей нашего общества рождается именно такими? Классическое объяснение следующее — это дети таких же дебил родителей, как они. Еще — это «воскресные» дети, то есть — зачатые в пьяном виде, а также дети хронических алкоголиков. На этом объяснения заканчиваются. Но мы же знаем, что дебилы рождаются не только у алкоголиков, но и в благополучных семьях у нормальных родителей.

Однако копнем глубже и взглянем на эту странность не так узко, как трактует светила отечественной психиатрии. Возьмем за основу индусское понимание человеческой эволюции. Согласно ему, создание человеческой души процесс весьма длительный. Сначала будущая разумная душа в элементарном виде пребывает в камне, затем в дереве, затем в животном и только после этого переходит в человека. Причем, при перемещении из шкуры животного в человеческое тело душа проходит некоторую промежуточную стадию созревания в параллельном мире, где обитают полулюди полуживотные. О них мы знаем из греческой мифологии — сатиры, фавны, кентавры, козлоногие девицы и прочие мохноногие твари. Древние греки были убеждены, что полулюди с животными признаками обитали вместе с нами на земле, но

по какой-то причине (то ли потому что люди зло насмеялись над ними, то ли потому, что изменилась вибрация среды обитания) ушли в параллельный мир. В нашем случае, это не важно.

Важно другое. Молодые человеческие души, которые в прошлых жизнях еще были зверьми, или полузверьми в параллельных мирах, впервые вселяются в тела носителя разума. И хотя они уже приобрели человеческий облик, но еще продолжают жить животными инстинктами, поскольку внедриться в человеческий мир нахрапом не так просто. Нужно еще много познать, многому научиться. Вот почему дебилы предпочитают проявлять живейший интерес к животным и насекомым, чем к правописанию, или складыванию чисел. Впрочем, какие могут быть числа, какие скучные каракули букв в тетрадах, если они впервые видят мир глазами человека, а не глазами животного.

Этот мир для молодых душ такой громадный, такой захватывающий, такой великолепный. Их приход на землю напоминает приход ребенка в московский Детский Мир на Лубянке, грандиозный, сказочный, волшебный, где попросту мутится рассудок. Там можно все увидеть собственными глазами, деда мороза, снегурочку, прекрасных фей, гномов, все потрогать руками, поиграть дорогими игрушками, покататься на карусели, вдобавок вкусить изумительного мороженого и других чудаковатых сладостей. Когда родители впервые приводят детей в этот роскошный универмаг, те от восхищения теряют дар речи. Ребенок не успевает увидеть и сотой доли завораживающих чудес, а мама с папой уже тянут его домой, чтобы продолжить обучение по скучному выписыванию букв. Родителям и в голову не приходит, что для того, чтобы у ребенка появился интерес к чистописанию, ему нужно как минимум пересмотреть все представления в Детском мире, перебрать все игрушки, наиграться досыта машинками и даже объесться мороженым. Может после этого у него в порядке разнообразия и пробудится интерес к выписыванию крючков в разлинованных тетрадах.

Так и у дебильных детей интерес к отвлеченным обучениям не проявляется до тех пор, пока они не познают простые и доступные азы человеческого

мира. Так уж устроено в жизни, что пока не освоишь пространство собственного двора, дверь на улицу будет закрыта.

Нужно прожить еще много жизней, чтобы хотя бы элементарно начать осознавать себя в человеческом теле. А пока такими детьми, как и животными, руководят инстинкты.

Как известно, Адольф Гитлер хотел уничтожить всех умственно отсталых людей на планете и оставить только высокоразвитых «полубогов» арийской расы. Если бы ему удалось осуществить свое намерение, он нарушил бы всеобщий закон эволюции — была бы выбита из-под ног одна из ступеней восхождения человеческих душ. Вождь Третьего рейха, вероятно, забыл, что и сам в первый раз ступил на землю дебилем. И не только он. Все мы делали первые шаги на земле с дебилскими улыбками на губах. Я не уверен, насчет гоголевской шинели, что, якобы, все мы из нее вышли, по мнению Достоевского, но то, что мы все вышли из дебилов, этот факт не подлежит сомнению.

18

Большинство людей такое утверждение не примут категорически. Каждый человек склонен считать дебилем кого угодно, но только не себя. Истинно говорю вам, что иметь предком обезьяну менее постыдно, чем признаться в том, что вхождение в человеческую семью мы начинали в облике дебила.

Но в тех, кто в детстве жевал гудрон, давил насекомых, стрелял из рогатки птиц, закидывал камнями кошек, стрелял из самострела в собак, мучил животных, дергал девчонок за косички, раздавал щелбаны малышам, живы воспоминания первоначальных жизней. Что это как ни рудименты первых шагов по земле в облике умственно отсталого. Убить в себе дебила одним выстрелом невозможно. Его нужно выжимать из себя по капле из жизни в жизнь.

Согласен, признавать себя умственно отсталым позорно. Дебил ассоциируется не только со слабоумием, но и с необоснованной агрессией. Но так ли агрессия слабоумного необоснованна? Давайте разберемся!

В первую очередь, это молодая душа, мало осознанная, которая еще не отошла от впечатлений пребывания в звериной шкуре и практически не различает что хорошо, а что плохо. Она чудовищно невежественна, поскольку над ней еще властвуют животные инстинкты, и высшим мерилom жизни человека этой категории является его собственная утроба. Как известно, для животного загрызть другое животное, например для волка косулю, не является злом. Это реальность животного мира, которую нужно принимать, иначе не выживешь. Убить человека в человеческом мире считается преступлением. Но молодая душа в человеческом теле еще не осознала человеческую ценность и человечность в целом, потому и продолжает жить звериными инстинктами, поскольку еще имеет животную душу. Такой человек убивает и не осознает, что совершает преступление.

В этом отношении я согласен с Платоном, утверждавшим, что источником зла на земле является невежество. Люди не знают, что такое добро, а что зло, потому и совершают зло. Вместе с тем, я согласен и с Аристотелем, который оспорил своего учителя. Люди прекрасно знают, что совершают зло, но делают это из выгоды для себя, — возражал Платону его ученик.

Оба мыслителя правы, потому что говорили о людях из разных групп. Платон явно имел в виду носителей разума из категории невежества, Аристотель — из категории страсти.

Невежественные люди не сразу бросаются в глаза. Их трудно выявить в толпе, но при общении с ними будешь кривиться от их первобытной грубости, невежливости, неделикатности, а также простоватой прямолинейности и чудовищной наивности. У них нет полутонов. Об окружающих в основном они говорят враждебно. Любое несогласие с ними воспринимают как личную обиду, а их собеседник из-за какой-нибудь мелочи может в одночасье превратиться из друга в кровного врага.

Больше всего отношение к низшей категории заметно у детей, которые ведут себя более естественно и их поведение еще не прикрито внешними атрибутами социума. Наверное, каждый встречал какого-нибудь малыша, который с усердием отрывал кузнечикам ножки и «улыбка познания играла на

счастливым лице дурака», или наблюдал, как какой-нибудь милый мальчуган таскал за ухо крохотного котенка — тот отчаянно мяукает, а ребенок заливается счастливым смехом. И это (как ни парадоксально звучит) один из спектров познания этого мира, точнее сказать — примитивное удовлетворение любопытства. Пацану и в голову не приходит, что котенку больно, поэтому он так жалобно и плачет.

Однажды в школе во время урока математики один из моих дебильноватых одноклассников весело засмеялся, указав пальцем в окно.

— Опять Пашка тащит топить кутят в колодце!

Все устремили взгляды на улицу. Какой-то пухлый мальчуган лет шести, прижимая к груди двух щенков, семенил к заброшенному колодцу, который находился сразу за палисадником нашей школы. Одноклассник с радостным хохотом рассказал, что этот Пашка, его сосед, очень любит наблюдать, как щенки и котята с жалобным писком барахтаются в воде, а затем, обессилив, идут на дно. Он, этот Пашка, уже утопил в округе всех котят и теперь принялся за щенков.

Радость одноклассника никто не разделил. Класс возмущенно загалдел, а некоторые повыскакивали из-за парт. Надо отдать должное нашей учительнице математике Павлине Сергеевне, которая среагировала мгновенно и не стала стучать указкой по столу с требованием прекратить галдеж.

— Бегите, скорее! Отнимите у него щенков, — воскликнула Павлина Сергеевна. — И дайте ему по зубам, чтобы больше неповадно было.

Несколько моих товарищей выскочили из класса и устремились на улицу. Мы прилипли к окнам и увидели, как ребята подбежали к малышу, отобрали у него щенков и врезали ему по носу. Пацан закрыл лицо руками, истерично завопил и поплелся прочь, оглашая улицу рыданиями.

Это был его первый урок — познания мира через боль. Не знаю, отбила ли наша одноразовая акция у «юного натуралиста» охоту топить в колодцах беспомощных животных, но он на всю жизнь запомнил, что за подобное действие ему могут сделать больно.

Мне не известно всех деталей законов эволюции человеческой души, поэтому я не могу сказать точно, через сколько жизней и на каком этапе физическая боль за содеянное начинает трансформироваться в какое-то подобие сознания. Но об одном могу сказать с уверенностью — восприятие боли собственной шкурой более действенный воспитательный метод, чем любая педагогическая система.

Эту истину я познал в четыре года. Помню, как у бабушки я засовывал гвоздь в розетку. С какой целью — сегодня сказать затрудняюсь. Вероятно, с познавательной. Но делал я это усердно, упорно и с бараньей уверенностью, что это жизненно необходимо. Предостережений бабушки, что меня может ударить током, я не воспринимал. Она трижды отбирала у меня гвоздь, но как только на минуту вышла в сени, я схватил другой гвоздь, подставил к стене табуретку и воткнул его в розетку. Потом еще, кажется, лизнул. Меня так шарахнуло, что я полетел с табуретки и сильно ударился лбом о пол. Прибежала бабушка и всплеснула руками:

— Говорила же тебе — ударит током! Слушаться меня нужно было!

Какой там слушаться! Пока не набьешь шишки на собственном лбу, любые слова бесполезны. Вот ударило по мозгам, и мозги просветлели в ту же секунду. Запомнилось на всю жизнь. Излишне добавлять, что после этого никаких попыток отследить взаимосвязь между гвоздем и электричеством я больше не предпринимал. Сегодня думаю, что если бы меня в детстве так не ударило, то я бы возможно не стал писателем, а продолжил познавательный процесс в электротехнической области. Может быть, сейчас был инженером-электриком, или крупным руководителем какой-нибудь энергетической структуры.

Однако к чему я клоню? Думаю, что именно боль является главным воспитателем человеческой души во время ее движения к зрелости. Именно она является тем самым токарным резцом, снимающим первую стружку с грубой металлической болванки.

Воспитание человеческих чувств мало чем отличается от дрессировки зверей в цирке. Чтобы хищники стали послушными, дрессировщикам нужно

хорошо поработать хлыстом. Лошадей, как известно, перед тем, как начать эксплуатировать, жестоко отхлестывают в конюшнях, чтобы они боялись кнута. Именно регулярные избиения благородных животных делают их умными и послушными, а отнюдь не добровольное желание безропотно служить человеку.

Так называемое «окультуривание» людей происходит точно такими же методами. Только кнутом уже служит несчастная судьба, или даже жестокий рок, в зависимости от того насколько вождедеющая душа необузданна в своей животной самости.

Свои первые уроки по воспитанию молодые души получают во дворе, где признается только сила. Первая драка, первый расквашенный нос, первые вывернутые карманы, первая несправедливость, которую неискующенный пацан из слоя невежества принимает, как должное. Вот почему в уголовных бандах так много орлов из низшей категории. Их души еще пусты, словно греческие кувшины, и в них еще можно много вливать. Все, что связано с бесчеловечностью, заходит в полые души охотнее, ведь их обладатели сами не вполне еще люди. Потом, как правило, колония для малолетних, зверства в комнатах, издевательства над слабыми. И все это в совокупности тоже движение для восхождения души. Думаете, преувеличиваю? Я лично наблюдал подобное в таежной экспедиции. Там, куда забросили вертолетом нашу партию из шести человек, в радиусе пятисот километров не было ни единой человеческой души. Впрочем, месяц спустя, мы увидели проплывающую по реке лодку, в которой находилась семья хантов. Я радостно закричал и замахал рукой. Меня одернули и объяснили, что проживающие здесь аборигены очень дикие, необщительные и закомплексованные. Они не разговаривают с таежниками, поскольку не знают русского языка, обходят их стороной и вообще, у них здесь первобытный строй. А пообщаться с ними очень хотелось. К тому же они единственные, кто могли привести нам свежего хлеба, поскольку мы питались только сухарями. Однако через неделю к нам пожаловал хант, который говорил по-русски и был очень общительным. Оказывается он сидел в тюрьме. Именно там он выучился русскому языку и познал азы

человеческого общения, которое оказалось прогрессивнее первобытных взаимоотношений его соплеменников.

19

Как мы уже отметили, самая низшая человеческая ступень — это дебилы. Они такие же люди, как и все остальные, но отличаются своим крайне ограниченным кругом интересов. И еще тем, что доставшиеся им в наследство животные инстинкты довольно сильно довлеют над ними. «Эволюция ума — процесс более медленный и трудный, нежели эволюция физической структуры, — написано в письмах гималайских учителей, — и ум не может развиваться так же быстро, как тело».

А тело между тем, в отличие от ума, у них горит и пышет. Дебилы и люди низшей категории выделяются двумя мощными аспектами — агрессивностью и сильным половым влечением. Люди этого слоя невосприимчивы к учению, к словам, к убеждениям, однако восприимчивы к боли и, как всякое животное, уважают только силу.

В Древней Греции и Риме прекрасно знали об этих качествах смертных из примитивной человеческой категории. Чтобы снять у них животную агрессию, их изнуряли тяжелыми работами, или (как учат в школе) — рабским трудом. Словом, очеловечивали. Современные историки, осуждающие бесчеловечное отношение к рабам, мало задумываются над тем, что именно рабский труд избавлял древнее общество от множества преступлений, порождаемых необузданностью вожделеющих душ.

В основе рабовладельческого строя как раз и стояли знания о духовных уровнях людей. По тем временам, исходя из разлитой в мире жесткости, это было прогрессивным устройством государства. Уже позже рабов начали закреплять по родословной, независимо от принадлежности к той, или иной гуне. А разделение на касты, как уже упоминалось, началось еще при Рамае — вожде белых завоевателей — приблизительно одиннадцать тысяч лет назад.

Но если первобытную агрессию низшего сословия подавляли кнутом и грубой физической работой, о чем свидетельствуют многочисленные источники, то животную стихию к противоположному полу удовлетворяли самым что ни на есть естественным способом, даже не пытаясь бороться с природой. Перед сном двери женской половины рабов оставляли открытыми, и мужская половина не имела препятствий для удовлетворения своей животной похоти после тяжелого трудового дня. Никаких религиозных запретов, препятствующих естественному проявлению инстинктов, тогда не было. Никому это не мешало, не претило и не считалось чем-то безобразным или аморальным. Если и случались драки из-за женщин, то они подавлялись надсмотрщиками. Хозяева от свободных нравов своих рабов только выигрывали. У них приумножалось число бесплатных работников, которые, как известно, стоили денег.

Но ведь не все невольники в античные времена состояли из людей низшего сословия. Среди них было немало одаренных людей. Взять, к примеру, греческого поэта и баснописца Эзопа, который родился рабом и был личной собственностью некоего Иадмона с острова Самос.

Разумеется, таких рабов ценили и освобождали от грубых работ. И не только от работ. Как не престижно было иметь раба с божьей искрой, но рабовладельцы по большей части давали им вольную, иногда добровольно, иногда под напором общественности. Также на волю был отпущен и Эзоп, по некоторым данным, — по настоянию свободных граждан.

Но вернемся к дебилам. По мнению психиатров, чем больше в них похоти, тем более они агрессивны. Обуздывать похоть и агрессию молодых душ церковным смирением, молитвой, или ужасом перед геенной огненной, также бессмысленно, как грозить вечным адом бушующей буре. Это природа. И к человеческим словам она глуха.

Но бывают дебилы со слабой потенцией. Такие не агрессивны и более послушны. Несмотря на плохую успеваемость, их даже не переводят в спецшколы, потому что туда в основном отправляют гиперактивных. Дебилы со слабой потенцией постепенно адаптируются среди своих сверстников, копи-

руют их поведение, набираются цивилизных привычек, и в зрелом возрасте уже только специалист может отличить его от нормального человека. Самый красноречивый пример дебила со слабой потенцией иллюстрирует американский фильм «Форрест Гамп».

Однако, сильная потенция — это беда для простого человека, стремящегося к восхождению духа. Так считал Лев Толстой. И не просто беда, а серьезное препятствие. Половое желание низводит человека разумного до уровня животного и затемняет сознание. Эта тема очень насущно волновала великого писателя. Взять его рассказ «Дьявол» с двумя концовками, в одной из которых главный герой, утонченный образованный аристократ, самым постыдным образом пускает в себя пулю. Из-за чего? Смешно произнести вслух! Из-за страсти к простой необразованной крестьянке, которая ела его поедом. (Страсть! Не крестьянка.) Героя рассказа ждала блестящая карьера, намечалась прекрасная женитьба на красивой утонченной аристократке. Однако по приезду в свое имение он решает завести женщину для удовлетворения своих низменных потребностей, или, как выражался сам герой, «для здоровья». Но животное влечение к крестьянке не прошло и после женитьбы, и эта тайная страсть ложилась черным пятном на его чистые взаимоотношения с его дражайшей и возвышенной супругой. В результате молодой супруг не нашел ничего лучшего, как самоубиться, чтобы не испытывать позора перед самим собой за низменные желания к столь примитивной особе. И причем здесь дьявол? Так уже принято у христиан сваливать свои постыдные слабости на дьявола.

О том, как сам Толстой разрывался между низменными страстями и возвышенными порывами, можно найти в многочисленных источниках. То он устраивал оргии в банях с молодыми крестьянками, то превращал себя в аскета и монаха, отказывая себе не только в вине и мясе, но даже и в хлебе. Словом, писатель пришел к неутешительному выводу, что истинная мудрость к мужчине приходит с импотенцией.

Суждение конечно спорное, но Толстой имел на него право. Впрочем, такая категория людей, имеющая представление о добре и зле, но разрываю-

щаяся между животными чувствами и высокими устремлениями, уже входит в категорию страсти.

20

В нашу потребительскую эпоху, начисто лишенной нравственности, такое наивное утверждение, что люди средней категории разрываются между животными чувствами и высокими устремлениями, может вызвать только улыбку. Никто особо не разрывается. Удовольствие и комфорт стало приоритетом и главной ценностью для людей разумных, имеющих первоначальное представление о добре и зле.

Однако не для всех. Некоторые люди с рождения до смерти сохраняют первозданную чистоту в душе и нравственность в отношениях с противоположным полом. Они так и не поддались тлетворной атмосфере бордели, разлитой сегодня в мире. Источником этого тлетворного смрада являются западные страны со своими сомнительными демократическими свободами.

На каком этапе обладатели молодых душ переходят из категории невежества в средний слой страсти, догадаться не трудно. Происходит это после того как половое влечение преобразовывается в маломальское подобие чувства. Но до этого момента должно утечь еще много воды.

Возвращаясь к нашим дебилам, напомним, что никакие школьные предметы не воспринимаются ими при всем старании учителей. Учителя не виноваты. У учеников просто отсутствует орган восприятия отвлеченной информации, поскольку на данном этапе они во власти самой мощной из естественных потребностей — половой. Пока она не будет удовлетворена, о каком-либо обучении абстрактным предметам не может быть речи. Это все равно, что умирающему от жажды путнику в пустыне начать объяснять закон Архимеда про объем вытесняемой жидкости из обезвоженного тела. Понятно, что он не усвоит ни слова, пока не удовлетворит свою жажду литровым галлоном воды. Так и пацанам в спецшколах, глаза у которых загораются только при виде фигуристых девочек, бесполезно вдабливать про вытесняемую

воду из древнегреческой емкости, или (упаси, Господи) про гравитационную силу притяжения двух небесных тел.

Подростки из таких школ даже природную мощь притяжения к противоположному полу осмыслить не могут, чего уж говорить о гравитационной силе Ньютона. Ведь, по сути, наши герои (перефразируя поэта Иосифа Бродского) — не что иное, как «боеголовки начиненные спермой».

Половой акт с противоположным полом — самый главный интерес в их жизни, самый первейший смысл, самый мощный магнит. Это больше, чем божественный культ. Только после первого плотского удовлетворения, в их глазах появляется грусть. «Каждая тварь после соития бывает печальной» — замечено римлянами.

Эта грусть пока еще не осмысленная. В ней можно уловить мимолетное разочарование. А это уже первый признак того, что данная тварь хочет познать чего-то еще, поскольку самый первейший магнит ненадолго ослабил свою мощь. Разумеется, — познать не закон Архимеда и не закон Ньютона, и вообще не законы, а наоборот — может быть даже беззаконие. Или подержать в руках навороченный смартфон, или посидеть за рулем сверкающей иномарки.

Соблазнов много, особенно в наш технический век. И потребностей много, в зависимости от духовной зрелости человека.

Исходя из своих знаний, я не могу сказать точно, действительно ли труд сделал из обезьяны человека и способен ли физический труд двигать эволюцию, но в одном я уверен, что духовное восхождение человека разумного целиком зависит от удовлетворений его половых потребностей.

Учитель Эдуард Балашов рассказывал нам, студентам поэтического семинара, что будущее закрыто для тех, кто еще не познал настоящего. Для людей дворовой категории двери на улицу не откроются до тех пор, пока они не познают все уголки своего двора и не соберут все тумачи от его обитателей. Чтобы идти дальше за неведомым, нужно насытиться тем, что имеешь здесь и теперь.

В качестве иллюстрации Эдуард Владимирович приводил повесть Льва Толстого «Отец Сергей». Если пересказать вкратце, то речь идет о блестящем и родовитом офицере, у которого намечалась жениться на красивой фрейлине императрицы. После женитьбы героя ожидала еще более стремительная карьера, поскольку фрейлина была любовницей императора. Неожиданно офицер оставляет службу, покидает свет и отказывается от женитьбы на красавице — типа, не хочу подбирать объедки за августейшей особой. Главный герой неожиданно для всех становится священнослужителем. Через семь лет получает сан иеромонаха, затем шесть лет живет в затворе. К нему приходят люди за исцелением, и что удивительно — исцеляются.

Но однажды среди ночи к нему постучалась вдова. Объяснила, что заблудилась и попросилась переночевать. На самом деле она намеривалась соблазнить знаменитого старца. При виде соблазнительных персей женщины, мужская плоть у нашего героя вспылала, но он, вместо того, чтобы наброситься на плутовку со всей своей нерастроченной пылкостью, выбегает во двор и отрубает себе палец. Ведь в Евангелии от Матвея сказано «если правая рука тебя вводит в грех, отруби ее и отбрось».

Однако в следующий раз купец привозит ему для исцеления свою дочь. Старец не может справиться с соблазном и предается с ней плутовству.

— Смысл этого произведения в том, — растолковал нам мастер, — что к тому времени, когда созреваешь для служения духу, твоя плоть должна уже перегореть. Тогда не нужно будет отрубать себе пальцы. Если плоть воспламеняется от любой юбки, то тебе в духовные сферы пока рано.

Душа, пришедшая на землю, должна насытиться этой земной жизнью. Только после этого ей откроются другие миры. Если в душе останется хотя бы малейшая крупинка плотской страсти, она затем тебя съест и разрушит твою душу.

Эдуард Владимирович повторял нам из семинара в семинар:

— Вам дан поэтический дар не потому, что вы чем-то приглянулись Богу. Этот дар вы заслужили прошлыми жизнями. Именно заслужили, потому что в мире ничего не дается даром. Вы не помните, через какие помои прошли,

какие совершали преступления, в какой грязи валялись перед тем, как ваша душа начала наполняться осознанием.

— А если я ненавижу стихи? — вправе спросить меня читатель. — То все равно в перспективе стану поэтом?

Может быть поэтом, может быть художником, может кинематографистом, может видеоинсталлятором (такого вида искусства еще нет). Это не имеет значения, кем конкретно? Главное — творцом. Через дар творения проходит все человечество. Таков путь эволюции.

Но людям среднего слоя до ипостаси добродетели так же далеко, как молодым душам до гуны страсти. Нужна очень серьезная работа души, которая в низшем человеческом слое самостоятельно не работает. По большей части не работает она добровольно и в среднем слое. Воспитание чувств у носителей разума средней категории происходит также через страдания, которые закладываются им судьбой. Только люди, уже ведающие о добре и зле, более чувствительны к ударам рока, чем представители невежественного слоя. К примеру, человек со страстным состоянием души испытывает такую же убивающую боль из-за неразделенной любви, как существо невежественной гуны из-за потери детей, или родителей.

Вообще, через страдания неразделенной любви проходит практически каждый человек из гуны страсти. Это первая грубая стружка, которая снимается проведением у молодых людей, чтобы пошатнуть несокрушимость их гордыни и снобизма. Ведь именно в молодом возрасте сильно чувство иллюзии, что весь мир крутится вокруг тебя.

Гуна страсти — самый многочисленный слой человечества, он же самый эгоистичный, самый заносчивый и самый себялюбивый. Именно средний слой, ориентируясь на себя, утвердил уровень нормальности человека, причислив гениев к шизофреникам, тем самым, уровняя их практически с маньяками. И тех, и других по незыблемому канону носителей средних умов к нормальным отнести нельзя. Причем, если поступки маньяков еще можно понять (на преступление их толкает тяжелое детство, бедность, нелюбовь окружающих), то гении вообще не поддаются здравому пониманию. Кто за-

ставляет их добровольно бедствовать ради создания своих творений, которые, в большинстве случаев, не приносят прибыли? Здесь объяснение только одно — у них что-то не в порядке с головой.

21

Отношение к собственности у людей средней духовности мало чем отличается от ненасытной тяги ко всему материальному у невежд. Наличие собственности — предмет гордости как у тех, так и у других. Замечено, что чем ничтожнее человек, тем он больше падок до различного рода имущества. Чем он примитивней, тем больший раб материальной собственности. И это логично. Поскольку он сам недавно из дикой природы, и для него материя — мать родная.

Но существует разница в методах обретения благополучия для разных слоев людей. Невежественный человек может, не раздумывая, пырнуть ножом прохожего, чтобы отобрать у него кошелек. И при этом ничто не шевельнется в его душе. Вывернув карманы жертвы, он даже не сообразит, что совершил преступление, поскольку пребывает в полном убеждении, что деньги именно таким образом и зарабатываются — отбираются у слабых.

Люди из сословия страсти в большей части осознают, что благополучие зарабатывается трудом, и что реквизировать богатство силой является незаконным действием. Среднедуховный человек на убийство ради кошелька не пойдет, разве что в сильном опьянении. Так же он вряд ли сможет посягнуть на чью-то жизнь за навороченную тачку, или за двухкомнатную хрущевку. Что касается дебила, то он может убить и за телефон.

Люди из среднего слоя могут пролить кровь ради крупного состояния. Но собственноручно убивать не станут — наймут киллера. Несмотря на то, что они прекрасно знают о совершаемом им зле, страсть к шикарной жизни может ослепить им рассудок. Аристотель прав — человек осознанно совершает зло, если чувствует выгоду.

А как же совесть? Ее голос что-нибудь решает? Она в неудобные моменты загоняется глубоко вовнутрь и проявляется только в редкие минуты перед

иконой, да и то не всегда. Ослепление богатством подобно ослеплению солнцу, которое не дает увидеть звездного неба.

Для людей со страстной душой соблазнов в мире немало. Сознание у них довольно ясное и кругозор более обширен, чем у страждущих душ, а значит фантазий для удовольствий, которые можно заполучить за деньги, куда больше. Это похоже на ребенка, который сбежал от родителей в сказочный Детский мир на Лубянке и, наконец, не контролируемый никем, начал отрываться по полной программе.

Вот она, вожденная свобода! Можно все перебрать, перещупать, перенюхать. Можно наиграться до одури игрушками, набегаться со сверстниками, накататься на каруселях, объесться до тошноты чипсами и шоколадками.

У людей среднего слоя много страстей и увлечений — замки, яхты, автомобили, личные самолеты, а также игорные заведения, развлекательные центры, веселые дома, ну и конечно вино, карты, женщины. Без женщин никак. Это самый главный атрибут в индустрии развлечений. Пожизненная постельная жизнь у людей — символ счастливой жизни. У животных подобной распущенности не наблюдается. Брачный период у животных бывает только раз в году. Человек же природный механизм размножения превратил в повседневное удовольствие.

Но все на свете приедается, и даже то, что вчера еще казалось незыблемым. Через множество жизней, полных страстей, начинает слабеть и влечение ко всему материальному. Обеспеченным людям, положившим жизни на сколачивание состояний, не просто понять, что чем больше собственности, тем меньше личной свободы.

Богатым людям необходимо пожизненно работать на собственное богатство, чтобы его сохранить — не спать ночами, сильно нервничать, ограничивать себя в мыслях, в действиях, ездить под охраной, навлекать на себя инфаркты, инсульты, полицейских, бандитов, ненависть завистников, нелюбовь близких... И ради чего? Чтобы однажды одиноко отчалить в лучший мир на тех же условиях, что и презренный нищий, который за жизнь не скопил ни рубля.

Насыщение собственностью происходит одновременно с пробуждением души, когда половая похоть и привязанность к женщине начинают перерастать в глубокие чувства. Это первый признак того, что человек двигается к более тонким материям — к миру добродетели.

Такие люди уже более равнодушны к материальной собственности, и если продолжают ежедневно биться за благополучие, то по инерции. К тому же личное благополучие они уже не разделяют с семейным. Собственно, не будь семьи, они бы уже так не вкалывали на себя. Наполняющиеся духовностью люди уже более холодны в постели, потому что глубокие чувства к близкому человеку становится приоритетнее. Иными словами, они уже не ищут подходящих партнеров для горячих ночей, а хотят глубокой любви на всю жизнь.

Общеизвестно, что блондинки более холодны в постели, а брюнетки — более страстны. Это говорит о том, что блондинки много раз перевоплощались на земле, и их души уже многое познали и кое-чем успели пресытиться, в частности — телесной страстью. Среди теософов есть мнение, что у людей со светлыми волосами более старая душа, а у черных — более молодая. Возможно, в этом кроется объяснение, почему пассионарии в большей части черноволосые. Из них жизнелюбие хлещет через край, поскольку им еще много предстоит познать.

Однажды я услышал от одного незнакомого человека определение смысла жизни. Причем, жизни не только земной, но и всей вселенской. «Жизнь в целом, — по словам того незнакомца, — это осветление материи. Во время большого взрыва, породившего разумное мироздание, гигантские черные облака ушли за пределы видимых галактик, но когда они опишут громадный круг, то возвратятся, чтобы погрузить все живое и светлое в небытие. Этим облакам-убийцам может противостоять только осветленная материя, которая становится таковой в процессе развития жизнью».

Так что, как можно предположить, нас, просветленных существ, в далеком будущем ждет смертельная схватка с черной материей. Конечно, подобное

утверждение достойно писателей фантастов. «Мало ли что кому может взбрести в голову», — резано заметит читатель.

Только вот что любопытно, фэнтези подобного рода у меня никогда не задерживаются в памяти. У меня вообще не остается в голове все пустое и надуманное. Однако слова этого незнакомого человека мне врезались в мозги капитально, поскольку перед глазами сразу возникла самая древняя религия на земле — Зороастризм.

Если коротко, ее определение жизни во вселенной заключается в следующем — это борьба двух божеств — черного и белого. Причем, эти божества борются на равных, как при игре в шахматы. У меня есть подозрение, что шахматы — это и есть зашифрованный символ жизни, изложенный нам из уст персидского пророка Заратустры.

Но если жизнь — действительно осветление материи, это объясняет, почему у людей со светлыми волосами душа более старая, а значит и более опытная, поскольку она уже много успела пройти. И это объясняет, почему мы к старости седеем, и именно седина является символом мудрости.

Однако многие возразят насчет блондинок. Если их души более опытные, значит, они должны быть и более мудрыми. Но ведь они все глупые. Такое мнение по крайней мере укоренилось в народе.

Вот именно, что в народе. Но давайте приглядимся к блондинкам внимательней. Точно ли они глупые, какими кажутся на первый взгляд?

Быть милой, непосредственной и вызывать снисходительный смех у близких и дальних, когда «ляпаешь» что-то невпопад — разве это признак глупости? Где-то в глубине души блондинки догадываются, что, во-первых, окружающие больше любят тех, над кем можно посмеяться по-доброму, во-вторых, сильный пол обожают милых, глупых и беспомощных женщин. Только с такими женщинами мужчины чувствуют себя хозяевами жизни. Умные женщины мужчин настораживают и даже напрягают, внушая комплекс неполноценности.

А теперь подумайте, может ли мужчина с комплексом неполноценности зарабатывать деньги, содержать семью и двигаться по карьерной лестнице?

Чтобы чувствовать себя уверенным, сильным, неотразимым, ему нужна постоянная подпитка в виде ласковых намурлыкиваний любящей женщины. Ему нужна ежедневная мантра, что лучше его на свете нет, что он самый умный и самый удачливый. В большинстве случаев нежность блондинок естественная, искренняя, а не притворная. И идет она из подсознания, а не от ума. Блондинки своей мягкостью и нежностью, да еще непосредственностью (которую, собственно, и принимают за глупость) добиваются от мужчин гораздо больше, чем брюнетки посредством своих луженых глоток.

Но уж кому-кому, а в прагматичности блондинкам не откажешь, а также в любви к семье и детям. И в топку низменных страстей блондинка безрассудно не бросится, как Анна Каренина, которая ради своих порывов не поступилась даже детьми. Впрочем, что с нее взять? Она была брюнеткой.

22

Как не бесконечен цикл рождений и смертей, но наступает момент, когда человек желает страстно увидеть что-то за пределами материального мира, поскольку эту жизнь, как ему кажется, он познал уже во всех ее проявлениях. Рождаясь снова и снова, застывшая душа больше не открывает для себя ничего нового на земле, а только узнает то, что давно уже знала. Вот на этом этапе душа человека начинает изнывать, метаться и не находить себе места. Тогда-то мятущийся носитель разума впервые по своему желанию обращается к религии. До этого момента религия ему только навязывалась. Но человеку еще нужно прожить несколько праведных жизней, чтобы его сверху наделили первым творческим даром. Так незаметно хомо сапиенс переходит в высший человеческий слой добродетели.

Людей из этого слоя отличает спокойствие и житейская мудрость. Они многое видят и многое понимают, но свое понимание мало выражают в словах, поскольку знают, что это бесполезно. Пока человек сам не набьет себе шишек, никакие слова не наставят его на истинный путь, ведь ему нужно перебрать весь набор материальных наслаждений. О каких наставлениях может идти речь, если страстная душа задыхается от счастья, переполняясь всей

этой восхитительной мирской суетой. А мед познания, — как говорят на востоке, — можно вливать только в пустой кувшин. Словом, пока человек все не выплеснет из себя, не наиграется страстями, не захлебнется вином, не сплющится от собственности, пока не выгорит до тла и не обуглится от разочарований, путь в высшие сферы ему закрыт.

Люди из высшего слоя добродетели, для которых небо уже наполовину открыто, также должны пройти свой определенный путь, и прожить множество жизней в творчестве. Некоторые из них рождаются, чтобы выполнить какую-то миссию, создать нечто такое, что поднимет человечество на новую духовную ступеньку. Ведь «дарование есть поручение, — уверял поэт Евгений Боратынский. — Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия».

Какой художественный дар дается сначала, а какой потом, точно сказать не могу. Наверное, все-таки танцевальный, а затем изобразительный. Среди танцоров и мастеров живописи мало ораторов, мало писателей и мало музыкантов. А среди музыкантов и композиторов довольно много даровитых личностей, умеющих писать стихи и прозу. Композиторам не составляет большого труда написать стихи к своей мелодии, или изложить свою биографию в виде занимательного романа. Это говорит о том, что литературный жанр не совсем им чужд, и возможно в прошлых жизнях они были мастерами слова, прежде чем Бог одарил их музыкальным даром.

Замечено, что если человек обладает сверхталантом в каком-нибудь виде искусств, то он талантлив и во всем остальном. Великие мастера Эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль одинаково талантливо проявляли себя в поэзии, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре, а неистощимый Леонардо был кроме того еще гениальным изобретателем. Пушкин, как известно, кроме стихов писал прозу, хорошо рисовал, пел. Лермонтов также кроме стихов, писал прозу, виртуозно играл на рояле, был прекрасным вокалистом и писал картины маслом. Если бы он с детства начал развивать себя не в области поэзии, а в музыке, или в живописи, то стал

бы великим музыкантов, или живописцем. Таланту область искусства не важна. Ему главное — любая сфера, в которой можно творить.

Совершенно очевидно, что люди, которые делают первые шаги в творчестве, еще робко и беспомощно, в дальнейших жизнях будут наращивать мастерство и в других видах искусства. И они мастерски освоят все виды творчества, какие только есть на свете.

Я не знаю, на каком этапе у поэтов проявляется первая тяга к написанию стихов. У всех это происходит по-разному. Но у меня это проявилось в одночасье и неожиданно для меня самого. Оказалось, что стихи я могу писать без малейших усилий, словно сочинял их всегда.

Потом я долго пребывал в заблуждении, что научить поэзии можно кого угодно. Самому мне писание стихов давалось настолько легко, что я искренне удивлялся тем стихотворцам, которые за сутки, исчеркав целую тетрадку, могли выжать из себя всего лишь плевое четверостишие.

Видимо не один я заблуждался в этом вопросе. У Маяковского имеется любопытный труд под названием «Как делать стихи»? Значит, и он думал, что разгадка писания стихов лежит в области стихотворной техники.

Но оказалось все не так просто. Законы стихосложения изучить можно, но слышать музыку поэзии доступно далеко не каждому. Точнее сказать, подавляющему большинству услышать небесное биение поэтических ритмов вообще не дано. Пушкин был убежден, что поэзия — элитарный вид искусства, и предназначена оно для избранной части общества. Потому-то он и восклицал периодически: «Прочь, непосвященные!». Также солнце русской поэзии призывало начинающих стихотворцев не дорожить такой безделицей, как народная любовь. Только по иронии судьбы, именно Александр Сергеевич со своими консервативными взглядами стал первым истинно народным поэтом в России.

Помню, как в шестом классе мы готовились к КВНу с соседней школой. Требовалось на мотив песни из мультфильма «Бременские музыканты» сочинить текст, который стал бы визитной карточкой нашей команды.

— Кто возьмется сочинить? — спросила классная руководительница и обвела класс тревожным взглядом.

Ответом была абсолютная тишина. Я взгляделся в бестолковые лица своих одноклассников и неожиданно для себя выпалил:

— Ну, давайте я сочиню.

— Правда? — обрадовалась учительница. — Вот и прекрасно! Одну проблему решили.

Только на обратном пути из школы мой закадычный друг Саша Ларин заинтересовался:

— А ты что, умеешь сочинять стихи?

— Не знаю, — растерялся я. — Никогда не сочинял.

— А чего же ты вызвался?

Я задумался. А действительно, чего это вдруг ни с того ни с сего? К стихам я особо не тяготел. Вернее, вообще был к ним равнодушен, если не сказать что больше. Каждый раз, когда задавали учить какое-то стихотворение в школе, день для меня был потерян. Запоминание мне давалось не очень легко, к тому же смысла под рифму я никогда не улавливал и считал учение стихов тяжелой каторгой. Во втором классе я даже выколол глаза Пушкину за его совершенно нескладное стихотворение «Еще дуют холодные ветры...». Я по сей день удивляюсь, какому «учпедгизу» пришло в голову поместить в учебник за второй класс это дурацкое стихотворение без рифм — кажется единственное белое из всего творчества Александра Сергеевича. Ведь именно рифмы являются главным цементом для запоминания стихов у детей, а тут — черти что! Стихотворение никак не хотело запоминаться, ни своей «душистой келейкой медовой», ни «клейкими листочками», ни еще какой-то сопливой дребеденью.

Я был не одинок. Рядом со мной за партами с учебниками в руках изнывали мои бубнящие товарищи, которые также ничего не могли запомнить и периодически восклицали, с возмущением глядя на портрет кудрявого солнца:

— Вот какого фига ему не хватало? Сидел бы у себя в Болдино и балдел! Катался бы на лошади, стрелял бы из пистолета, а лучше бы устроился на

работу! Ведь тунеядствовал целыми днями, потому и стихи сочинял. От безделья!

Убеждение, что поэты — первые мучители детей, держалось во мне довольно долго. «Как же после этого, когда стихи у меня вызывают скорее ненависть, чем девчачий восторг, я добровольно подвязался сочинить слова к песне, — недоумевал я, возвращаясь с «Ларьком» из школы. — Получится ли у меня?»

Я пришел домой, поставил портфель у порога, раскрыл чистую тетрадку и взял в руку ручку. Для начала положил ладонь под щеку, как Пушкин на какой-то картине. Принял задумчивое выражение и закатил глаза к потолку. Увы, вдохновения не пришло. Стихи свободно не потекли. Тогда я сел в романтическую позу, как Пушкин на картине Валентина Серова, закинув ногу за ногу. Но опять почувствовал облом. Никакого вдохновения. Я посмотрел на часы. Слова к песни должны быть написаны к завтрашнему утру. Тогда я просто навалился на стол и написал стихотворный текст без всякого вдохновения — все три куплета, за десять минут. Я сделал это с такой легкостью, что сам себе удивился. «А ведь я откуда-то знал, что умею писать стихи, — наконец сообразил я. — Потому и вызвался написать текст к песне».

Я не учился писать стихи. Я уже умел это делать. И при написании только вспоминал, как нужно правильно расставлять слова в строках. Точнее вспоминали мои пальцы. Самого же меня несло черт знает в какое незнаемое.

Позже я пытался научить писать стихи и своих друзей. Это же так просто! — уверял я. — Вообразишь что-то, и дальше режь правду матку до логического финала. Или услышал какую-нибудь фразу — и это может послужить начальной строкой стихотворения. А срифмовать — дело уже второстепенное.

Не один из моих друзей не освоил стихотворных уроков. Много позже я понял, что для написания стихов все-таки нужен божий дар. Если его нет — то, изучив все мировые теории по стихосложению, ты можешь стать не более чем литературоведом.

Но приходит время, когда и люди из гуны добродетели завершают свой путь, освоив все виды земного искусства. Только после того, когда, казалось, уже все перерифмовал, освоил все причуды живописи, познал все тонкости актерского мастерства, вышел за рамки семи музыкальных нот, сказал последнее слово в кинематографии, в душу вползает усталое чувство, что на земле больше ничего не держит.

Земная эволюция завершена, сердце больше не трепещет, рассудок яснее небосвода, душа умудрена опытом. Тело уже не имеет никакого значения, поскольку духовное «я» готово к воплощению в тонких мирах, более высоких, более духовных и простым смертным неведомым.

Я читал в каких-то тибетском источниках про людей, которые навсегда покидали плотную земную материю. Одного из них духовный учитель спросил:

— Готов ли ты навсегда покинуть земную обитель? Уверен, что тебя больше ничего здесь не держит?

— Да, учитель! — ответил тот, и вдруг запнулся.

Перед глазами ученика возник прекрасный и величественный образ оленя с грациозными рогами, стоящий посреди густого леса. И в ту же минуту он родился оленем, чтобы прожить свою последнюю жизнь на земле, которая навсегда останется для него в прошлом, и которую покинет без малейшего сожаления, поскольку познал ее всю, до мельчайшей пылинки.

Но пройти все земные круги непросто. Эволюция наших душ во времени — процесс не просто длительный, а совершенно непостижимый для наших убогих мозгов. Мы воплощаемся в человеческих телах на земле бесчисленное количество раз. Сколько же конкретно? Давайте подсчитаем чисто бухгалтерски, тем более, что информацию на эту тему можно найти в открытых источниках. В «Избранных письмах Махатм» английский журналист, который, видимо, хорошо был подкован в теософских вопросах, задает в письме Великим учителям Гималайского Братства такой вопрос:

«На каждой планете, включая нашу Землю, человек должен совершить семь малых кругов в семи расах (по одному в каждой) и в семижды семи ответвлениях. Имеются семь коренных рас и семь подрас, или ответвлений... Одна жизнь в каждой из семи коренных рас, семь жизней в каждой из 49 подрас — или $7 \times 7 \times 7 = 343$ и прибавь еще 7. И кроме того, ряд жизней в ответвлениях и веточках рас, что дает в сумме 777 воплощений человека на каждой остановке или планете».

— Так ли это, как описано в закрытых теософских книгах? — спрашивает журналист у гималайского учителя. — Действительно ли он проживает такое невероятное количество жизней на земле?

И вот что отвечает ему великий учитель. Цитирую дословно:

«Не стоит спорить из-за нескольких миллионов лет, которые человек проводит на одной планете. Возьмем лишь один миллион лет — о котором догадывалась, а теперь приняла ваша наука — как полный срок пребывания человека на нашей Земле в этом большом Круге. Допуская в среднем столетие как продолжительность каждой жизни, получаем, что тогда он провел за время всех своих жизней на нашей планете (в этом большом Круге) лишь 77 700 лет, в субъективных сферах он пробыл 922 300 лет».

Это не считая неудач природы, — добавляет учитель, — такие, как недороды, врожденные идиоты, смерть детей в их первом семилетнем цикле...

Многим невдомек, что такое «Большой круг». Некоторые путают его с запланированным количеством рождений человека в одной расе. Но это называется малым кругом. Кроме того, что люди много раз рождаются на Земле, они еще рождаются и проживают жизни на других планетах.

«Существуют семь объективных и семь субъективных планетных тел, — цитирую письмо махатмы, — миры причин и следствий. К первым относится наша Земля, занимающая нижнюю, поворотную точку, где духоматерия уравнивается...»

Как можно понять, прежде чем родиться на Земле, люди проживают жизни в тонких материях на планетах нисходящего ряда, а после смерти их ждет цикл рождений на планетах восходящего ряда. И этот круг с рождениями и

жизнями как на Земле, так и на других планетах, называется «Большим кругом». Человечество должно пройти семь больших кругов, чтобы потом уйти на более высокую ступень развития в космосе. В настоящее время мы проходим четвертый круг, находясь в пятой земной расе.

Не исключено, что может быть кого-то пугает такое не поддающееся счету рождений и смертей человека, как на Земле, так и в других мирах. Буддисты считают, что этот круг рождений и смертей можно прервать, если сядешь в позу лотоса и предашься изнурительным размышлениям о полной бессмыслицы человеческих жизней. Тогда тебя озарит, и ты получишь просветление. И в ту же минуту навсегда отбудешь в Нирвану.

Однако у меня есть большие сомнения в том, что буддисты правильно понимают смысл великой эволюции человеческих душ. Ведь чтобы прийти к выводу, что череда человеческих рождений и смертей бессмысленна, нужно прожить очень много жизней. Нужно насытиться жизнями до такой степени, что захочется небытия, или полунебытия — так мне представляется Нирвана. Что она есть на самом деле — точного ответа буддисты не дают. Это учение (ее приверженцы настаивают, что буддизм все-таки учение, а не религия) утаивает от широких масс одну существенную деталь — сам Будда, как мы знаем из теософии, был человеком шестого Большого круга. Только вдумайтесь, не шестой расы, которая последует за нашей пятой, а именно круга. Он на полтора круга опередил в развитии человечество. Платон и Конфуций были людьми Пятого круга. Они тоже из будущего. И судя по их мировоззрению, на Пятом круге все человечество будет обладать таким же объемом космической мудрости, каким обладали знаменитые мыслители. А на Шестом — придет к пониманию, что наиболее уставшие от бесконечных реинкарнаций могут прервать цикл своих жизней, поместив себя в Нирвану.

Но попробуйте навязать Нирвану современным людям из гуны страсти, или невежества, в ком жажда жизни сильнее, чем страх перед геенной огненной, или даже перед небытием. Если даже кому-то из них и взбредет в голову сесть в позу лотоса и предаться размышлениям, которым предавался Будда, в никакую Нирвану они не отбудут, поскольку не растратили еще

своей жизненной энергии и не похоронили в угрюмых разочарованиях своего фееричного жизнелюбия. Все, что человек со страстной душой ощутит в ту минуту, заплетя в узел ноги, — тоску и смертную скуку, да еще ощущение, что напрасно теряет время. Поэтому до космического осознания, которым обладал Будда, нам, людям четвертого Большого круга и пятой земной расы, еще очень далеко. Да и как нам понять, простым смертным, находящимся на самой нижней точке круговой дуги, уже наполовину бессмертного человека шестого круга, восходящего к духу. «Физический разум есть скрытое проявление духовного разумения, — цитирую теософию, — каждая эволюционирующая раса на нисходящей дуге должна быть физически разумнее предшествующей, а каждая на восходящей дуге должна отличаться более утонченной формой умственного развития в сочетании с духовной интуицией».

Допускаю, что логическое разумение в нас присутствует. Но у меня большие сомнения, что мы уже обрели утонченность умственного развития в сочетании с духовной интуицией.

Что еще сильно смущает меня в буддизме, адаптированном под средний рассудок смертного, не обладающего духовной интуицией, так это стремление к прекращению движения. Возможно, я не совсем правильно толкую учение и не понимаю всех тонкостей. Поэтому излагаю только свои субъективные соображения.

Если человечеству предрешено пройти семь кругов для своей эволюции, после которых оно покинет Землю, чтобы продолжить свое восхождение в другой точке Вселенной, то уход в Нирвану отдельных людей на шестом круге это что? Сход с дистанции?

А собственно, ради чего нужно сходить? Чтобы, как мы знаем от буддистов, прервать страдания, которые сопровождают человека от самого рождения.

«Вот, о братья, благородная истина о страдании, — цитирую слова самого Будды. — В муках рождается человек, он страдает, увядая, страдает в болезнях, умирает в страданиях и печали. Стенания, боль, уныние, отчаяние —

тяжки. Союз с немилым страдание, страдание — разлука с милым, и всякая неудовлетворенная жажда сугубо мучительна. И все пять совокупностей, возникших из привязанностей — мучительны. Такова, о братья, благородная истина о страдании».

Но ведь именно страдания способствуют прояснению рассудка. Как человеку познать зло, если он никогда не ведал зла, а вкушал только райские гущи?

Ведь в счастье люди разве обретут
все то, что постигается терпеньем?
Земная боль соседствует с прозреньем,
а волю выхолащивает труд.
Нужда рождает горний мир идей,
в блаженстве же ни смысла, ни движенья.
Страданья, униженья и лишенья
рассудочными делают людей.

Мы не знаем точно, что такое Нирвана. В переводе с санскрита означает остывание, угасание, успокоение. Может, это то, что христиане называют Раем, место, где успокаивается человеческая душа, вступая в бытие вечной совершенной жизни. Представление о Рае, кроме христианства, есть еще в зороастризме, в индуизме, в исламе, есть в политеистических религиях и даже в пастафарианстве и трансгуманизме. Возможно это великий мир иллюзий, который Даниил Андреев называл Нэртисом — страной великого отдыха. Но буддизм в Нирване предполагает не отдых — а вечное пристанище человеческой души. Лично меня это настораживает. Даже в райском Эдеме не живут вечно. Ведь спустили же оттуда на Землю Адама с Евой. А Нирвана, выходит, конечный пункт человечества?

Но дело в том, что жизнь без движения не может существовать. Жизнь просыпается там, где начинается движение. Таков закон жизни. Когда мне было двадцать лет, я написал стихи, в которых были такие строки:

Для меня и минута — крушение,
Если праздность ее посетит.
Жизнь движение, только движение.
Не движения — жизнь не простит.

Написал, как всегда, от балды, особо не вдумываясь в смысл сказанного. К такому выводу меня принесла слепая стихия рифм. Уже после я понял, что написал довольно точно. Жизнь не прощает именно «не движения». Она прощает грехи, снисходительно относится к невежеству, дает возможность искупить преступления, не в этой, так в следующей жизни, но за остановку движения карает сурово. Ведь стоит только перестать двигаться, и тебя начинают пожирать болезни. Все болезни на Земле происходят от нашей лени. Перестаешь бегать по утрам, делать зарядку, ходить в бассейн, ту же начинаешь жиреть, и буквально через пару месяцев у тебя куча хронических заболеваний. Перестаешь радоваться жизни, и вот у тебя уже онкология. Не зря же греки называли рак болезнью мрачного ощущения. А когда перестаешь размышлять и читать умные книги — тупеешь в собственных глазах. А какая деградация начинается у тех, кто давит в себе душевные порывы. Все-таки верно сказал Заболоцкий: «Душа обязана трудиться». Без трепета она камнеет, без порывов превращается в монолит, а без любви просто усыхает как одинокое растение в пустыне.

Многим такая категоричность природы по прекращению движения может показаться жестокой. Но логика в этом есть, и довольно железная. Представьте, что вы хозяин оздоровительного центра. И вот, обходя свое хозяйство, вы видите, как какая-то часть ваших посетителей плавает в бассейне, а какая-то — сидит в раздевалки и мелет языками. А на улице топчется очередь и ждет, когда у запущенной в центр партии клиентов закончится время сеанса. Что вы должны сделать, исходя из логики? Либо посоветовать сидящим в раздевалке пройти в бассейн, либо выпроводит их на улицу, поскольку все равно они ничего не делают, а только занимают место. Так и в жизни

— прекращающих движение людей судьба старается как можно скорее спровадить на тот свет, чтобы освободить занятые места в этом мире. Ведь на облаках, если верить Морису Метерлингу (автору философской пьесы-притчи «Синяя птица»), очень много детей, стоящих в очереди для рождения на земле.

О чем речь — отсутствие движения, как физического, так и духовного прямиком ведет на кладбище. Но если бы только на кладбище. К абсолютному небытию! Поэтому я очень сомневаюсь в том, что просветление, благодаря которому смертный возносится в Нирвану на вечное поселение, является финалом в развитии человека. Возможно, последователи что-то не поняли в учении Будды. Да и сам он в своих «благородных четырех истинах» не предлагает бежать от страданий в Нирвану. Он советует еще на Земле избавиться от излишних желаний, которые являются причиной страданий, и при этом не становится аскетом. Нужно всего лишь начать работу по избавлению себя от невежества, устранить загрязнение ума от ненужных привязанностей, ненависти, зависти, нетерпимости, чтобы обратить свои взоры к поискам истины. Если человек искоренит в себе иллюзорное видение мира — страдания прекратятся сами собой.

24

Настало время дать четкое определение гениальности. Ведь с вопроса, кто такие гении, мы и начали эту книгу. С мнением Канта мы познакомились. Попробуем дать метафизическую характеристику гениям.

Прежде всего, это люди, которые практически прошли всю человеческую эволюцию от самой низшей гуны невежества (дебильности) до высшего состояния добродетели. Они прожили несчетное количества жизней и познали все, что может познать человек в физическом теле: страдания, унижения, разочарование, нищету, богатство, славу. Они тонули в страстях, совершали преступления, раскаивались, искупали грехи, снова срывались, снова грешили, умирали от любви, резали от отчаянья вены, проявляли коварство, благородство, совершали подвиги, приносили себя в жертву. Они познали все сто-

роны переплетения и изнанку этой жизни, впитали тона и полутона человеческой психики, освоили все тонкости чувств, побывали в шкуре ничтожных оборванцев и величайших императоров, вошедших в историю. Они были графоманами, «чайниками», поэтами, художниками, музыкантами — сначала посредственными, затем гениальными. Они досконально освоили все виды искусств, поэтому каким бы направлением творчества не занимались, всегда добивались высочайших высот. Ведь если человек истинно талантлив, он талантлив во всем.

Так кто же такие гении? Расширим формулировку Канта относительно них. Они не только люди искусства. Гении — это те, который дают новые направления во всех сферах жизни — в общественном строе, в философской мысли, в расширении сознания, в новых учениях, в технических новинках, в духовных прорывах, в выходе в космос...

Мне повезло. Я видел много гениальных людей и восхищался разнообразию их дара, ясности ума, космической мудрости, но главное — их безграничному человеколюбию. Среди них мастер нашего семинара Эдуард Балашов, а также мастер параллельного семинара Юрий Левитанский.

Гениальных людей я встречал не только в творческой среде, но и в духовенстве. В Коломенском женском Свято-Троицком монастыре Ново-Голутвин служит матушка Елена, которая умеет все: писать картины, сочинять стихи, сказки, лечить, преподавать, возделывать землю, класть кирпичи, тесать камни, разговаривать с чиновниками, управлять автомобилем, трактором, краном. А ведь ничему этому она не училась. В мирской жизни работала звукооператором у певицы Елены Камбуровой. Но все это она знала с рождения и обучила всем своим знаниям сестер. Сама же, кроме прочего, основала в монастыре компьютерный центр и студию, на которой записываются передачи для радиостанции «Благо».

Что еще удивляет в монастырях — художественная одаренность монахов. Они одинаково талантливы во всем — умеют писать картины, лепить скульптуры, расписывать своды, витражи, вышивать шелком иконы, писать стихи, книги, музыку. А их певческий дар — какое-то чудо. В монастырях не существует такого понятия, как отсутствие слуха, или голоса. Монахи просто выстраиваются в хор и поют своими неземными голосами так, как того требует служба.

И снова на память приходит Даниил Андреев, который, как и Пифагор, помнил свои предыдущие жизни и неземные миры до рождения. Оказывается у человеческих душ, прошедших полную земную эволюцию, есть выбор — либо продолжить свое восхождение в более высокие миры, либо вернуться на землю для пробуждения человеческих душ. Подозреваю, что большая часть священнослужителей — это возвратившиеся на землю добровольцы.

— Только в монастырях отвоевывают у мира обманутые души и возвращают человеку понимание, что он существо Божие, — говорила мне настоятельница Коломенского Свято-Троицкого монастыря матушка Ксения. — Конечно, существует много путей к свету, но монашество помогает отчетливо осознать, что за красивой оберткой современной цивилизации прячется раковая опухоль, разъедающая в людях саму человечность.

Я замечал, что чем более одарен человек, тем он более человечен. И он более доступен для общения. Хотя я слышал от своих коллег по журналистике ровно противоположное — у всех гениев очень скверный характер. Они практически все снобы, человеконенавистники, хамы и психи.

Мои коллеги, правда, не смогли назвать ни одного гения со скверным характером, кроме разве что Лермонтова. Но Лермонтов — особый случай.

Что касается меня, то я лично знал многих людей со скверным характером, которые считали себя гениями, однако таковыми не являлись. Казаться гением в глазах окружающих, и действительно быть таковым — это не одно и то же. Отличить истинно одаренного человека от лжегения не так уж и сложно. Для этого не обязательно обладать искусствоведческим даром.

Первый признак отличия — разница в любви к человеку. Если большой художник любит окружающих — не сомневайтесь, это гений. Если презирает — типичная посредственность, косящая под гения. Ведь гений и злодейство — две вещи несовместные. Тут Пушкину не откажешь в пронизательности.

Уточним определение: гений — это прежде всего человек, несущий в мир добро. У него расширенное сознание и громадный кругозор, который, кроме земных реалий, захватывает и другие миры, духовные и космические.

— Это как, духовные и космические? — насторожится читатель. — Если без метафоры?

Есть такое выражение (сегодня уже очень затасканное) великодушие. Таким людям не надо требовать доказательств, что кроме нашей реальности существуют другие. Они просто видят их своей великой душой. И если их спросить, вы действительно верите в существование горних вершин, вопрос вызовет у них такое же недоумение, как у тебя, дорогой читатель, если спросить тебя: «А веришь ли ты в существование деревьев?»

— Что за дурацкий вопрос? — возмутится любой разумный человек. — Деревья очевидны! Чего в них верить?

Так и для великодушного человека горние миры такая же очевидность, как для нас деревья.

Гении не монстры, не сумасшедшие, они просто больше знают, чем обычные люди, поэтому более мудры, и мудрость у них наживная от долгих странствий по Земле, как у старых людей, проживших долгую жизнь.

Великодушие — это главная особенность их характера. Зависть, мелочность, месть, — не присуща им. Чему завидовать? Невежеству и мелочности окружающих? Все это они давно прошли, и кому, как не им доподлинно известно, кто из нас туп от элементарного невежества, а кто от собственного самомнения.

Распространено мнение, что гении могут быть только бедными. Сочинять гениальные шедевры они способны, а заработать денег — нет.

Мнение не новое. И тянется оно из античных времен. Ограниченным людям невдомек, что зарабатывать деньги — это самое простое. На это не нужно большого ума. Оттого в бизнесе так много скучных и ограниченных людей. Гениям зарабатывать деньги тоскливо, и общение с акулами бизнеса их не прельщает. Бродскому, например, было жалко времени на службу ради заработка, и он жил, как сам заявил в суде, на 40 копеек в день. И был счастлив, поскольку время позволяло писать стихи. А Ломоносов жил на 3 копейки в день. И тоже был счастлив, поскольку эта ничтожная сумма позволяла ему получать знания.

Человека с подлинным дарованием можно также узнать по окружению. Как вода принимает форму сосуда, так и человек набирается добра и зла от людей, которые вокруг него. Еще древние знали, что если окружить себя добрыми и умными людьми, то и сам впитаешь их ум и доброту. Окружишь себя злобными, мелочными и бездарными, то и сам вскоре станешь таким.

Гении стремятся общаться с людьми, которые выше его по уровню, чтобы набраться у них мудрости и знаний. Его подсознательная задача развиваться духовно. У бездарности задача другая — выглядеть в глазах окружающих талантливым. Поэтому он окружает себя льстецами, которые, по своей сути, лживы, хитры и расчетливы, а главное — способны предать в любую минуту. Именно этих качеств набирается от своего окружения «лжегений».

Я всегда настороженно относился к людям с серьезным выражением лица, безукоризненно причесанным, одетым с иголки, постоянно поддерживающим блеск на своих туфлях. Таких особенно много среди чиновников. Как правило, это весьма не далекий контингент. В этом я не раз убеждался, когда разговаривал с ними по душам. Без рюмочки они говорят мало, и дольно шаблонно. Но после первой стопки я начинал поражаться их изуверскому скудоумию, которое скрывалось за умными лицами. Здесь никаких чудес. Что у человека не хватает, то он и пытается закрыть внешними атрибутами, в том числе и умным лицом. Все-таки, моя работа в Законодательном собрании в качестве пресс-секретаря не прошла для меня даром.

Гении, как я заметил, не делают умного лица ради того, чтобы произвести благоприятное впечатление на окружающих. Их вообще не интересует мнение окружающих о себе. Они прекрасно знают о своей незаурядности и понимают, что подлинная внутренняя сущность человека, куда важнее внешней атрибутики.

Поведение гениев естественно, как у детей. Они естественны как по своей сути, так и в глазах окружающих. Когда чувствуют слишком пристальное внимание к своей персоне — начинают придуриваться, так же как и дети. Напустить на себя придурцу, чтобы окружающие вытаращили глаза, — это типичная фишка одаренных людей. Вот почему Эйнштейн позировал на фото с высунутым языком.

У ограниченных персон все наоборот. Демонстрация того, чего нет — это их особенность. Если не хватает ума, они выставляют напоказ серьезное лицо, если юмора и сообразительности, то напускают на себя сосредоточенность, если они плохие специалисты, то демонстрируют безукоризненную дисциплину, если весьма заурядны в творчестве — очень падки до всевозможных наград, премий и призов. Всеобщее признание необходимо им, как воздух. В первую очередь для того, чтобы самим себе доказать, что они чего-то стоят. Однако свою несостоятельность в творчестве заурядный художник компенсирует критическим отношением к окружающим.

Гению людское признание безразлично. Кому, как не ему известно, что там, в горних мирах, главное в человеке — внутренняя сущность, а возвышение над людской толпой в одном из тысяч воплощений на земле может вызвать за облаками не более чем снисходительную улыбку.

25

Если глубже погрузиться в уровни человеческого общества, изучить категории психотипов, взглядеться в типичность характеров отдельных людей, будут понятны и национальные особенности различных народов. Это только кажется, что все люди разные. Типы людей довольно стандарты, как, впрочем, и народов. Но, кроме общечеловеческих особенностей, народы облада-

ют и своими национальными чертами. Если видеть их, то можно просчитать, на что способна та, или иная страна.

Когда-нибудь национальные особенности народов мира будут изучаться в школах. Сегодня, по причине толерантности, этот вопрос пытаются замолчать, будто национальных черт у народов не существует вообще. Но такова политика государств. А народы в этих государствах прекрасно знают, какие национальные фишки присуще ближним и дальним соседям, которые живут за чертой государственных границ.

Народам африканских стран и некоторых азиатских свойственно попрошайничать. Сидеть с протянутой рукой, хватать за одежду прохожих и кланяться у них деньги с хлюпающим носом не считается чем-то позорным, как например, у кавказцев. А вот увидеть кавказца с протянутой рукой — это из области фантастики. Евреи, к примеру, очень практичны, и стараются извлечь материальную выгоду из всего, даже из ситуации. Как известно, за каждого убитого еврея Израиль требовал с Германии золотыми слитками. Русские тоже требовали. Но кровью. Брать золото за растерзанных и убитых совершенно не по-русски. Из европейцев всех ближе к русским по менталитету, как ни странно, немцы. Самой лживой и подлой нацией считаются англосаксы. По жестокости они превосходят немецких фашистов. Зверство нацистов во второй мировой войне по сравнению с расчетливой бесчеловечностью англичан в колониях — это детский лепет. Ни для кого не секрет, что они вырезали индейцев, посадили на наркотики китайцев, намеривались уничтожить индусскую цивилизацию и уничтожили бы, если бы индусов не было так много. Именно англичане учредили мировую индустрию по работе с черным населением. Не буду перечислять все преступления британцев против человечества — все о них знают. Самое отвратительное, что при всей своей бесчеловечности, они хотят выглядеть перед всем миром честными и благородными — этакими джентльменами. Даже мировой кровопийца Адольф Гитлер и тот сокрушался подлостью англичан, которые, по его мнению, могут бесконечно говорить о честности и доверии, но предадут в ту же минуту, как только увидят выгоду.

Что касается Америки, то она всегда представлялась мне в виде дебиловатого откормленного переростка с гамбургером в руках, который бегает среди своих сверстников, раздает им подзатыльники и отбирает у них все, что понравится. Но если от кого-то получает отпор, то сразу отбегает в сторону и начинает подначивать остальных, чтобы те расправились с его обидчиком. Сам же в расправе над неудобным не участвует, предпочитая наблюдать со стороны.

Словом, если внимательнее приглядеться к национальным особенностям разных народов, то можно заметить, что страны наделены точно такими же психотипами, как и люди.

Все бояться войны между США и Россией. Но мало кто знает, что больше всего воевать с Россией боится сама Америка. Конечно она хорохорится, играет мускулами, бравивирует танковыми маршами по Европе и, не умолкая, говорит о превентивном ядерном ударе по нашей территории. Но любой психолог вам скажет, что тип, который постоянно хвалится своей силой, ежечасно подчеркивая свое преимущество, — глубоко не уверенный в себе человек. Он потому без конца и демонстрирует свои мускулы противнику, что безгранично его боится.

Многих шокирует то, что я скажу, но прямая война с США будет благом для России, и не только для нее — для всего мира. Оговорюсь, что если начнется атомная война, то не выживет никто, ни Америка, ни России, ни Австралия, не аборигены в джунглях, которые даже не будут знать, отчего умирают. Но если война будет не ядерной, у Соединенных Штатов нет ни малейшего шанса победить русских. Америка никогда не умела воевать, и сейчас не умеет, а тем более — держать удар. А держать удар такого мощного военного монстра, как Россия, — это приготовиться к героической гибели целыми городами. Но американцы умирать не планируют — ни героически, как русские, ни трусливо, как щенки. И это говорит об их полной некомпетентности в деле ведения войны мирового масштаба. Без массовых смертей мировых войн не бывает.

Словом, все, кто опасается войны с американцами, могут успокоиться. Америка никогда не нападет на Россию по причине своей трусости. И не в англосакской традиции честно сходить на поле боя. Их главное оружие — хитрость, лицемерие, интриги, подкупы, цветные революции, обрушение экономики, дестабилизация недовольной части населения, словом — типичный «джентльменский» набор. Они будут продолжать подначивать для войны с нами своих шавок. На сегодня их пять — Польша, Грузия и три прибалтийские страны. Шестой кандидат — Украина.

— Пока существует Америка, порядка на земле не будет, сказал мне однажды актер Леонид Куравлев.

Это раковая опухоль цивилизации и церемониться с ней не надо, поскольку она тащит в небытие все человечество.

И действительно, из истории мы знаем, что наиболее агрессивные цивилизации, которые высасывали соки из других народов, рано или поздно стирались с лица земли. Большинство агрессивных цивилизаций не осталось в нашей памяти, однако некоторые из них мы помним. Канула в Лету цивилизация ацтеков. Исчез Рим, который существовал довольно долго за счет, я думаю, своего римского права, несущего какое-то подобие справедливости в отношении других народов. Но когда Рим стал пренебрегать им, то немедленно был разрушен гуннами, которые оказались еще агрессивнее римлян. Агрессивным народам закрыт путь в будущее. Исчезли бесследно и сами гунны. И если мы их помним сегодня, то только потому, что они разрушили Рим. Появление этой варварской орды на земле подозрительно напоминает временный компьютерный файл, который удалили сразу после того, как он выполнил свою работу.

Впрочем, агрессивные цивилизации удалялись по-разному. Мощную Атлантиду, которая подобно современной Америке, препятствовала развитию остальной части человечества, была погребена под громадным астероидом. Лемурию уничтожил великий потоп.

Нам точно неизвестно о смысле всего человеческого общества на земле, но с оглядкой на прошлое мы можем сказать, что у народов, несущих угрозу

человечеству, будущего нет. Ни для этого миллиарды лет выращивались наши души, ни для этого миллионы лет мы рождались и умирали, ни для этого мы тысячелетиями познавали таинство красоты и трудились над разгадками мироздания, чтобы в один прекрасный день какая-то зарвавшаяся страна, возомнившая себя вершителем судеб, начисто уничтожила венец мироздания под названием человечество.

Впрочем, не нужно быть пророком, чтобы увидеть, у каких стран есть будущее, а у каких нет. Достаточно, посмотреть на плоды их деяний. Плодами цивилизаций всегда считалось искусство. Если искусство мрачное, тяжелое, беспросветное, у страны, где оно процветает, будущего нет. Если внимательнее присмотреться к голливудским фильмам о будущем, то можно увидеть, что в целом там царят насилие и разруха — ежеминутно происходят мордобои, раздоры, перестрелки, совершаются убийства, текут реки крови. США просто не видят светлого будущего, о чем и вопят на весь мир, показывая его с разрушенными городами и уродами вместо людей.

А будущее — это, прежде всего, величие духа, это стремление к свету, потому что свет — это и есть будущее человечества.

Мы не знаем, каким образом исчезнут современные государства, от которых исходит агрессия всему человечеству, но логически их отбытие в небытие мы понять можем.

Представь, читатель, что ты садовник. И вот ты заметил, что одна из твоих яблонь стала давать горькие плоды, которые нельзя применять в пищу ни в каком виде. Вдобавок эта порченная яблоня начала разрастаться молодой порослью, которая заглушает рост остальных плодовых деревьев. Что ты сделаешь с этой яблоней? Естественно, спилишь, и выжжешь корень, чтобы бы на этом месте посадить действительно, что-то полезное.

26

Взгляд одаренного человека на современные мировые события отличается от взгляда обывателя, сидящего на диване перед телевизором с бутылкой пива. Как мы отмечали, люди, способные творить, больше воплощались на

земле, больше видели, больше знают, а значит, и более полно понимают то, что происходит в мире с учетом накопленных знаний. Кроме самих событий они одновременно видят и причины, которые привели к различным кризисным ситуациям, и знают доподлинно, во что это выльется.

К пророческому ясновидению и вульгарной экстрасенсорике это не имеет никакого отношения. Скорее, это имеет отношение к ясности ума.

К примеру, причину кризиса на Украине обыватель видит в грубом вмешательстве американцев. Так, по крайней мере, вдалбливают телезрителям бесменные эксперты политических ток-шоу. По их мнению, это они, проклятые янки, организовали переворот в Незалежной, поставили во главе марионеточное руководство, и теперь оно полным ходом ведет страну к разрушению.

Но проницательный человек понимает, что это всего лишь следствие. А причина происходящего кроется в комплексе неполноценности самих украинцев. Именно на этом комплексе и сыграли американцы, организовав переворот в Киеве. Подобные перевороты невозможны ни в Германии, ни во Франции, ни в Италии, ни в Бельгии, ни в других европейских странах, потому что у населения там нет комплекса неполноценности.

Но откуда такой комплекс взялся у украинцев? Заглянем в историю, в начало тринадцатого века. Никакой Украины тогда еще не было. Южная часть российских земель начала подвергаться нападениям тюркских кочевников. Народ Киевской Руси подался на север поближе к Москве. После нашествия монголов (1237-1240), перед которым содрогнулась вся Европа, а не только Киев, перед южными князьями возникла дилемма — либо объединиться с литовцами против монголов, либо пойти в услужение монголам. Южные князья выбрали второе. Свидетельства того, как южнорусские князья старались угождать своим хозяевам, мы видим сегодня в национальных особенностях Незалежной — в фамилиях, топонимике, а также во внешнем облике украинцев. Если кто-то думает, что национальные костюмы, шаровары, бритые головы с длинными чубами — это что-то самобытное славянское из днепропетровской местности, — тот слепец. Все это тюркское наследство,

так же, как перенятые от тюрков слова — хата, хутор, ненька, тату, рух, сурма, бугай, майдан, казан, кобза, секира, атаман и даже козак. Сегодняшние вопли украинских националистов о чистоте их расы у грамотного человека могут вызвать только улыбку. Тюрки хорошо поработали над тем, чтобы до неузнаваемости изменить славянский элемент населения киевской Руси. И тюркской крови у западных украинцев куда больше, чем русской.

Но быть верным псом всемогущего хозяина — это постоянно ему угождать. Чтобы угодить монголам, услужливые южные князья, начали набеги на Литву, бывшую союзницу против кочевников. Ради этого они даже объединяли свои разрозненные дружины в единое войско, чего не делали для собственной защиты от кочевников. Однако в 1321 году литовский князь Гедимин неожиданно на реке Ирпень разбивает объединенную армию южнорусских князей. После этого завоевывает Переяславль, Белгород и другие русские города, которые и без того были обескровлены монгольским нашествием. Через сорок лет, а точнее в 1362 году литовский князь Ольгерд в сражении у Синих Вод разбивает армии Золотой Орды, после чего окончательно включает большую часть русских княжеств до Черного моря в состав Великого княжества Литовского. Победой Литвы воспользовалась Польша. Она словно шакал, бросающийся на поверженную львом добычу, захватывает Галицкие и Холмские земли.

И вот тут южнорусские князья получают первое потрясение. Разгром Золотой Орды Литвой явился для них неожиданностью. Выходит, они просчитались в том, что пошли в услужение к монголам, тем более что их холопская преданность не спасла южнорусские земли от грабежей и опустошений. Оказывается, нужно было заключать союз с Литвой, а не идти на поклон к монголам.

Что оставалось незадачливым князьям? Снова идти на поклон. На этот раз к литовцам. Но литовцы и так хозяйничали на киевских землях. Тогда князья подвязались к новым хозяевам надсмотрщиками над своим же народом, чтобы в угоду литовцам усмирять несогласных.

Общеизвестно, что шляхтичи сильно зверствовали над населением южно-русских земель, считая людей, проживающих на берегах Днепра, недочеловеками. Своей жестокостью к киевлянам поляки хотели показать свою преданность окрепшему литовскому княжеству.

Литовцев понять можно. Они мстили. Ведь киевляне в угоду монголам при набегах на их земли лютовали как звери. Предателей ненавидят. Это известно всем. Какая-то часть южнорусского народа начала преданно служить шляхте, перемешалась с поляками, и получившаяся смесь положила основу украинской национальности. Но те, кто не желали служить польско-литовским оккупантам, бежали в Запорожскую Сечь, которая воевала не только со шляхтичами, но и с турками. Именно запорожские казаки во главе с Богданом Хмельницким подняли восстание, против шляхты, что привело потом к переходу земель Киевской Руси под протекторат России.

Это восстание — было единственным героическим событием за всю историю Украины. Все остальное — сплошной позор, предательство и вечная готовность поклониться сильному. Но даже уже в составе России, когда Украина была достаточно защищена от внешних врагов, и тогда она искала более выгодного хозяина. И нашла его в виде шведского короля Карла Двенадцатого. Однако, предавший Россию, гетман войска запорожского Мазепа просчитался так же как и его предки, которые выбрали холопство перед монголами вместо союза с Литвой. Хотя и Гетмана понять можно. Он был уверен, что Петру Первому не устоять перед шведским королем, поставившим на колени всю Европу, поэтому решил заранее подстелить соломку.

Несколько столетий спустя, уже в 1920 году глава Украинской народной республики Симон Петлюра сделал выбор в пользу Польши, убежденный, что поляки разгромят наступающих на Киев большевиков. Однако опять просчитался. Передача киевских земель Польше не состоялась. Советы не позволили. Пришлось украинцам поневоле стать холопами большевиков, хотя они рассчитывали пойти в услужении к полякам. Через несколько лет все точно также повторилось с немцами.

Что представляет собой современный украинец сегодня? Под украинцами я подразумеваю народ западной Украины, так называемых, «западенцев». Население южно-восточных земель только юридически принадлежит Украине, на самом деле там живут русские. Они со своими землями были присоединены большевиками к Украинской республике насильно по политическим соображениям.

В первую очередь украинец — это тот, кто имеет семь столетий холопского стажа. За его спиной ничего такого, чем можно гордиться, поскольку в истории Украины ничего героического, кроме восстания под командованием Богдана Хмельницкого, не происходило — одни унижения. Кроме этого, Украина никогда не была суверенным государством. Она всегда находилась под кем-то, если не считать двадцатилетний период после распада Советского Союза. Но это очень маленький срок, чтобы стать самостоятельной страной. Вот почему обрушившуюся на нее свободу Украина использовала не на построение самостоятельного государства, а на поиск нового хозяина, который бы ее кормил взамен на преданное служение. И такой хозяин нашелся за океаном. Так по крайней мере украинцам показалось.

Я был на майдане через несколько дней после переворота. По Крещатику, усеянному солдатским палатками и баррикадами из обугленных покрышек, ходили толпы ликующего народа. У всех глаза горели, и в них читалось, что они наконец избавились от этого многовекового комплекса неполноценности. Когда я пытался заговорить с кем-то, все демонстративно переходили на украинский язык, чтобы, видимо, подчеркнуть свое превосходство над русским, поскольку именно русские, по их убеждению, несколько столетий держали украинцев в холопах и явились главной причиной их комплекса неполноценности. А теперь они свободные европейские граждане!

Однако через несколько месяцев я увидел на Украине совсем другую картину. Всеобщее унынье, хмурые лица, низко опущенные головы. Потасканные девушки в национальных вышиванках приставали к прохожим, протягивая ладони и прося на помощь раненым АТО. От них брезгливо отворачивались.

К этому времени Крым от Украины ушел, избрав дальнейший путь с Россией. И практически откололся Донбасс.

Украинцы, которые на минуту почувствовали себя свободными и допущенными до сытого европейского стола, получили новую порцию комплекса неполноценности. И в своей несчастной и невезучей жизни, при выборе которой в очередной раз просчитались, опять обвинили Россию.

Ненависть «западенцев» к русским не поддается здравому смыслу. Как известно, злоба слепа. Видимо, эта слепота и мешает им здраво рассуждать. Ведь если разобраться, за что «западенцы» кипят такой злобой к русским? Разве русские истязали их, грабили, угнетали и считали недочеловеками? Нет! Это были ордынцы, затем литовцы с поляками, затем турки, затем немцы. Русские наоборот, освободили их и защитили. Но нищему свобода не нужна! Нищий ищет, кому поклониться. Под нищенством я подразумеваю не только отсутствие собственности, но и убогость души.

Злоба украинцев напоминает лютую зависть нерадивого хозяина к богатому и преуспевающему соседу. Ведь с тех пор, как Русь разделилась на южную и северную части, Московия поднялась. Самостоятельно освободилась от монгольского ига, разбогатела, прорубила выходы к морям, одержала ряд блестящих побед, превратила в пыль все великие армии, перед которыми спасовала Европа. А Украина как топталась на месте в качестве бедного родственника, так и топчется по сей день.

Что ждет наши страны в будущем — догадаться не трудно. Будущее может увидеть каждый, и к сверхъестественным способностям это не имеет никакого отношения.

К примеру, Украину ждет ровно то, что получила она после преданного служения монголам, полякам, немецким фашистам. Стала ли после этого она сильной, богатой, процветающей? Удивила ли мир высочайшей культурой, стремлением к правде, к справедливости, к свободе, к благородству? Увы! В процветании холопов никто не заинтересован. Так что в будущем ничего похожего на процветание Украину не ждет, поскольку она ходит все по тому же кругу и наступает на одни и те же грабли.

Из сегодняшнего дня можно увидеть и будущее англосакской цивилизации, сколотившей свое благополучие на грабежах и расовом неравенстве. Только свод уже повернулся и время колониальной эпохи в истории человечества закончился. Завершается и время гегемонии США, которые не умеют существовать на условиях равноправия всех стран, потому что не способны честно конкурировать в мировой экономике. Америка может процветать только за счет войн, грабежей, финансовых пирамид, национальной лжи и политических фейков. Для сытой жизни ей нужны постоянные войны во всем мире, чтобы работала ее военная промышленность. За счет военпрома она и поднялась во время Второй мировой войны, сбывая оружие обоим воюющим сторонам.

Что касается грядущего России, то с ним более-менее понятно. Она единственная выступает за равноправие государств, независимо от национальной принадлежности и степени экономического развития. Единое человечество — это будущее нашей планеты. Были в истории нашей страны смутные времена, были голодные, трудные, жестокие и несправедливые к собственному народу. Россия жила в блокаде, в атмосфере ненависти, проклятий, наговоров. На ее исконные земли вечно покушались, ее народ ненавидели и всегда хотели уничтожить, но Россия всегда выходила победителем и всегда возрождалась.

Так что будущее нашей страны предсказать не так уж и сложно. Достаточно взглянуть на ее героическое прошлое. В общей сложности увидеть грядущее может каждый, если он знает историю страны и характерные черты народа. Ведь упадки великих империй и мелких государств происходят по одним и тем же причинам. И это не связано ни с военной мощью, ни с экономикой, ни с культурой. Это связано со степенью агрессии. Чем агрессивнее государство, тем короче его жизнь. Третий рейх, который нес серьезную угрозу человечеству, просуществовал 12 лет. Византийская империя, не замеченная в особой агрессии, побила рекорд по долгожительству, просуществовав 1058 лет.

Но к черту политику! Все это суета сует. Через какую-то тысячу лет никто не будет вспоминать о какой-то там Америке и ее агрессивной политике, поскольку ее существование плавно перетечет на застывшие страницы истории. К этому времени, человечество уже станет единым. Оно не будет знать национальностей, хотя мы по-прежнему будем рождаться с разными цветами кожи. Планета забудет, что такое страны и государства, и школьники при изучении прошлого будут недоумевать, почему люди так нелепо жили несколько тысячелетий, огораживаясь друг от друга границами? Разумеется, к этому времени межнациональные раздоры и международные конфликты канут в Лету. Человечество забудет о войнах, лишениях, болезнях, несчастьях, порождаемых социальной средой. Много чего негативного оставят за спиной люди будущего, возвратившись на свой истинный путь, ради которого они и были спущены на землю. А освоение тайн искусства станет такой же обязательной деятельностью человека, как сегодняшняя восьмичасовая работа ради куска хлеба.

Не случайно Кант считал, что гении бывают только в искусстве, и само искусство, как уже упоминалось, он ставил выше религии. А вот Гете, к примеру, так не считал. Он был убежден, что религия выше искусства, хотя и написал свой знаменитый «Фауст». Впрочем, у меня есть подозрение, что немецким поэтом при создании шедевра руководило слепое вдохновение. Иначе говоря, Гете написал эту пьесу по наитию. Однако довольно точно, и, видимо, сам не понимая ее значения для человечества. Да и само человечество, как мне думается, трактует трагедию не совсем верно.

В понимании этой пьесы присутствует некий стандарт. Доктор Фауст, достигнув человеческой вершины и изучив все, что в состоянии изучить смертный, захотел высших знаний. Полагая, что он светоч людского рода, обращается к магии, в надежде, что она поможет ему открыть тайны бытия. На его зов является Мефистофель, который обещает старику открыть глаза на кое-какие загадки мироздания, но вместо этого возвращает ему молодость и знакомит с пятнадцатилетней красавицей Маргаритой, в которую Фауст

момента и влюбляется. Далее, в результате страстного романа ученого с несовершеннолетней девушкой, погибает ее брат, которого Фауст протыкает шпагой, умирает от передозы сонного снадобья мать несчастной девушки. Затем в тюрьме умирает и сама Маргарита.

Но коварный Мефистофель искушает Фауста дальше, сначала властью, затем знакомством с Еленой прекрасной, а кроме того — путешествиями в прошлое человечества. В конце концов, черт доводит бедного ученого до того, что он все-таки восклицает оговоренную фразу: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Тем самым светоч людского рода сам себе ставит крест на познании истины.

«Вот на какие коварства идет нечистая сила, лишь бы воспрепятствовать человеку в получении высших знаний, — должен сделать вывод читатель, — Хитрый Мефистофель не только не раскрыл тайн бытия страждущему ученому, но еще ввергнул его в пучину тяжких грехов».

Однако ненависть к нечистой силе и животный страх перед дьяволом — это чисто христианское предубеждение. Давайте взглянем на трагедию Гете немного другими глазами. Доктор Фауст — это человек, который прошел все уровни земных жизней. Он многое познал, многое изучил, кое-чем разочаровался, кое-чем пресытился и созрел, как ему казалось, для отбытия в более высокие миры. Но мы уже знаем, что если плоть не перегорела и если в душе осталась хотя бы малейшая крупица земной страсти, то восхождение человеку к высшим мирам закрыто. Мефистофель для того и явился к старику, чтобы бы выявить, все ли земные желания у первого любимчика Бога превратились в золу? Оказалось, что нет! Несмотря на благородные седины, в старике еще роился не расстрелянный фейерверк плотских вождлений. Страждущий высшей правды с легкостью бросается в пучину разгула. Он не прочь омолодиться физически, попить хорошего вина, пуститься в пляс в веселом кабачке, да и к юным прелестницам ученый проявлял далеко не старческий интерес. Словом, рановато ему было познавать высшие истины. Не нагулялся еще человек.

Представляю, как насторожился читатель религиозного склада. «Это что получается? Бог поручил Сатане, своему кровному врагу, проверить человеческую душу на зрелость?».

Но почему врагу? Это чистое христианское суждение, что Бог с Сатаной находятся в смертельной вражде. На том, собственно, и построена христианская религия. Убери из нее Сатану, как врага, и религия рухнет.

А так ли страшен черт, как его малюют? Рассудим холодным рассудком. Вспомним зороастризм — два божества (один белый, другой черный) борются на равных, как в шахматы. Лично я, когда выигрываю в шахматы, искренне радуюсь, а когда проигрываю, с не меньшей искренностью и уважением жму руку сопернику, и понимаю, что мне еще нужно тренироваться. А вот любопытно, когда религиозные фанаты садятся за шахматы, они испытывают лютую ненависть к игрокам, играющими черными?

Думаю, что нет. Потому что это глупо. Так почему они так уверены, что Бог испытывает ненависть к Сатане, который, как можно понять, отвечает в этом мире за разрушение. В Брахманизме, где в священных текстах больше логики, за разрушение отвечает бог Шива. Однако к нему индуисты не испытывают лютой ненависти и не бледнеют от одного его имени. Ведь как зарождался мир по индуизму? Сначала родился Брахма, который сотворил миры. Затем он создал двух богов помощников: Вишну и Шиву. В обязанность Вишну входит контроль за тем, чтобы все в этом мире зарождалось, расцвело, наливалось соком, росло и благоухало. В задачу бога Шивы входит, чтобы все отжившие как можно быстрее разлагалось, разрушалось, превращалось в корм для червей, а затем — в плодородную почву для нового рождения, цветения и благоухания. Но представьте мир, в котором ничего бы не разлагалось? Куда бы складывали биологические тела тех, которые отжили свою жизнь? За тысячу лет земля бы распухла от трупов людей, животных и птиц, которые знать не знают, как разлагаться. И океан бы вышел из берегов от законсервированной морской мертвечины.

Как не крути, но оба механизма, и зарождения и разрушения, должны работать как часы, иначе непрерывное движение жизни остановится по причине затора.

Но почему христиане так панически боятся Сатаны? Давайте подумаем. Боятся, что он проткнет их рогами, повесит на собственном хвосте, вдарит под дых копытом, загонит под ногти иглы, растерзает на куски? Не думаю. Кто-нибудь о подобном читал в криминальных хрониках?

И не прочтете. Потому что в задачи темных сил не входит физическая расправа над грешниками. А вот искушать — входит. Соблазнять человека большими деньгами за совершение подлости, проверять на честность, на похоть, на вшивость, создавать ситуаций, в которых люди из трусости теряют свою человечность, — это в компетенции сатанинских сил.

Так вот чего боятся христиане! Не справиться с искушением! Даже в молитве они без конца повторяют: «Не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого!» Но если наша жизнь действительно испытательный стенд для душ, как можно без искушения выявить, кто силен и крепок духом, а кто слаб и малодушен?

А если наступить на горло собственному малодушию? А если проявлять волю и не терять человечности ни при каких обстоятельствах? Не искушайся, не соблазняйся, не поддавайся! Не проявляй малодушия и слабости! А если проявил — обвиняй в этом ни попутавшего тебя черта, а свою бесхарактерность! Где твоя вера? Вера в человека — честного, высокого, негибаемого? Где, в конце концов, твоя вера в себя, как в венца мироздания?

Впрочем, детальное исследование христианского вопроса не входит в нашу задачу. Вернемся к Канту, который не разделял мнение Гете по поводу того, что религия выше искусства. Тяга к искусству — это вершина духовной эволюции человека, — считал мыслитель.

Через какую-то тысячу лет мы будем прахом. Нас забудут, наши кости сгниют, фотографии в интернете выцветут. Но в памяти останутся имена гениев, сотворивших великие произведения. А может даже и имен не останет-

ся, а останутся только сами произведения. Впрочем, и произведения по истечению своего времени тоже растворятся в космической бездне.

Так какой же смысл цивилизаций, погребенных в темноте времени. Большинство из них мы не помним. А ведь и тогда жили миллионы художников, о которых сегодня нам неизвестно ничего.

Помню, на экзамене по философии профессор мне задал именно этот вопрос. Какой смысл всех земных цивилизаций? Даже те цивилизации, которые поднимались до высочайших культурных высот, все равно были погребены во времени. Например, в Китае наблюдалось такое величие духа, что все разговаривали стихами, и стихами даже писали жалобы в суды. Но какой был смысл в том духовном подъеме?

Я, как всегда, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Наверное, смысл том, чтобы следующее поколение людей пришло на землю в другом качестве.

Профессор напрягся и недоверчиво впился мне в глаза.

— В лучшем, или в худшем? — уточнил он.

— Конечно в лучшем, — ответил я. — Мир постепенно становится добрее, а люди с течением времени становятся все более нравственными.

— Более нравственными? — вытаращил глаза экзаменатор и с сомнением покачал головой.

Затем он замер, и глаза его остекленели. Преподаватель ушел в себя и в таком неподвижном состоянии пребывал около минуты. Затем вдруг ожил.

— А ведь точно! — брызнул он осмысленными искрами и начал горячо развивать мою мысль, совершенно забыв, что принимает экзамен и не сидит на ученом диспуте.

Я робко пододвинул ему зачетку. Он замолчал. Потом, словно опомнившись, воскликнул:

— Ах, да!

И вписал ручкой «отл».

Уже позже, я нашел подтверждение своим словам. И нашел именно в памятнике литературы. Да, мир становится добрее, и с каждым тысячелетием

все нравственнее, несмотря на возрастающую жестокость, злобу, жадность и цинизм. Многие со мной категорически не согласятся. «Нет, — с жаром возразят они. — Мир становится хуже. И этому способствует культ ненасытного потребления...»

Но возьмем, к примеру, пьесу древнеримского драматурга Теренция «Свекровь». Сколь бы ни был жесток наш мир, но в целом он давно ни таков, каким был, скажем, две тысячи лет назад. В пьесе показан очень добрый (для того времени) юноша Памфил. Чем он был добр? Тем, что сразу не прибил свою молодую жену, которая, как выяснилось в первую брачную ночь, оказалась беременной неизвестно от кого. Памфил мучается, страдает, но из гуманных соображений терпит и ждет, пока супруга не разрешится от бремени, поскольку любит ее. В конце концов, выясняется, что за несколько месяцев до свадьбы он сам же ее и изнасиловал, когда в приличном подпитии возвращался домой от гетеры. Более того — ограбил! Снял с ее пальца кольцо. А с какой девушки снял — точно не помнил. Было темно. Однако благодаря этому кольцу, которое он снял с бедняжки, все и прояснилось. Оказывается, в ту ночь он изнасиловал свою будущую супругу, а значит ребенок от него! Счастью Памфила не было предела! Таким образом была спасена ячейка античного общества.

Сегодня действия Памфила можно рассматривать как преступление, которое тянет на несколько уголовных статей. Однако в те времена они ни у кого не вызвали особого осуждения. Это было нормой, после хорошего подпития по пути домой кого-нибудь изнасиловать и ограбить, и на утро ничего не вспомнить.

Сегодня я могу ответить и на вопрос, почему исчезают во времени даже развитые цивилизации, добившиеся невероятных высот в культуре. Мы ошибочно думаем, что у величайших цивилизаций, достигших культурных и технических вершин, уже нет пути назад. Они не могут продолжать движение по нисходящей, а поднимаются только выше и выше. Но почему, не могут? Течение жизни одинаково для всех, как для человека, так и для государств, и даже для величайших империй мира. Человек растет, взрослеет,

достигает пика своего расцвета, а потом начинает стареть, дряхлеть и в конце концов умирает. С государствами происходит то же самое. После пика расцвета они также начинают угасать, чтобы сгинуть в беспросветном океане времени. Это происходит не потому, что нас за что-то наказывают боги (так уж принято считать человеком), а потому что таков всеобщий закон движения — вслед за ушедшими идут другие, и старые цивилизации сменяются новыми. Но отжившие культуры стираются только с лица земли, а для вселенной они никуда не исчезают.

«Главнейший догмат учит, — цитирую теософию, — что как только любое сознательное или чувствующее существо (будь то человек, дэва или животное) умирает, — создается новое существо; и при новом своем рождении оно появляется на этой же или другой планете — в условиях, сложенных им самим в прошлой жизни».

Понятно, что это касается не только сознательных и чувствующих существ, но и государств. Вечный процесс движения напоминает едва уловимое движение облаков на небе, которые, несмотря на кажущуюся неподвижность, все-таки куда-то плывут. Вот только куда? И зачем? На это ответить можно только стихами.

Облака уплывают, чтоб место другим уступить.

Кто там следом с такой же любовью и солнечной жаждой?

Упаси же нас, Господи, в Млечном теченье застыть —

Даже ангел и тот, не влетит в одно облако дважды.

28

На этом я заканчиваю первую часть своего труда. Все, изложенное мной, ни в коем случае нельзя квалифицировать, как истину в последней инстанции. В книге лишь высказаны мои личные соображения, которые сформировались в процессе моей непростой и беспокойной жизни. Именно поэтому я использовал в повествовании эпизоды из своей биографии, а для раскрытия типажей брал конкретных людей, которых мне посылала судьба.

В пятнадцать лет я отправился в Астрахань, чтобы отыскать на морских судах светлых, добрых, умных, справедливых, порядочных и все понимающих людей. Мои поиски растянулись на несколько десятилетий, но судьба оказалась благосклонной. Тех, кого я искал, в конце концов, отыскались. Они оказались рядом. Но чтобы разглядеть их в громадном людском водовороте, мне пришлось пройти через все слои общества, начиная от самых низших.

Одновременно я понял основную истину в этой жизни, за которую люди шли на эшафоты и с веселыми улыбками смотрели смерти в лицо: мир — это то, что ты собой представляешь. Чтобы встретить хорошего человека, нужно самому стать таковым. Ведь, согласно всемирному закону тяготения, людей друг к другу притягивает одинаковая масса душ, или говоря проще — духовное родство.

— Но пардон! — воскликнет умник. — Это закон Ньютона! И говорит он о материальных телах, а не о душах: «все материальные тела притягивают друг друга с силами, прямо пропорциональными их массам...».

Совершенно верно! Только этот закон един как для материальных миров, так и для духовных. Все десять евангельских заповедей можно сформулировать одной строкой: «Как ты относишься к миру, так и мир относится к тебе». Если ты несправедлив к ближнему, то не жди от ближнего справедливости. Если ты ненавидишь людей, то приготовься к тому, что и тебя будут ненавидеть. Если ты совершаешь подлости, то подлости будут совершаться и в отношении тебя. А если от тебя не исходит ничего, кроме презрения и ненависти, то не жалуйся на свою несчастную судьбу и злой рок! «На каждое действие есть противодействие», — сформулировано Ньютоном по поводу физических явлений. Но в этой формулировке заключен и всемирный закон возмездия, который индусы называют кармой.

В некоторых местах книги я использовал фрагменты собственных стихов, но отнюдь не для их популяции, а потому что они в нужную минуту оказывались под рукой. Мои стихи не нуждаются в популяции. Они давно уже существуют сами по себе.

Еще в самом начале я предупреждал тебя, читатель, что не собираюсь навязывать свои мысли, а всего лишь предлагаю присоединиться к моим размышлениям. И если мои скромные размышления пошатнули твои устои и вывели тебя из канонического равновесия, то это говорит о том, что ты до меня спал и даже не пытался мыслить самостоятельно.

Я не имел намерений возмутить ничье спокойствие, а только хотел поделиться своим пониманием жизни. Своей нынешней ясности я обязан людям, с которыми меня сталкивала судьба. Среди них встречались, как зверски агрессивные, так и ангельски добрые, но все они делали одно и то же дело — избавляли мою душу от невежества.

Может кому-то покажется, что я слишком жестко прошелся по «скромным» носителем разума, то есть по людям среднего слоя, не обладающим особым дарованием. Может кто-то воспримет это как обиду. Но истинно говорю вам, у меня не было намерений оскорблять и принижать так называемых «нормальных» людей, которых в зрелом будущем ждет такое же духовное восхождение, как современных гениев. Я всего лишь хотел назвать вещи своими именами, рубануть правду матку, исключив малейший намек на иносказание. Ведь если шавку назвать шавкой, разве это для нее обидно? Ведь она от природы шавка. Но если она воображает себя слоном, то правда матка без всяких иносказаний — это как раз то, что избавляет от иллюзий. Словом, растекаться соплями по дереву ради оправдания бездарности — я не обещал. Бездарность начинается там, где заканчивается движение. Она-то больше всего и склонна к собиранию пепла, оставшегося от самосожжения великих душ. И так было всегда. Из века в век.

Из века в век под небосводом,
где верят фениксам и снам,
таланты тянутся к свободам,
бездарность тянется к чинам.

Чинам порой фартит упрямо,

свободам вечно не везет.

Судьба таланта — топтать прямо,
бездарности — бежать в обход.

Несись, поэт, сквозь тьмы и версты,
где плеск волны и свет планид!
Таланты в душах копят звезды,
бездарность копит тьму обид.

Нам век могилы разгребает.
Да кто спасет и кто почтит?
Талант в ночи стихи кропает,
бездарность — кляузы строчит.

Я верю в горную победу
и в тех, которых вечно ждут.
Поэты вновь потянут в небо,
чинуши вновь потащат в суд.

Придет вселенная в движенье,
когда обрушат небосвод.
Талант уйдет в самосожженье,
бездарность — пепел соберет.

Часть вторая

О вкусной и здоровой поэзии

1

Итак, вначале были ритмы. И было их пять. И звались они стихами. Однако вижу снисходительные улыбки по поводу названия второй части и ощущаю скептические интонации в мыслях читателей.

— А что, поэзия тоже может быть вкусной? — вправе спросить меня они.
— Разве вкусовые ощущения относятся к рифмованному словоблудию? Они, насколько всем известно, относятся к гастрономии.

Совершенно верно! Причем верно настолько, что от предсказуемости вопроса, подступают рвотные спазмы. Поэтому буду краток, как Цезарь.

Да! Поэзия может быть вкусной. И даже весьма. Бывают такие поэтические строки, которые не только вкусно произносить, но и при чтении они почти способствуют выделению желудочного сока. К примеру:

Сквозь сон Божественных литавр,
сквозь шорох звездной ночи
Подал свой голос Александр,
потупив смиренно очи.

Прочтите это вслух, не торопясь, с закрытыми глазами, наслаждаясь каждым слогом, как наслаждаются от вкушения редкого деликатеса. И от вашего внимания не уйдет, какие удивительные выкрутасы выделяет ваш язык. «С-к-во-зь соо-нн Бо-же-ст-ве-нны-х ли-таа-вр...» Звук начинается от прикосновения языка к нижним зубам, затем перескакивает к небу для касания с ним другой частью языка, затем нижняя губа едва уловимо прикасается к верхней и на звуке «о» улетает куда-то в горло... И дальше в том же духе!

Именно такая последовательность в произнесении звуков и вызывает вкусовые ощущения, или, говоря проще, — наслаждение. А теперь представьте, что ваш речевой аппарат — это клавиши фортепьяно. Пропойте все ноты и запомните положение вашего языка при озвучивании той или иной ноты. После этого прочтите любимое стихотворение, но не просто так, а отмечая и фиксирую все выкрутасы вашего языка. Затем сыграйте на фортепьяно ту последовательность, которую только что произвел ваш речевой аппарат при чтении стихотворения. И полученная гармония вас удивит. И не просто удивит — вы испытаете от нее такие же вкусовые наслаждения, как от произне-

сения строк, потому что вкусовые ощущение, как и музыкальные, а также стихотворные находятся в одном и том же гармоническом пространстве.

Впрочем подавляющее большинство, произнеся приведенное мной четверостишие, не испытает никакого наслаждения. И это понятно. Ведь многие, потребляющие грубые крепкие напитки, не получают наслаждения от тонких сухих вин. Помню, как один персонаж из романа Евгения Евтушенко «Ягодные места» изрек, что русским не дано познать изыски сухого вина, потому что внутри у них все сожжено водкой. Сам роман я помню смутно, но эта фраза сибирского мужика врезалась в память железно. Но если кто-то все-таки научится распознавать вкус сухих вин, тот уже больше никогда не станет употреблять водку.

В просвещенной Европе аристократы щеголяли тем, что могли по одному запаху отличить элитное вино от подделки. Чтобы добиться таких вкусовых тонкостей, нужно было потратить не один десяток лет, ограничивая себя во многом, особенно в грубой пище. Только поэзия куда хмельнее вина в области ощущений, и чтобы получать наслаждение от всех ее тонкостей нужно также затратить не один десяток лет, ограничивая себя от грубых стихотворных подделок. Не зря же Шопен предостерегал: «Не слушай плохой музыки, чтобы не портить слух». То же самое можно сказать и про стихи, и про вино, и про пищу.

В начале двадцатого века российские аристократы также щеголяли своими поэтическими вкусами, как и французы винными, и гордились тем, что по одной строке могли отличить истинную поэзию от подделки. Не буду спорить с тем сибирским мужиком по поводу вина, но что касается поэзии — то здесь Россия в первых рядах. Одни из самых красивых, высоких, чистых и пьянящих стихов за всю историю мировой поэзии были созданы именно на русском языке, благо, что русский язык как никакой другой (и, кстати, один из немногих) способствует творчеству в сфере высокой поэзии. А ведь далеко не на всех языках можно писать стихи.

Сегодня мы живем в век подделок. Подделывают не только известные мировые бренды, но и плоды культуры. Наша современность почти не произ-

водит своих произведений. Оно перепевает старое и кипами клепают ремейки, паразитируя на былых горениях великих душ, или, говоря словами поэта, собирает пепел. Поэтому нашу современность в плане творчества можно назвать временем собирания пепла.

Я затем и взялся за эту книгу, чтобы объяснить, чем живое пламя поэзии отличается от мертвого рифмованного пепла, или, говоря проще, чем истинные стихи отличаются от поддельных. Объяснить так же решил прямо, материалистически, исключив малейшие намеки на иносказание, рубануть, так сказать, с плеча, ошеломить правдой-маткой, или, говоря пушкинским языком, — поверить гармонию алгеброй.

2

— А зачем вообще вникать в изыски стихотворного языка, если ты не литературовед? — пожмет плечами читатель. — Какая практическая польза от всех этих поэтических тонкостей широким народным массам?

Действительно, практической пользы на первый взгляд никакой. Стихосложение сегодня обитает исключительно в области развлечений, — в основном используется для песен, опер, мюзиклов. Стихи вне музыки раздражают. И многие реагируют на них довольно нетерпимо. К примеру, на передаче «Поле чудес» несменный ведущий Леонид Якубович с широкоусой улыбкой говорит игроку:

— Крутите барабан!

А игрок:

— Можно я прочту свое стихотворение?

Ведущий натягивает улыбку, а про себя кривится. Публика фальшиво хлопает, а миллионы телезрителей с раздражением покидают уютные диваны и отправляются в санузелы. Те, кто продолжают сидеть у телевизоров, морщатся от скучной, занудной и затянутой рифмованной ахинеи, которую несет участник шоу, и про себя досадают, что вот же (черт!) занесло такого придурка на передачу. Те, кто симпатизировал игроку, начинают проникать-

ся к нему ненавистью и испытывать досаду за его тупое и бездарное сочинение. «А ведь по виду умный человек! Как все-таки обманчива внешность...»

Когда чтение любителя победно завершается, телезрители облегченно вздыхают, а сидящие в зале раздражаются радостными аплодисментами. Радостными от того, что это стихоиздевательство наконец закончилось. И если данный телевизионный фрагмент случайно попадет в поле зрения профессионального поэта, то он обязательно презрительно сплюнет на ковер:

— Графоман!

Мало кто догадывается, что кроется за этим греческим словом в голове у профессионального поэта. Сегодня слово «графоман» используют направо и налево. Им ругаются все, кому не лень, — журналисты, редакторы, ведущие телевизионных программ, режиссеры, композиторы, комментаторы и даже сами графоманы. Но только в устах настоящего поэта это «обзывательство» приобретает истинное значение. Оно более тяжеловесное по сути. Когда бы в ту минуту подслушать потаенные мысли поэта, то можно ощутить все эмоции, в которые заплетены презрение, отчаяние, негодование и вечная боль за годы, безвозвратно проведенные за письменным столом. Если очистить мысли от эмоций и нецензурной лексики, то на словах его восклицание будет звучать приблизительно так: «Скотина! Чтоб ты сдох! Вот кто множит злобу в этом мире! Вот кто прививает ненависть к высокой поэзии...»

И действительно, настоящему поэту есть от чего придти в отчаяние. На земле не так много людей, которые искренне обожают стихи. А графоманы своими бездарными сочинениями сокращают и без того немногочисленное число их поклонников. Все-таки поэзии — искусство не совсем народное. И как только поэты-шестидесятники в прошлом столетии умудрялись собирать стадионы?

Но даже у тех, кто с детства любит поэзию, стихи в качестве получения сокровенной информации не вызывают ни малейшего доверия. Возьмем, к примеру, «Божественную комедию» Данте.

Земную жизнь, пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Именно с этого трехстишья начинается поэма. Перескажи это дословно в прозе, и тебя поднимут на смех. Получится приблизительно следующее: «Когда я прожил полжизни, то оказался в каком-то сумрачном лесу, потому что сбился с пути, когда брел по долине. В долине, — продолжаем пересказ в прозе, — было очень темно. Однако именно тот путь и был, оказывается, самым праведным».

В трехстрочной строфе Данте первая и третья строки — метафора, а вторая, про сумрачный лес — конкретика. Если подобное допускается в поэзии, где долина сочетается с лесом, то уж никак не допускается в прозе. В прозе действует совсем другая повествовательная логика и требуются более достоверные детали, если писатель хочет, что бы его изложение выглядело правдиво.

«Прожив полжизни и оглянувшись назад, я понял, что давно уже не живу праведной жизнью, которая всегда была моим путеводителем. Теперь я себя ощущаю несчастным, словно заблудившимся в темном лесу. А когда-то я ассоциировал себя исключительно с человеком, безмятежно идущим ночью по цветущей долине. И вот однажды, в один из таких приступов мрачности, одиноко прогуливаясь по лесу (хотя лучше по парку, по лесу — это через чур), ко мне подошел какой-то прохожий и неожиданно заявил, что он римский поэт Вергилий, живший в первом веке до нашей эры...»

Приблизительно так должна выглядеть прозаическая затравка в «Божественной комедии», чтобы удержать внимание читателя. Внимание же в стихах удерживается за счет стихотворной метрики и рифм. Но если кто собрался черпнуть теософских знание о параллельных мирах из «Божественной комедии» Дантэ, сильно разочаруется. Конкретики о метафизической жизни за гробом в поэме довольно мало. Зато она изобилует какими-то мелкими деталями, не относящимися к развитию сюжета, — то ли мировыми символами, то ли личными ощущениями автора. Но главный недостаток, тормозящий

прочтение дантовского сочинения в наше время, — огромное количество поэтических штампов, которые сегодня существуют только в мертвом виде.

Кроме того, в этом средневековом памятнике много необязательных персонажей, и среди них — куча знаменитостей, живших ранее, но удивляющие своей примитивностью. Также там много современников автора, которых за чем-то он вплел в поэму. А еще приплетена флорентийская политика того времени, которая сегодня понятна только ему самому — на том свете, разумеется. Такое ощущение, что суровый Алигьери главным образом стремился набить «строкаж», чтобы уложиться в три части, в которых должно быть (уж так он задумал) по тридцать три песни, а в первой части про ад — тридцать четыре.

Хотя нельзя сказать, что поэма не производит впечатления. Производит. Вот только чувства достоверности не вызывает. Во-первых, потому что она скована стихотворной формой. Не облачена, а именно скована. А если пишешь стихотворной метрикой, то о точном выражении мысли не может быть и речи. Обязательно нужно либо что-то урезать, либо надумывать, чтобы вписаться в размер. К тому же Данте еще и усложнил задачу своей строфой из трех строк.

Как не крути, но очень трудно поверить, что автор «Божественной комедии» действительно посещал потусторонние миры в сопровождении Вергилия и видел все те ужасы, которые он подробно описал по возвращению, а также — картины райского блаженства. Мне думается, что он насочинял!

Теософские откровения об иных мирах я все-таки предпочитаю черпать из прозы. К примеру, «Роза Мира» Даниила Андреева у меня вызывает большее доверие, хотя бы тем, что описания в них более конкретные, поскольку не ограничены стихотворным размером и рифмами. В путешествиях по параллельным мирам автора также сопровождал поэт. Но не Вергилий, а Александр Блок. Как вполне по-человечески разъяснил Даниил Леонидович, свои хождения по мирам он начинал по ночам, когда ложился спать. Его «я» в полном сознании отделялось от тела и попадало в параллельный мир, где его ожидал поэт серебряного века. Он-то и водил его по нижним и верхним ми-

рам, как экскурсовод. Просыпаясь, Даниил Андреев в здравом уме и в холодном рассудке записывал подробности на бумаге, причем чистым доступным языком без каких либо поэтических наслоений, завываний и проклятий всему непокаянному, поскольку помнил все детали.

Его откровения впечатляют. Лично я, когда впервые прочел «Розу Мира» в рукописи, был ошеломлен настолько, что отправился за комментариями к его вдове, жившей неподалеку от Литературного института в Брюсовом переулке. На квартиру к ней я заявился не один. Притащил весь семинар. Алла Александровна очень снисходительно отнеслась к нашему приходу без звонка и рассказала много интересного. В первую очередь, что у Даниила Леонидовича особого образования не было, ни исторического, ни философского. Он, также как и мы, учился в Литературном.

Это не могло меня не поразить. Такую книгу с глобальными знаниями истории и повсеместными цитатами мировых мыслителей, мог написать только человек энциклопедических знаний.

— Откуда же он все знал? — спросил я.

— Вероятно, ему это дали оттуда, — с улыбкой ответила Алла Александровна, показав пальцем на потолок.

Перед уходом, вдова мне сказала, что относиться к его «Розе мира» как к Библии нельзя.

— Он все-таки был поэтом...

Но если Даниил Андреев насочинял все это умозрительно, то получилось убедительно. Такому гению можно только аплодировать.

Также в сочинениях подобного рода вызывает доверие и знаменитая книга Эльзы Баркер «Письма живого усопшего». Писательница в деталях описала, как ее безвременно почивший знакомый в ночные часы водил ее рукой по бумаге, обрисовывая мир, в который он попал. Хорошо, что покойник догадался излагать свои репортажи с того света в прозе. Изложи он их в стихах — безызвестность труда была бы гарантирована.

Мы не знаем, действительно ли книга надиктована Эльзе Баркер оттуда, или это такой писательский прием, а хождения по чужим мирам — буйная

фантазия женщины. Но достоверность изложенного не вызывает сомнений. И не только у меня. Елена Рерих также оценила труд американской писательницы и уверила, что все описанное в книге — чистейшая правда.

А вот Апокалипсис не вызывает у меня даже отдаленной иллюзии достоверности. Ну, какие трубы, какие печати, какие кони? Ведь если автору действительно было показано будущее, то он не мог не увидеть, что в грядущем на конях никто не ездит. «Небесным карателям», которых Иоанн называет ангелами, логичней спустаться с неба на летающих тарелках, а не на конях. Также маловероятно, что людей может привести в ужас вышедшее из моря чудище, которого в случае агрессивного поведения ничего не стоит уложить из гранатомета. А упавшие на землю звезды? Это что, метафора? Одна из звезд, кстати, пробьет земную кору и из подземных недр выскочит саранча. Какой бред! Никакой метеорит, или даже планетоид (не звезда же, в самом деле) при падении не способен пробить земную кору глубже, чем современная бурильная установка. Если и существует жизнь в недрах земли, то только в других измерениях. Даниил Андреев, кстати, писал, что под землей на уровне магмы в другом временном слое живут существа, которые умнее и совершеннее нас. Это игвы. И они действительно похожие на саранчу. Выходит, это им дадут дорожную карту на ликвидацию наземной части обитателей планеты?

Однако больше всего в Апокалипсисе удивляет методичный расчет в ликвидации людей, сравнимый с глобальными намерениями Третьего рейха. Сначала будет уничтожена третья часть морских судов, затем, выскочившая из-под земли, саранча умертвит (как можно понять) безбожников, затем шестой ангел примется и за верующих, и угробит из них треть. Прочие будут умирать от голода, зноя, язв... А за что такое наказание? За грехи человеческие? Нет! О грехах там не сказано ни слова. Просто наступит такое время, когда человечество начнут уничтожать. И все. Довольно жестоко. Но все равно все эти кошмары бледны перед изуверской жестокостью фашистов во Второй мировой войне.

Хоть режь меня, но откровение Иоанна не вызывает у меня ни малейшего чувства достоверности и эмоционально не затрагивает никак. Если это сказка, то весьма жестокая, если фантастика — то весьма скучная из-за своего немотивированного человеконенавистничества. Но может, в изложении евангелиста зашифровано иносказание?

А вот это вряд ли! Ведь нам известно со слов самого Иоанна, что неведомый голос повелел ему записать увиденное, как есть. Не показывали же ему метафору? Но может автору продемонстрировали слаженную работу существ из высших миров, которые по старинке ездят на лошадях?

Не будем углубляться дальше, поскольку анализ Апокалипсиса не входит в плоскость нашего изложения. Вернемся к теме.

Короче говоря, проза вызывает у читателя большее доверие, чем стихи. Это неоспоримо. Чтобы добиться реальной достоверности в стихах, нужно быть величайшим мастером. Ведь это очень не просто чисто и доступно излагать мысли в рифму без всякой поэтической шелухи.

— Только зачем? — возникает резонный вопрос.

А действительно, зачем? Если ту же мысль можно изложить в прозе и не тратить сил и времени на то, чтобы она влезла в стихотворные размеры, да еще рифмовалась.

Такого чудачества не понимал даже Лев Толстой, который был, кстати, дальним родственником Пушкина. Он, безусловно, считал, что писательский труд избавляет людей от невежества. Но зачем это делать под рифму? Мало того, что стихи сами по себе не вызывают доверия, так еще отнимают кучу времени на их создание. Отсюда вопрос: рационально ли их писать? Никоим образом! — считал великий писатель. Писать стихи — все равно, что идти за плугом и приплясывать. И Толстой знал, что говорил, поскольку частенько прикладывался к плугу. Плясать за плугом действительно не рационально.

Но может быть задача стихов совсем не в том, чтобы донести до нас какую-то информацию? Тогда в чем?

Если у кого-нибудь был опыт общения с обитателями потусторонних миров во время засыпания, то он наверняка обратил внимание на то, что за чертой реальности общаются не словами, а телепатически. Если и произносится вслух что-то очень важное, то очень торжественно, высокопарно и в ритмичной форме, похожей на стихотворную. Еще одна любопытная деталь — если во сне ты понимаешь, о чем идет речь, то проснувшись, с удивлением отмечаешь, что те торжественные заклинания во сне в нашем мире представляют собой сущую бессмыслицу. Их можно понять только как метафору, либо уловить ощущение, с каким они были сказаны. И именно это ощущение открывает нам истинный смысл сказанного. То есть, ощущение в потустороннем мире важнее, чем логический смысл, сплетенный из слов.

Как известно, земные стихи имеют пять стихотворных ритмов. Наверняка каждый слышал, что эпохами также правят ритмы. Нас от древних времен отличает другой ритм жизни, более быстрый, более стремительный, даже молниеносный, если сравнить, к примеру, с ахейским. Сегодня события мелькают настолько быстро, что не успеваешь их фиксировать в памяти. А три тысячи лет назад самым ярким событием было разрушение Трои, которое потом обсасывалось более десяти столетий.

Ритм средневековья — это вообще сплошная спячка, по сравнению с современным ритмом, хотя в тот период периодически вспыхивали войны. А что происходило до потопа, который, судя по всему, произошел приблизительно одиннадцать с половиной тысяч лет назад, а если быть точным — в 9567 году до нашей эры, когда ушел под воду последний остров Посейдонис из материковой Атлантиды? Видимо, ничего примечательного, если наша память не помнит преданья старины глубокой.

Судя по всему, жили тогда неторопливо, без суеты, без книг, кино, телевизоров, интернета. К тому же настолько долго, что не укладывается в голове у современного человека. Уму непостижимо, что столько времени можно делать на Земле? Ну, потратишь 100 лет на строительство ковчега, год — на отлов животных, 8 месяцев на плавание по океану, чтобы потом застрять на

горе Арарат. Но куда девать остальные 848 лет? Ведь Ной, если верить шумерским источникам, прожил 950 лет.

В допотопные времена (опять-таки, если верить Ветхому Завету) средняя продолжительность жизни составляла 912 лет. Судите сами — Адам прожил 930 лет, его сын Сиф — 912, внук Енос — 905, правнук Каинан — 895, Иаред — 962, Енох — 365, Мафусаил — аж 969!

Современные исследователи считают, что в Библии какая-то ошибка. Возможно, допотопное летоисчисление отличалось от нашего календаря. Возможно, оно длилось от полнолуния до полнолуния. Но я думаю, что это вряд ли, и длительность жизни тогда действительно в десять раз превышала современную. Почему? Да просто жили в другом ритме. Подчеркну, что с такой продолжительностью жизни, какая была двенадцать тысяч лет назад, ни о каком ритме, близком к нам, не может быть и речи.

Да что допотопное время! Уже в начале девяностых годов прошлого столетия ощущалось физически, как мощно ускорился ритм. Я даже помню, как старшее поколение не успевало воспринимать суть новостных программ, настолько в них быстро мелькали кадры.

А в начале двухтысячных годов, когда на дорогах начали появляться первые камеры видеонаблюдения, они не успевали фиксировать автомобили на больших скоростях. Стоило разогнаться до 130 км и силуэт на фото с видеокамеры получался размазанным. Как видим, даже техника не успевала за ускорившимся ритмом человека.

Чего уж говорить о разнице ритмов между поколениями. Сегодняшняя молодежь не воспринимает ни фильмов, ни книг, ни стихов своих родителей. Они им кажутся занудными, затянутыми, бессодержательными. А мамы с папами ругают детей за то, что те не читают классику. Родителям невдомек, что раздумчивый неторопливый ритм, которым написано большинство классических произведений, просто не воспринимается мозгом подростка. Новое поколение глухо к печатным изданиям, в которых предложения перегружены сложносочиненными и деепричастными оборотами и имеют длину в половину книжной страницы. Посмотрите, как сейчас общаются в интернете —

короткими телеграфными фразами, в которых только суть и никакой стилистической шелухи. Это не деградация, как считают отставшие от жизни консерваторы, это новый ритм жизни.

Словом, именно потому, что родители остались в своем времени, не приняв нового ритма жизни, они не воспринимают ни фильмов, ни клипов, ни песен, ни приколов своих детей. А детей напротив — никоим образом не задевают сокровенные чувства родителей и все то, чем они жили. Все это родительское «ценное» сегодняшним детям кажется отсталым, старомодным, «зашкварным».

Прежде чем придти к пониманию, что людьми, поколениями и даже целыми цивилизациями управляют ритмы, я прошел долгий путь. Сегодня мне совершенно ясно, что именно изменение ритмов закрыло от нас тонкие миры и погрузило в плотную материю, благодаря которому наша память не помнит глубокого прошлого. Но до нас дошли кое-какие отголоски в виде мифов и сказок.

Когда-то боги обитали не так далеко от человека, как сейчас. Они запросто являлись к людям, и людей это и не удивляло. С нашими предками соседствовало много различных существ, наделенных волшебными способностями, — фавны, нимфы, кентавры, сирены, и прочие. В домах обитали лары, в лесах — эльфы и феи, с которыми можно было общаться на одном языке. А где-то за морями жили гигантские циклопы, драконы, медузы-горгоны и прочие страшилища. И опять-таки людей это не удивляло и не пугало? С некоторыми существами они даже мирно сожительствовали и мило общались по соседству.

— Но почему людей это не удивляло и не пугало? — спросите вы.

Да потому что тогда это было такой же обыденной реальностью, как сегодня чудеса технического прогресса. Если кто-нибудь хотя бы поверхностно интересовался теософией, то не может не знать, что человеческих рас на земле было четыре. А мы — пятая.

Первые четыре расы людей, хотя и жили на земле, но не были окружены такой плотной материей, как сейчас. Да и выглядели люди, если посмотреть

на них из нашего времени, полупрозрачными. Иначе говоря, они жили в четырехмерном измерении, а не в трехмерном, как сейчас. Четырехмерный мир гораздо объемнее по пространству и значительно разнообразнее по фауне. То есть, все эти сущности, описанные в древнегреческих мифах, преданиях и сказках разных народов существовали в реальности, и существуют сейчас, но уже в параллельных мирах.

Потом, по мнению Даниила Андреева, люди стали смеяться над своими соседями, особенно над гномами и феями, не говоря уж фавнах и кентаврах, и они сокрылись от человеческих глаз, уйдя в другое измерение.

Мне кажется, что это не так. В иное, более плотное измерение, ушел сам человек. Не добровольно, нет. И не потому, что его наказали боги за снобизм и гордыню. Его уход в более плотные слои материи напрямую связан с изменением ритма жизни, или говоря, по-научному, с изменением частоты вибрации.

4

На этом моменте я должен отклониться от первоначальной линии и более развернуто рассказать о ритмах. Частота вибрации — это самый важный компонент в понимании нашей темы, поскольку именно вибрирующие волны и открывают зрительные картины поэтического мира. Однако будем последовательны!

В начале нулевых, будучи журналистом, мне довелось встретиться с одним человеком, представившимся учеником легендарного советского физика Николая Минаева, который когда-то работал в центре имени Курчатова.

Позвонивший в редакцию мужчина назначил мне встречу в Измайловском парке и пообещал раскрыть такие тайны, которые сразу станут мировой сенсацией. Он явился на встречу с Кабалистикой под мышкой и сразу принялся восторженно повествовать о своем учителе. По его словам, в советские времена Минаев подпольно читал свои странные лекции, в которых было вплетено все — наука, религия, история и много чего еще. Почему подпольно?

Потому что его лекции официально запрещались властями. Поэтому свои встречи с учениками физик маскировал под дни рождения.

К этому времени я уже был хорошо подкован в области оккультных наук, поэтому удивить меня чем-то невероятным было непросто. Больше всего я опасался, что мой собеседник откроет Кабалистику и начнет «ошеломлять» тайнами священных текстов, которые я знал и без него. Но ученик Минаева открыл книгу только один раз, чтобы показать иллюстрацию всемирного потопа. Удивлять же меня он начал с первых слов нестандартным мировоззрением своего учителя.

Физик считал (причем не в теории, а исходя из каких-то своих научных расчетов), что наш трехмерный электромагнитный мир в материи не самый плотный. По мнению ученого, эфирный мир более материален, чем наш. Наш мир по сравнению с ним решетот. Материя параллельного мира настолько плотная, что не пропускает даже нейтрино. Такая плотность достигнута за счет иного ритма вибрации.

По теории Минаева, солнце также имеет электромагнитную основу. На солнце нет никакой ядерной реакции, как считает современная наука. Это пульсирующий шар.

А теперь по поводу «электромагнитности» мира я приведу несколько строк из «Избранных писем махатм 1880-1885 гг». «Земля — это наэлектризованный проводник, потенциал которого постоянно меняется из-за ее вращения и годового орбитального движения... На самом деле то, что вы зовете Солнцем, есть просто отражение огромной «кладовой» нашей Системы, в которой порождаются и сохраняются все ее силы и энергии... Солнце не представляет собой ни твердое, ни жидкое тело, ни даже газообразное свечение, но это гигантский шар электромагнитных сил, кладовая мировой жизни и движения, которые пульсируют...»

Как видим, один к одному по Минаеву!

Продолжая рассказывать о советском физике, мой собеседник открывал тайну за тайной: оказывается, ученый сконструировал электромагнитный генератор, способный изменять частоту вибраций нашего плотного мира. В ре-

зультате человек третьего измерения мог на какое-то время воочию увидеть реалии тонкого мира.

Я знал, что на изменение ритма вибраций материи воздействуют заклинания, поэтому маги при помощи них могут контактировать с тонкими мирами. Но чтобы на подобное была способна электромагнитная конструкция, об этом я слышал впервые. Хотя в ту минуту мне вспомнился Геродот. В своих сочинениях историк упоминал, что в Египетских храмах находятся зеркала, отражающие не самого человека, а его двойника из загробного мира, по современному — из астрального. Если человек чем-то болен, больное место в отражении давало затемнение. Если он вор, то его руки в зеркале отражались черным.

— Так вот, — продолжал мужчина, — Николай Викторович рассчитал в своих формулах, что если воздействовать в правильном направлении и в подходящем месте лучами генератора, то в нашем электромагнитном мире в радиусе пяти метров могут частично реализоваться обитатели тонких миров. Самым идеальным местом для испытания технической новинки оказался атомный реактор в Серпухове. В эксперименте участвовали четыре физика, которые перед тем, как запустить генератор, окурили помещение благовониями. — На этом моменте мой собеседник перешел на интеллигентный смех. — Как потом с юмором рассказывал сам Николай Викторович, — продолжал мужчина, — врубив конструкцию, все четверо начали требовать, чтобы к ним немедленно явилась Блаватская. И вдруг из бетонной стены выплыл бесформенный силуэт мертвеца. Двое физиков тут же бросились наутек, а Минаев с коллегой вступили с ним в разговор, типа: ты, собственно, кто такой, и где Елена Петровна? Не открывая глаз, призрак прошамкал, что Блаватская высоко, а он был поблизости, поэтому и откликнулся. Затем рассказал, что сто лет назад убил своих детей и жену, а затем порешил и себя. Поэтому его не берут ни в какие миры, ни в ближние, ни в дальние. С тех пор он вынужден болтаться между ними. Убийца попросил Минаева помолиться за него и поставить в церкви свечку, после чего, влетел в ту же бетонную стену и исчез.

Когда потом я пересказывал свое интервью коллегам, все, как один, крутили у виска пальцем и уверяли, что мужик сбежал из «Кашенки». Однако их скепсис я не разделял, поскольку в истории было много случаев по изменению частоты вибрации материи. Самый известный произошел на Багамских островах в конце 15 века, когда каравеллы Колумба подплывали к одному из островов Карибского моря. Но в ту минуту ни один индеец не увидел появившиеся на горизонте корабли. По мере их приближения шаман начал замечать рябь на поверхности океана. Он смотрел вдаль, видел пустой горизонт и недоумевал, что же могло вызвать такую реакцию воды? Только после того как испанцы подплыли к острову на лодках, вынырнув словно из воздуха, индейцы увидели стоящие на рейде каравеллы.

Этот случай наука объясняет так — мозг индейцев не смог с первого раза воспринять корабль, поскольку образа европейского корабля еще не было в голове у туземца. Но мне думается по-другому — индейцы жили в другом ритме, чем европейцы, возможно с частотой вибраций более близкой к тонкому миру. Ведь сгинул же куда-то золотой город Эльдорадо, который являлся центром перуанских жрецов. Уж кто-кто, а жрецы владели набором древних заклинаний, который им оставили в наследство атланты. Возможно, город перешел в другое измерение, поэтому его по сей день не может никто обнаружить. Аналогичная история произошла с градом Китежем на Руси, который бесследно сгинул при нашествии кочевников. Китеж также являлся центром славянских волхвов. Однако, продолжим.

После публикации моей статьи о Николае Минаеве в газете «Московские ведомости», к вдове физика нагрянули товарищи в штатском с подозрительно военной выправкой и изъяли генератор. Так рассказал мне информатор, поддерживающий дружбу с вдовой. Оказывается, изобретение физика все это время пылилось у него дома, и я до сих пор корю себя за то, что не добрал информации как журналист. А ведь мог поинтересоваться, где находится изобретение? Я мог даже увидеть аппарат, запустить, или на худой конец сфотографировать.

Читатель вправе спросить меня, к чему я все это клоню, и какое отношение изобретение Минаева и невидимые корабли Колумба имеют к поэзии? Отвечаю: самое что ни на есть прямое! Повторюсь, что поэзией так же, как и нашей жизнью, управляют ритмы. Именно они позволяют увидеть миры за гранью трех измерений, тогда как в прозе картинка ровно такая, какая описана словами, то есть плоская. В стихах образы более объемные, сравнимые с 3D изображением.

Ритмы управляют не только стихами, но и течением жизни, а также судьбами людей. И вот здесь важный момент. Изменение ритмов в поколениях необходима. В этом случае человечество движется. Причем не обязательно вперед. Главное, что пребывает в движении. Так что если дети не слушаются родителей, морщатся от их наставлений, упрямятся, капризничают, а по достижению подросткового возраста начинают пренебрегать их авторитетом, это означает, что они куда-то движутся в своем собственном ритме. Народы, чьи дети беспрекословно подчиняются предкам, соглашаясь с ними во всем, или (говоря иначе) их ритмы слились с родительскими, представляют собой сегодня жалкое зрелище. Достаточно посмотреть на аборигенов Австралии, на забытые племена Африки, на затерянные племена в джунглях Южной Америки. Их ритмы едва бьются, как изношенные сердца.

5

Итак, ритмы жизни это нечто подвижное и без конца меняющееся, словно человеческая печень, которая, как известно, обновляется постоянно. К такому выводу можно придти, если взглянуть на проблему детей и родителей. Но если мы посмотрим на человеческую эволюцию сверху, то придем к ровно противоположному мнению — ритмы это что-то устойчивое, консервативное, не меняющееся целыми тысячелетиями. Но одна бесспорно. Каждая приходящая на землю раса развивается в своем новом ритме. А можно сказать по-другому — каждая новая раса, воплощаясь на земле, приносит с собой свой собственный ритм.

Попробуем поразмыслить, в каком ритме развивались первые расы, спустившиеся на землю. Предполагается, что разумная жизнь на Земле создавалась целенаправленно и в строгой последовательности. Жизнь людей первой расы протекала без особых волнений, тревог и событий. Это были аморфные, бесполое и бессознательные существа, которые выглядели (если взглянуть на них взглядом современного человека) как светящиеся бесплотные формы лунного света в виде теней. Они могли жить в любых условиях и при любой температуре, потому что жили не совсем в материальном мире, а немного над ним. Они ощущали себя будто во сне, не знали страстей, не различали добра и зла. Поэтому особых событий в их жизни не происходило, а тем более ударных. Ведь ритм, как известно, предполагает чередование ударных и безударных событий. Поэтому, ударными событиями этих существ, можно считать рождение, и может быть почкование — отделение от родительского тела аналогичного существа. Если провести аналогию с поэтической метрикой, то ритм жизни первых человеческих существ на земле можно сравнить с дактилем, где за первым ударным слогом следуют два безударных слога. Или даже может быть — с гипердактилем, где за ударным событием следуют три безударных. Словом, жизнь первых людей не радовала ни особыми событиями, ни тем более великими потрясениями. Даже земные мировые потопа и извержения вулканов не волновали человекообразных существ, поскольку никоим образом не касались их — люди в прямом смысле летали в облаках.

Последующие воплощения принесли на землю другие ритмы, потому что каждая последующая раса материально уплотнялась и с каждым разом вживалась в земную жизнь все глубже и реальнее.

На сегодняшний день человечество имеет пять поэтических ритмов — ровно столько, сколько было на земле рас. На первый взгляд эти ритмы были всегда и не менялись веками. Перечислим их — ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль. Если кто-то считает, что это исключительное изобретение греков — сильно ошибается. Достаточно проанализировать поэтические

творения древних цивилизаций, существовавших до греков, и мы увидим те же пять ритмов.

Совершенно ясно, что греки всего лишь донесли до человечества стихотворную метрику, а пришла она к ним, как можно предположить, откуда-то свыше.

Познакомимся с поэтическими размерами поближе. Вот пример четырехстопного хорея.

Буря мглою небо кроет
Вихри снежные крутя

В этом двусишии женская клаузула (или, проще говоря, окончание) чередуется с мужской. Поясняю, что женское окончание в стихе (или совсем по-русски «женская рифма») — это когда ударение падает на безударный слог. Мужское окончание — когда ударение падает на ударный.

Привожу пример четырехстопного ямба, где женская рифма, чередуется с мужской:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог

А вот пример четырехстопного анапеста с женскими и мужскими окончаниями:

Прогудел теплоход у причала прощально,
Моросит и простудой разит от песка

Цитирую пример четырехстопного амфибрахия также с женскими и мужскими рифмами:

Однажды, в студеную зимнюю пору,

Я из лесу вышел; был сильный мороз

И наконец метрика знаменитого дактиля, так любимого древними греками с дактилическими окончаниями.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурное, цепью жемчужную

И на этом все. Больше никакого ритмов в поэзии не существует, кроме этих пяти и производных от них, которые разнообразят окончания. Конечно, кто-то вспомнит про обожаемый греками гекзаметр, которым Гомер сочинил свои эпопеи Илиада и Одиссея. Их по-невежеству называют поэмами. Но гекзаметр — это тот же шестистопный дактиль:

Гнев, Богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал

Есть еще производные ритмы от классических. К примеру, ритмы с гипердактилическими окончаниям, где за ударным слогом следуют аж целых три безударных. Получается стопа из четырех слогов. Русский язык может позволить себе такую роскошь. Вспомним Брюсова:

Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает

Словом, как я уже говорил, больше никаких ритмов в мировой поэзии не существует. Только эти пять. А сколько ритмов в ходе человеческой жизни?

— Неимоверное количество! — воскликнет умник, как всегда не подумав.

Но давайте проанализируем (хотя бы в виде бреда) в каком ритме происходила Отечественная война? Похоже на сумасшествие? Ничего! Взглянем на ход Великой Отечественной войны с точки зрения ударных и безударных

событий. Под событиями я подразумеваю не только конкретные победы и поражения советских и немецких войск — а исторические события вообще, которые стратегически повлияли на ход войны, или могли повлиять.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз — это, безусловно, ударное событие. А окружение и отступление наших войск — безударное, поскольку это логически вытекло из внезапного удара немцев. Контрнаступление наших войск под Москвой также ударное событие, хотя оно и продолжалось недолго, и наши войска вскоре были вынуждены перейти к обороне. Однако благодаря этому немцы уже не могли так стремительно наступать. Вот почему это событие ударное. Временное наступление немцев — событие, конечно же, безударное. Оно уже не могло переломить ситуации, сложившейся в пользу Советского Союза. Разгром немецкой группировки под Сталинградом — событие ударное. В этом нет никакого сомнения! Наступление немцев на Северо-кавказском направлении событие безударное, поскольку оно, вскоре (хоть и с большими потерями) было остановлено советскими войсками. Курская битва — событие ударное, а танковая победа немцев за поселок Коломак (Харьковская область) — безударное, потому что оно уже не могло изменить не только исход войны, но и ход истории. Если продолжить таким же образом по событиям, то с удивлением открываешь, что Великая Отечественная война проходила в чисто хорейном ритме, в котором ударный слог чередуется с безударным.

А если таким же образом проанализировать Троянскую войну, то заметим, что она проходила в ритме классического анапеста. Судите сами: перед ударным событием, когда ахейцы напали на Трои, произошло два безударных: пастух Парис по просьбе Богинь выявил самую красивую из них, и он же по наущению Афродиты выкрал жену спартанского царя Менелая.

После высадки греков у стен Трои произошло два безударных события, помешавшие нападшим сходу овладеть Троей: лучший воин Ахилл, обидевшись на Агамемнона, отказался участвовать в битве. В поединок Менелая с Парисом, неожиданно вмешалась Афродита, и таким образом стало понятно, что Боги на стороне троянцев.

Далее снова ударное событие, троянцы практически разгромили греков, ворвавшись в их стан и спалив несколько кораблей. От полного разгрома их спасло только то, что Ахилл помирился с Агамемноном и начал сражаться на стороне собратьев. Затем идут два безударных события: Ахилл убивает Гектора в поединке и вскоре после этого погибает сам от стрелы в пятку. Кажется, у греков с гибелью Ахиллеса не осталось никаких шансов овладеть Троей. Но тут снова ударное событие: греки проникают в Трою в брюхе деревянного коня, придуманном Одиссеем, и не оставляет от города камня на камне.

На этом не заканчивается. Менелай, хоть и возвращает себе Елену, но буря на обратном пути разбрасывает его корабли, и они с супругой вынуждены скитаться по чужбинам более семи лет, прежде чем вернулись в Спарту. А Агамемнона по возвращении ждала смерть от руки неверной жены Клитемнестры.

Как видим, вся события Троянской войны вошли всего в один стих в ритме четырехстопного анапеста с дактилическим окончанием. И чего так Гомер размахнулся с объемом, особенно утомив списком кораблей?

Если мы таким же образом начнем анализировать другие мировые события, или даже исторические пути целых народов и цивилизаций, то заметим, что их циклы проходят в тех же пяти стихотворных размерах, о которых мы знаем от древних греков.

Так связаны ли поэтические ритмы с ритмами мировых событий, а также с ритмами жизни? Вопрос не простой. Но следуй за моей мыслью, читатель!

6

Сразу оговорюсь, что излагаемые мной соображения ни в коем случае нельзя воспринимать как безоговорочное утверждение, а тем более, как новое учение. Я ничего не навязываю, а только приглашаю к размышлению. Принимать, или не принимать аксиому об аналогии жизненных ритмов с поэтическими — это твой личный выбор, читатель! А пока идем дальше.

Вернемся к первоначальному вопросу, в чем смысл поэзии, и есть ли в ней вообще какой-нибудь смысл? Не буду перечислять всю ахинею, которую мне пришлось услышать в качестве ответа на этот вопрос. Такие ответы, что стихи пишутся ради славы, или ради денег, или ради просвещения человечества я даже не рассматриваю. Стихи — это настолько серьезно, что земная слава одного конкретно взятого сочинителя — меньше чем пылинка. Мнение, что за счет стихотворных ритмов человеку открывается более объемное видение и автор в стихах может полнее донести свои чувства, эмоции и интонацию, пожалуй, ближе к истине, поскольку стихи действительно наделены такими свойствами. И не только стихи. За счет изменения ритма человек может увидеть и потусторонние миры. Только с чего мы взяли, что стихи служат исключительно для самовыражения? «Поэзия — вся! — езда в незнаемое», — обронил Маяковский в «разговоре с фининспектором о поэзии». И это определение должно нас насторожить, поскольку в нем угадывается стремление к познанию иных реалий. Однако самое точное определение смысла поэзии дал древнеримский поэт Квинт Гораций в своем послании к Мельпомене:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся...

Да-да, тот самый «Памятник» Пушкина, который мы знаем еще со школы и считаем оригинальным стихотворением Александра Сергеевича. Но увы, солнце русской поэзии почти в деталях слизало его у Горация, и из скромности даже не упомянуло источник. Но Бог с ней, со скромностью! Беда не в том, что солнце списало его у римского собрата, а в том, что исказило смысл произведения, ради которого оно и было написано.

Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья избежит.

Так написал Пушкин, совершенно не вдумавшись в то, что он выдал в порыве поэтической горячки. Впрочем, он выдал это с подачи Ломоносова и Державина, которые также не вчитались, в то, что хотел выразить Гораций. Ломоносов ключевой смысл стихотворения великого римлянина перевел следующим образом:

Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.

Слово «великий» в русском языке имеет двойное значение. Это определение можно применить как к бессмертной славе человека, так и к его не тощему объему тела. Разумеется, Ломоносов ни в коем случае не имел в виду размер собственного тела, большая часть которого, благодаря его поэтическому дару, останется, якобы, после смерти. «Я буду возрастать повсюду славой», — уточняет он в следующей строке. Однако если вдуматься глубже, речь идет всего лишь о земной славе, а значит бессмертие, на которое намекает Ломоносов, не может быть вечной. Долгой — да, но вечной — никогда, потому что и земная слава с годами угасает.

О земной славе пишет и Державин, практически повторив смысл «Памятника» Ломоносова.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая...

Пушкин так же, как и его предшественники, не вчитавшись в Горация, задается целью уточнить, какая же именно часть (по Ломоносову «великая», а по Державину «большая») убежит от тлена, то есть — обретет бессмертие. И вот он уже лепит со всем своим поэтическим напором, что прах переживет и тленья избежит душа в заветной лире.

Но давайте задумаемся в то, что с точки зрения Пушкина останется от поэта в вечности? Оказывается, ничего личного — только частички души, которые он растворил в стихах. А сама душа, выходит, обретет небытие? Получается, что лира долговечнее человеческой души, но опять-таки она не может быть бессмертной, поскольку и стихи (пусть и с тысячелетней жизнью) рано или поздно забудутся.

Но разве земную славу или долгую жизнь своих произведений имел в виду Гораций в своем стихотворении? Прочтем оригинальный подстрочник:

Нет, не весь я умру — лучшая часть меня
избежит похорон.

Как видим, о лире, в которой остается душа, не сказано ни слова. Лира у Горация — не запечатанная капсула бессмертия, и она ни в коем случае не долговечнее человеческого «я», или, говоря по-русски, души. Лира у Горация — подсобный инструмент для совершенствования души, или, как он выразился, «улучшения». Лира нужна исключительно для того, чтобы «лучшая часть меня (моего «я», или души) избежала похорон» (то есть, обрела бессмертие).

Чтобы понять, что древние греки называли лучшей частью человеческого «я», которая не подлежит тлению, нужно немножко пояснить о мировоззрении греков.

— Стоп! — встрепетается умник. — Причем здесь мировоззрение греков, когда Гораций был римлянином?

Похвальная бдительность! Но терпение, мой интеллектуальный друг!

Кумиром Горация был греческий поэт Алкей, который преимущественно писал ямбами. Именно ямбический ритм, в котором безударный слог чередуется с ударным, считался Алкеем (а вслед за ним и Горацием) наиболее приемлемым для «езды в неизвестное». Пушкин также отмечал большую расторопность ямба в поэзии. Подозреваю, что ямб был последним пятым поэтическим ритмом, который пришел на землю вместе с пятой расой. Воз-

можно, об этом Алкею поведал Пифагор, которому прославленный поэт завещал все свое состояние. Кто такой Пифагор, объяснять не надо. Сегодня он известен исключительно, как автор геометрической теоремы, устанавливающей соотношение между сторонами прямоугольного треугольника. Но при своей жизни в Греции он был знаменит совсем другим. Пифагор славился, как человек, помнящий миры, в которых пребывал до рождения. По приданию, эту память ему оставили в качестве награды за его предыдущую праведную жизнь.

Именно от последователей Пифагора до нас дошли знания об устройстве вселенной. От учеников пифагорейской школы мы знаем, что в центре вселенной пылает огромный костер, в который, словно мотыльки на свет, устремляются души умерших людей. Не спешите смеяться над невежеством последователей Пифагора, исходя из нашего нынешнего видения вселенной. Сегодня нам известно, что вселенная состоит из звезд, планет, комет, астероидов и океана космической пыли. Также в космосе довольно много черных и белых дыр, всякого мусора и много чего еще, что носится в безвоздушном пространстве со свистом и огненными хвостами, пугая по ночам астрономов. Однако ничего громадного в центре вселенной не пылает, иначе ученые бы увидели в свои навороченные телескопы. Но вспомним древних бриттов, которые считали, что вся вселенная пылает в огне, но его мы не видим, потому что на небо накинуто худая рогожа. И свет от огня, который проникает через дыры рогожи, и есть то самое, что люди называют звездами.

Сегодня даже ребенок подивиться невежеству бриттов — ну какая рогожа, какой пылающий огонь? Конечно, у древних бриттов не было телескопов, но не совсем же они были слепы, чтобы не видеть, что свет от звезд не везде одинаков и ночной светящийся свод движется вокруг земли. Выходит, по ночам кто-то движет рогожу? Но почему в таком случае проникающий сквозь дыры свет не меняет своих цветовых оттенков? Или пылающий костер движется вместе с рогожей вокруг нашей планеты? Такое невозможно в принципе! Земля — не центр вселенной, а всего лишь далекая окраина.

Давайте попробуем эту дырявую рогожу, накинутую на небесную сферу нашей планеты, представить как метафору. Даже не как метафору, а область иного видения. Ведь вспомните, что во сне, где наше «я» обитает в других измерениях, мы видим все по-другому. Вроде нам снится собственная квартира, и мы точно знаем, что это она, однако все в ней не так, и мебель стоит по-другому, и потолки выше, и окна в другой стороне, и свет от торшера почему-то не включается.

Как после этого не вспомнить записки доктора Моуди, автора бестселлера «Жизнь после жизни». Именно в них со слов переживших клиническую смерть пациентов говорится, что они, оторвавшись от своих тел, сначала попадают в черный туннель, а потом в конце туннели видят свет. Свет в конце туннеля не похож на солнечный — он более яркий, более объемный и более манящий. Ему невозможно сопротивляться. Душа летит к нему на огромной скорости и при этом ощущает радостный восторг. Этот свет, по словам очевидцев, не виден с Земли, если смотреть в ночное небо обычными глазами. И он не похож на земной. Не виден, кстати, с Земли и черный туннель. Так может быть этот всеобъемлющий свет и есть тот самый пифагорейский огонь, горящий в центре вселенной?

Не исключено, что пифагорейцы и древние бритты говорили об устройстве мира, который виден духовным зрением, или, как уточняют экстрасенсы, — третьим глазам. Между видением мира нашими земными глазами и третьим глазам существует отличие и довольно существенное. Демокрит считал, что наше земное зрение только искажает настоящую картину мироздания, и философ выколол себя глаза, чтобы они не мешали созерцанию истинной картины мира.

А Тютчев считал, что солнце закрывает подлинную картину неба, ослепляя ее своим желтым светом. Оказывается и от света можно ослепнуть!

Что любопытно, но и в наш научный век некоторые ученые утверждают, что с Земли видно совсем не то, что действительно обитает в космосе. Вспомним того же Николая Минаева, о котором я рассказывал. Он был твердо убежден, что современная наука еще не в силах зафиксировать частоту

пульсации солнца и звезд, поэтому мы видим не их истинный свет, а что-то иное. И звезды находятся на таком огромном расстоянии, что теоретически их свет до нас еще не дошел. Но скорость света в тонких мирах в тысячи раз превышает скорость света в зримом мире. Не будем углубляться в научные темы, тем более что с наукой у меня с детства не сложились отношения.

Однако не могу не вспомнить одного французского ученого, жившего в 19 веке, — некоего Гектора Дюрвеля. Он проводил опыты по отделению души от тела при помощи магнетирования (гипноза, надо полагать), и Дюрвель, кстати, первый человек, который взвесил душу после выхода ее на свободу, заставив участника эксперимента встать в астральном теле на весы. В данный момент нам важно уяснить, что все участники эксперимента, выходя из тела, видели окружающее совсем не так, как видят земные глаза.

В развитии мысли о лучшей части человеческого «я», добавлю, что душа вне тела, согласно исследованиям Дюрвеля, состоит как минимум еще из четырех субстанций. Когда человек умирает, его душу в мертвом теле несколько дней держит эфирное тело, которое формой напоминает человеческое. Когда через 4-5 дней оно распадается, то отпускает на свободу астральное тело, которое также имеет очертания физического тела. Именно на астральном теле находятся все наши чувственные ощущения. То есть, когда мы щипаем себя в чувствительные места, то боль ощущает астральное тело, связанное с физическим нервами. «Астральное тело, — цитирую дневник ученого, — живет вообще гораздо дольше, и долговременность его существования меняется, смотря по степени эволюции души. Оно живет не долго у людей, которые поборолли свои страсти, чтобы вести благородную и возвышенную жизнь. У людей же, которые всегда были рабами своих страстей, оно живет продолжительно. Но час смерти наступает и для него, как и для предыдущих. Освободившаяся душа удаляется в тело мысли, которое составляет последнее одеяние ее, чтобы проявиться в новом и значительно лучшем состоянии, чем предыдущая. Жизнь мысли, очень короткая и почти бессознательная у мало развитых людей с долгой астральной жизнью. И

длится наоборот очень долго у более развитых людей, астральная жизнь которых была короткая...»

Но и тело мысли, которое нынешние эзотерики называют ментальным телом, не вечно. И оно распадается со временем. И тогда окончательно отпускает душу на свободу. Душа, предоставленная сама себе, уже не имеет форму тела почившего хозяина, а имеет форму шара. И вот как раз она не сгорает в том самом пифагорейском огне, или вселенском огне древних бриттов, или в том всеобъемлющем свете, к которому через черный тоннель летят души пациентов доктора Моуди.

Вот этот шар, освободившийся от физического, эфирного, астрального и ментальных тел — и есть то самое бессмертное духовное «я». Оно-то, по мнению древних греков, и является «лучшей частью человека», или по Горацию «лучшая часть меня».

Но если человек никогда не жил духовной жизнью, то после смерти он погружается в полное небытие. Он даже в ментальном теле уже находится практически в бессознательном состоянии.

Так что самым ужасным у греков считалось попасть ни в тартар, ни в царство подземного страдальца, где всего лишь посредством огня очищают душу от остатков воспоминаний земной жизни, а растворится в небытии. То есть, самое страшное для человека — не страдания в геенне огненной, а безвозвратное исчезновение в пространстве.

К этому пониманию Гораций пришел не сразу. Бурная политическая жизнь Рима захватила и его. А Афинах, где он проходил обучение, Юнию Бруту удалось завербовать его в свою армию. После убийства Юлия Цезаря, Гораций воевал на стороне Брута, но после разгрома республиканцев в Македонии Марком Антонием и Гаем Октавианом, решил возвратиться в Рим и всерьез заняться поэзией.

Поэтический дар Горация оценил Меценат, однако не сразу представил его Августу, поскольку тот воевал на стороне заговорщиков. В дальнейшем Гораций понял, что все в жизни суета сует и нет ничего выше поэтического творчества, поскольку только оно способствует духовному развитию души.

А чем более развита духовность у человека, тем больше у него шансов на бессмертие.

Гораций адаптировал греческие ямбы Алкея под латинский язык, и ямбический ритм наложился на латиницу как родной. Тут нужно отметить, что наш герой с самого начала своего творчества взял за образец греческую классику, а не поэзию александрийцев, модную тогда в Риме, поскольку считал, что она ближе к божественной истине. Сегодня, исходя из философских трактатов поэта, можно понять, к чему стремилась душа Горация.

Итак, исходя из вышеизложенного, усвоим и повторим главное: чем больше развита «лучшая» часть человека (духовное «я», несгораемое в огне Пифагора), тем больше у него шансов обрести духовное бессмертие.

Но что развивает наше духовное «я»? Разумеется (простите за банальность) — творчество на духовном уровне, первое место в котором занимает поэзия.

В связи с чем, делаем первый вывод: поэзия это инструмент для развития духовного «я» человека. Чем более развит человек на духовном уровне, тем меньше он верит в одноразовую жизнь и в растворении в небытии после нее. Иначе говоря, человеческий дар к стихосложению — это пропуск в бессмертие. «Нет, не весь я умру — лучшая часть меня избежит похорон...» — сказал Гораций, и он точно знал, о чем говорил без какой-либо поэтической шелухи. Только поэзия, — считал он, — помогает сохранить человеку сознание в духовных сферах.

А вот что по этому поводу можно прочесть в индийских Ведах: «В человеке есть бессмертная часть; ее-то, о Агни, нужно согревать твоими лучами, воспламенять твоим огнем».

Что как не поэзия питает и воспаляет душу? Хотя не только, конечно, поэзия. Любое духовное творчество, которому способствует искусство.

Впрочем, эта истина была известна еще задолго до Горация — во времена ведических мистерий. Именно ведические поэты, жившие пять тысяч лет назад, знали о бессмертии души задолго до брахманизма и буддизма, знали до египтян и орфиков, а тем более — до Пифагора и Платона. Они первые и за-

дались вопросом о происхождении человеческой души. «Откуда рождается душа? Души приходят к нам, уходят, снова возвращаются и снова уходят».

Они же, ведические поэты, и дали основу учению о перевоплощении душ, которая впоследствии будет играть первостепенную роль в таких великих мировых религиях как брахманизм и буддизм.

7

Многих людей религиозного склада мои суждения возмутят. Разве только одаренным людям дается бессмертие? А что же остальные — черви?

Вопрос не настолько прост, чтобы ответить на него наскоком. А он очень важный. В молодости меня очень волновал именно этот вопрос: все ли планетные носители разума (или, говоря проще, люди) после смерти обретают бессмертие души, или они все растворяются в небытии. В одной теософской книге я прочел, что когда попадаешь в ад, это — не уход в небытие. Это означает, что за твою душу еще бьются, и она еще может обрести бессмертие.

Видит Бог, сколько я перелопатил литературы, прочел священных писаний, эзотерических книг, научно-популярной беллетристики и даже вступал в контакты с потусторонними силами. Как известно, разные религии по-разному трактуют посмертие. У Брахманов человеческая эволюция основана на череде рождений и смертей, что близко к мировоззрению древних греков. В результате долгого пути из многочисленных жизней и посмертных существований разумное существо (если оно действительно разумное) в конце концов может достичь прозрения и дойти до божественных высот. Для человека, которому дано творить в земной жизни, божественные врата уже открыты, а торговцу или воину приглашение в бессмертие еще нужно заслужить. Общественная атмосфера в Древней Греции была устроена так, что «человек торгующий» чувствовал свою неполноценность перед «человеком творящим» и даже при виде него испытывал почтительный трепет. Когда устраивались народные фестивали поэзии и драматургии, богатым людям было за честь оплачивать массовые мероприятия. Однако не всех обладателей толстых кошельков допускали к спонсированию богоугодных турниров

— только самых достойных. Тем самым, подразумевалось, что и спонсоры зрелищных мероприятий по искусству чуточку приближались к богам, поскольку художественное творчество — это высшее, на что способен человек. Ведь если сравнить искусство и религию, то оказывается, что к религии имеют допуск все, а к искусству — только избранные.

Только на каком этапе люди преобразовываются в богов? Брахманы считают, что человек сначала должен пройти все ступени человеческой эволюции. Буддисты считают, что это ни к чему. Нужно только достигнуть просветления, и душа перенесется в Нирвану, откуда уже больше никогда не будет рождаться. Тем самым прекратится бесконечная череда реинкарнаций. Но чтобы достигнуть Нирваны нужно отказаться от плотских наслаждений, от материальных благ, от родственных привязанностей, от страстей, от ненависти и (похоже) от любви. То есть, говоря словами Пушкина, довести себя до такого безразличия, когда добру и злу начнешь внимать равнодушно. По мне, так это учение для тех, кто не любит жить.

Современное христианство отрицает реинкарнацию. Оно считает, что человек живет только один раз и после смерти попадает либо в рай, либо в ад, причем — на вечные века.

Утверждение об одноразовой жизни человека в христианской истории было не всегда. Если говорить точно, то идею о множестве рождений в этой религии решили похоронить в 553 году. Именно тогда византийский император Юстиниан созвал Пятый Вселенский Собор, на котором придали анафеме одного из самых авторитетных христианских учителей Оригена Александрийского (185-254 гг), и его идею реинкарнации признали неправильной.

Чем так не нравилось восточно-римскому императору учение о перевоплощении душ, нам неизвестно. Наверное он хотел, чтобы люди к праведному поведению обратились в своем текущем существовании и не оставляли заботы по искуплению грехов на следующие жизни. Как бы там ни было, но один из самых крупных столпов христианства Ориген был твердо убежден, что душа человека регулярно перевоплощается в разные тела, в зависимости от характера прожитых жизни. Разумеется, он мог стать серьезным препят-

ствием на пути намерения Юстинина упразднить в христианстве перевоплощение душ. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что не только Ориген был убежденным сторонником этой теории. Также в реинкарнацию свято верили такие мощные христианские учителя, как Климент Александрийский, Юстиниан Мученик, святой Григорий Нисский, Арнобий Старший и многие другие. Но Оригена считали величайшим учителем церкви после святых апостолов. Святой Григорий даже называл его князем христианского учения 3 века. Без уничтожения Оригена новшество императора было обречено на провал.

Повод для очернения христианского мыслителя вскоре нашелся. В молодости Ориген самолично кастрировал себя, чтобы избежать соблазна плотских грехов. На Соборе его варварское членовредительство признали не богоугодным и придали беднягу анафеме.

Однако идея о переселении душ в христианской религии изжила себя не сразу. В то время имелось большое количество еще не запрещенных и не канувших в забвение богословских книг, включая Евангелия, которые сегодня называются апокрифами. Именно в них прямым текстом, без всякой туманной иносказательности, говорилось о реинкарнации, причем со слов самого Иисуса. Например, в откровении «Пистис София» (Вера-Мудрость) рассказывается о чаше забвения. После путешествия души по разным уровням загробного мира ее приводят к Деве Света, которая ее судит. После суда (цитирую) «появляется Ялухам, Приемщик Саваофа-Адамаса, который даёт душам чашу забвения, и он приносит чашу, наполненную водой забвения, даёт её душе, и она пьет её и забывает все местности и все места, в которые входила. И они бросают её в тело, которое проведёт своё время, постоянно тревожась в сердце своём».

То есть, как можно понять, отправляют на землю для нового рождения. Кстати, впервые о чаше забвения я узнал от Платона. С его слов, демон, стоящий при входе душ на землю, перед погружением в земную жизнь «напоет» душу забвением, чтобы она не помнила миров, в которых пребывала

до рождения, и только после этого душа входит в зачатый плод в чреве матери.

Но вернемся к «Пистис София». Мария Магдалина спрашивает у Иисуса, какая кара ждет после смерти неисправимого лгуна. Учитель отвечает, что в следующей жизни он получит такое тело, которое (цитирую) «проведёт своё время, будучи теснимо. Таков суд клеветника».

Вслед за Марией задает вопрос Петр: «Господь мой! Грабитель и вор, чей грех постоянно таков, когда он выходит из тела, что есть его кара?»

Иисус отвечает, что такую душу «бросают в хромоту, увечное и слепое тело. Такова кара грабителя... И воистину я говорю вам: она (Дева Света) не отпустит эту душу из её обменов тела до тех пор, пока она не отдаст свой последний круг в соответствии с теми, которых она достойна».

Из этого же писания со слов Иисуса можно узнать, что Иоанн Креститель раньше воплощался в теле Ильи Пророка. «Если хотите принять Иоанна Крестителя, — говорится в книге, — он есть Илия, о котором я сказал, что он придёт».

Кстати, не только в христианской теософии и неканонических евангелиях говорится о реинкарнациях. И в канонизированных писаниях проскальзывает информация о перевоплощениях. В Евангелии от Матвея можно прочесть слова Иисуса, что Илья Пророк и Иоанн Креститель — одно и то же лицо, точнее душа, воплощавшаяся в их телах:

«И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илиии надлежит прийти прежде? ¹¹ Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё; ¹² но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. ¹³ Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе».

А вот отрывок из Евангелия от Иоанна, наглядно иллюстрирующий, что реинкарнация во времена пребывания Иисуса Христа на земле не являлась бесовской ересью.

«Между фарисеями был некто, именем Никодим, [один] из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что

Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше...»

На первый взгляд, смысл этого текста весьма туманен. Но вспомним Египет, где, вероятно, и проходило обучение Сына Божьего. Там с древних времен считали, что люди хоть и рождаются на земле свыше, но пока не пройдут полный цикл рождений и смертей на земле, полноценно обитать в тонком мире не могут. Человеческие души слишком грубы. Черета реинкарнаций утончает души, адаптирует их для жизни в небесных сферах. Но все равно, чтобы поселиться в тонком мире, где можно по желанию жить вечно, следует, как минимум прожить на земле три тысячи лет. И то, за этот период проходишь только малый круг.

Знания древних египтян многие христиане признают варварской ересью. Верующие глубоко убеждены, что достаточно прожить одну единственную праведную жизнь в человеческом теле, и вечное райское блаженство тебе гарантирована. Но обратимся опять к «Пистис Софии».

Когда ученики Сына Божьего разобрались с грешниками, Иоанн поинтересовался у Иисуса, а что после смерти ожидает человека, который не делал ближним зла, а творил только благо, но «твоих тайн не нашел». То есть, говоря современным языком, не совершенствовался духовно, да и, судя по всему, не особенно к этому стремился.

Увы, никакая вечная жизнь в тонком мире ему также не приготовлена. Праведника ждет новое воплощение, отвечает Иоанну учитель. Оказывается, творить благо и не грешить для человеческой души мало. Нужно еще изба-

виться от дремучего невежества. И если ты не избавился от невежества, хотя и был на земле праведником, тебя ожидает новое рождение. «И бросают её (душу) в тело, которое не сможет спать и не сможет забыть из-за чаши трезвости, которая была дана ей, — говорит Иисус, — но она будет постоянно побуждать её сердце искать тайны света до тех пор, пока она не найдёт их... и наследует Свет вечный».

О как мне знакомо это состояние, когда не можешь спать от приходящих в голову строк, и среди ночи вскакиваешь, чтобы броситься к столу. Когда над душой висит глыба, словно у заигравшегося на улице школьника, у которого не сделаны уроки. Так и у меня вечное чувство, что еще не написал самого главного, а я трачу свое драгоценное время на преумножение денег, на развлечения, на веселые попойки и на всякую ерунду. И постоянно на сердце тревога, и постоянное неудовлетворение написанным, и постоянно всем недоволен, и всегда чего-то ищешь, ищешь, и никак не можешь найти...

Так вот, оказывается, почему у меня нет в душе покоя и что не дает мне нормально существовать и наслаждаться простыми радостями жизни. Чаша трезвости!

Подобное состояние знакомо любому творческому человеку, будь он поэт, живописец или композитор. Все они посредством своего творчества лихорадочно чего-то ищут. А чего? Сформулировать не могут. Оказывается — незримые тайны света...

Но к черту высокопарность! Подведем итог. За праведную жизнь не дается вечная жизнь в раю. За нее заслуживается только чаша трезвости — избавление от материальных иллюзий, позволяющее сердцу искать Свет вечный. Как все-таки прозорлив был Пушкин. Гений и злодейство — вещи действительно не совместимые, потому что человеческая гениальность — это следствие прошлых праведных жизней.

Так чем же одаренные люди отличаются от простых смертных? В первую очередь тем, что более трезво смотрят на мир. Их больше не влечет опьяне-

ние страстями и материальными благами, которые, по сути, являются пылью. Их взгляды устремлены в более высокие материи.

Это объясняет, почему Кант считал искусство выше религии. Потому что только оно утончает душу для адаптации к жизни в тонких мирах. Искусство подобно резцу токарного станка, который превращает грубую металлическую болванку в тонкое резное изделие. Николай Бердяев также считал творчество высшей формой духовного труда, которое Бог ждет от человека, подобно садовнику ждущего плодов от посаженных деревьев, а отнюдь (как можно понять) не молить.

В «Пистис София» Иисус призывает своих учеников: «...не переставайте искать днём и ночью и не успокаивайтесь, пока не найдете очистительных тайн, которые очистят вас и сделают вас чистым светом, так что взойдете горе и наследуете свет царства моего».

8

Даже в дикой молодости, будучи абсолютным атеистом, я никогда не применял выражение: «Живем только один раз». Мои друзья и знакомые полу-уголовного типа довольно часто восклицали эту фразу, как по поводу, так без повода, в основном в те минуты, когда нужно было раскошелиться для каких-нибудь пьянок или увеселительных мероприятий. Сегодня, вспоминая их, спившихся, опустившихся, потерявших человеческий облик, я понимаю, что подсознательно они знали, о чем говорили. Им действительно была уготована только одна жизнь.

Большинство людей, конечно, проходят путь долгих реинкарнаций, но есть и такие, которые больше никогда не рождаются. Что-то метафорическое и иносказательное на эту тему я встречал в какой-то теософской литературе, типа того, что это потомки Ханаана. Они приходят на землю единожды и непременно рабами, а потом исчезают на веки вечные. Рабами, разумеется, своей плоти, а не бесплатными работниками рабовладельцев. В этом отношении чеховское выражение по поводу выжимания из себя раба по капле я воспринимаю гораздо шире. Это больше относится ко всему литературному

творчеству, поскольку творить, значит подниматься над действительностью, прикладываться к чаше трезвости, освобождаться от опьянения материей, от иллюзий плотской жизни, нащупывать тайны света.

Слышал я и от моего учителя Эдуарда Балашова, что люди, которые что-то значат во вселенной, имеют вселенские имена. (Здесь, на земле, имена у нас временные). Однако не все носители разума представляют собой чистейший венец мироздания. Те, которые не имеют особой ценности для вселенной, обозначены только цифрами. Им даже не дается имен. Их можно сравнить с временными файлами компьютерной программы. Они делают свою задачу, а потом их удаляют.

Из апокрифа «Вопросы Иоанна на тайной трапезе царя небесного» можно понять, что не всех людей создал Бог. Какую-то часть с согласия Господа создал Сатанаил. Цитирую слова Иисуса из этого священного текста: «Потому и послал Меня Отец Мой в этот мир, ко всем двенадцати коленам Израиля, живущим во Зле, чтобы Я объяснил людям, и поняли бы они злую природу Сатанаила и его жажду крови. И могли отличать людей, созданных невидимым Отцом, от людей созданных Сатанаилом. Ибо людям, созданным Небесным Отцом, присущ Дух Божий, а люди, которых создал Сатанаил, не имеют Духа Божия и вкушают они тайно кровь человеческую, думая, что через кровь, Дух Божий обретают».

Как можно понять, именно эти люди, не имеющего Духа Божия, тайно вкушающие кровь человеческую, имеют одноразовую жизнь, как временные компьютерные файлы.

Как бы там ни было, но из всего собранного в моем сознании укоренилось одно, что здесь, на Земле, к воплощению каждого человека нужно подходить индивидуально. Закон смертей и рождений, также не для всех, хотя большая часть человечества следует путем переселения душ. Но есть и такие, которые воплощаются единожды. Это не обязательно жаждущие крови изуверы. И это не обязательно, что воплощенные на Земле единожды после жизни уйдут в небытие. Просто они продолжают свою эволюцию в других мирах, восходящего, или нисходящего ряда.

Не все, кто жили и живут сейчас в нашем мире, пришли из одного места. Некоторые явились сюда с других планет, где жизнь сильно отличается от земной. Основные круги эволюции они проходят в своих мирах, а на Земле воплощаются с какой-нибудь миссией, а может быть с целью познания инопланетного опыта. Моцарт, говорят, спустился на Землю из ангельских миров, а Лермонтов пришел к нам из мира Титанов, которые когда-то тоже обитали на Земле. В человеческом теле рождались и боги, посредством непорочного зачатия, а также — зачатия классического. Это не важно, каким образом их зачинали. Главное, что в тонком теле среди земной материи находиться невозможно. Это все равно, что спуститься на дно океана без скафандра. Таким скафандром на Земле служит физическое тело из плоти и крови.

Смысл появления богов в человеческих телах на Земле более чем очевиден — просветительский. Именно боги в начале появления новых рас задавали направление дальнейшего движения человечества.

Но думающий читатель вправе задать вопрос: если в человеческой эволюции все так разумно, почему же вселенский разум допускает рождение таких изуверов как Калигула, Нейрон, Гитлер, которые пытаются повернуть эволюцию вспять и возродить в человеке первобытные инстинкты?

Ответ очень простой — кому-то нужно испытывать продукцию Вселенной. С этой целью, должно быть, Господь и позволил Сатанаилу создать определенную часть людей, жаждущих крови и разрушений. Проведу аналогию.

В молодости я работал на электронном заводе по сборке калькуляторов. Калькулятор собирался из микросхем, дисплеев, драйверов и прочей требухи. Все эти детали сначала изобретались, затем рассчитывались, затем изготавливались. Словом, до того, как они попадали в пластиковые внутренности калькулятора, на их разработку потратили много лет сотни очень умных и образованных людей.

На нашем заводе после того, как калькулятор собирался и настраивался по осциллографу (я как раз работал настройщиком), его включали и ставили на

испытательный стенд с вибрирующими полками. Не все калькуляторы проходили испытания. Те, которые не выдерживали испытания, возвращали на доработку. Калькуляторы, которые не могли доработать после испытания, — кидали под пресс.

Представим, что земля испытательный стенд для душ, которые создавались и выращивались не один миллиард лет. Для того, чтобы выявить, чего стоит каждая отдельно взятая душа, ее спускают на землю в человеческом теле, и внедряют вышеперечисленных изуверов, которых люди совершенно точно называют нелюдьми. Испытание происходит как для людей, так и для нелюдей. Главная задача этого процесса выявить, сохранит ли венец мироздания свою человечность в нечеловеческих условиях. Первые, в результате своих поступков, могут потерять индивидуальную человеческую сущность, вторые — наоборот приобрести. И те и другие после смерти рискуют, по примеру не прошедших испытания калькуляторов, попасть под пресс — то есть, раствориться в небытии. Люди — за то, что лучшая часть их, не проявила человечности во время жестокой земной жизни, нелюди — за то, что добросовестно выполнили наложенную на них задачу.

Моя жажда в познании этой истины была удовлетворена в тридцатилетнем возрасте. Все-таки верно сказано в Евангелии: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». По себе могу сказать, что на тот момент я немного насытился. Я получил ответ на свой вопрос именно в том виде, в котором хотел получить, — в прямом, без всякого иносказания. В письмах махатм Гималайского братства я нашел строки, в которых черным по белому говорилось, что не все души после жизни остаются бессмертными — часть из них уходит в небытие и больше никогда не проявляется. И не только души нелюдей, которые сотворил Сатанаил, но и души высокодуховных людей.

К примеру, Лермонтов, который не имел привязанностей к низменным земным страстям и чья вера в высшие миры (в которых он наполовину жил) не вызывала вопросов, и тот сомневался в своей бессмертии. Хотя именно талант стихотворца и есть, как уже упоминалось, билет в бессмертие. «Бо-

юсь не смерти я. О, нет! Боюсь исчезнуть совершенно», — писал он. Поэт, как никто другой, знал, что земная жизнь подобна карабканью по скале, с которой можно сорваться в пропасть в любой минуту, несмотря на божественный дар. Одно неверное движение — и ты в небытии. Кто лазил по скалам, тот знает, что спускаться гораздо труднее, и при спуске больше шансов сорваться в пропасть.

Но как отличить людей с перспективой на бессмертие от существ в человеческом теле, приходящих на землю единожды и непременно рабами?

Поясню, что рабы собственной плоти — это те самые, которые служат маммоне. Что такое маммона, никто точного определения не дал. Думаю, это от латинского мамы — груди. Символизирует материю. Служить маммоне — это раболепствовать перед всем материальным. Человек подсознательно знает, что материя — это иллюзия, поэтому проявление человечности ставит выше расчета. У нелюдей наблюдается патологическая страсть к «захапыванию» всего, что липнет к рукам, поскольку кроме, как за материю, им зацепиться не за что — ведь живут они один раз. Материальные вещи для них — нечто вроде божества, потому что жизни вне материи для них нет. Ради благ цивилизации они предадут все: любовь, веру, доброту, друзей, близких, родных. Их жестокосердие не дает проявиться человеческим чувствам. Они презирают и люто ненавидят любое проявление духовности, потому что подсознательно знают, что вечность им не дана. Подсознательная злоба и зависть к людям с бессмертными душами проявляется в нескончаемых войнах бездарностей с талантами.

Служение Богу, которому по словам Иисуса, нельзя служить, если служишь маммоне, — эта метафора. Человек первым делом служит своей бессмертной душе. Ведь монада, на которую нанизаны все человеческие оболочки, частичка Бога. Такие люди ставят человеческие отношения выше материальных.

Но в тех же письмах махатм сказано, что уходят в небытие довольно мало людских сущностей. Большая часть человечества — все-таки бессмертна, и

за грехи, которые сделали люди (если они не чудовищно бесчеловечные) да-
ется шанс искупления в последующих жизнях.

«К чести человечества, — цитирую гималайского учителя, — я должен
сказать, что такое полное стирание существования со скрижалей Мирового
Бытия случается не так часто, чтобы составить большой процент. В действи-
тельности же, как и часто упоминающийся «прирожденный идиот», подоб-
ное событие есть *lusus naturae* — исключение из правил».

Но вернемся к вопросу о смысле поэзии. Мы уже прояснили, что стихи —
это инструмент для окультуривания (или обрабатывания) души. Культура в
переводе с греческого так и означает — обработка. Обработанная душа в
процессе духовного творчества становится более утонченной. Утонченность
необходима для осознания своего духовного «я». Если душа ничем не пита-
ется, она утяжеляется материей подобно корпусу океанского корабля, кото-
рый во время плавания обрастает ракушками. Чтобы душа человека не рас-
творилась в материи, она должна постоянно трудиться.

Делаем второй вывод. Стихи нужны только тому, кто их пишет. И больше
никому. Они нужны для духовного развития индивидуума, который их со-
чиняют. Конечно, чужие стихи могут заинтересовать и других людей, про-
будить в них высокие порывы, подвигнуть на творчество. Но это будет по-
бочным смыслом стихотворного искусства.

Философ Владимир Соловьев утверждал, что творчество одно из трех
форм духовного развития человека. И действительно, человек написавший
стихотворение, уже не тот, которым был до его сотворения, — так же как
спортсмен, сделавший комплекс упражнений с гирей, физически стал другим
— он нарастил мышцы. Поэт, создавший поэтическое произведение тоже
нарастил мышцы, но духовные. Он сделал свою «лучшую часть себя» менее
сгораемой в пифагорейском огне.

Соловьев также уверял, что кроме творчества, люди совершенствуются от
знаний и от хода самой жизни. Думаю, он не совсем прав. Человек проходит
длительную эволюцию, в которое включается все три этапа совершенствована-
ния, но в разные периоды жизни, а чаще в разных жизнях. От физической

стороны жизни и грубой работы человек наверное совершенствуется. Но за этим следует тяга к знаниям. Он проходит и эту стадию. После этого просыпается желание творить. Иными словами, у людей желание творить просыпается только после того, как он пройдет два предыдущих этапа.

Так что к творчеству придут все, даже те, которые активно презирают людей искусства. Придут ни в этой, так в следующей жизни. Это путь эволюции. Не зря же Иисус сказал, что человек пройдет то же, что и он. Это не означает, что каждого прибьют к кресту. Это означает, что путь от животного к Богу — одинаков для всех, и даже для богов. Это универсальный закон эволюции.

9

Но возможно про богов я хватил. Возможно, боги в своем развитии не проходят стадию животного периода. Что там, в горних мирах? Мы не знаем. Мы не знаем даже смысла своей личной жизни — у нас только догадки. Так уж устроено, что путь человеческого развития мы проходим вслепую и на ощупь. У меня даже одна из книг стихов так и называется: «Блужданье впотьмах». Она о жизни, которая нас бросает туда-сюда, а с какой целью — одному Богу известно.

Но что нам доподлинно известно, то это о пяти стихотворных ритмах. Вернемся к ним! Теперь, когда мы знаем, что поэтический дар — это приглашение в бессмертие, самое время поговорить о том, что является стихами, а что подделкой.

Все наверняка слышали такое популярное в наше время слово, как «графоман», которое в переводе с греческого означает «человек пишущий». Некоторые уверены, что греки называли так всех пишущих людей, у которых был дар к сочинительству. Сегодня графоманами называют всех, кого ни попадя, особенно тех, кто пишут много и длинно. Даже Лев Толстой угодил в графоманы за свои сочинения далеко не тощого формата.

Только греки в этом слове подразумевали не столько болезненную тягу людей в сочинительству, сколько сущую бессмыслицу, которая выходит из-

под пера «человека пишущего». Общеизвестно, что практически все графоманы имеют стойкое убеждение, что написанные ими стихотворные опусы имеют высокий божественный смысл, поскольку текст диктовали им свыше, а они только записали. Логика здесь простая: если им что-то нашептывают с божественных небес, значит они избранные. А если люди не понимают смысла написанного «избранными», то это проблема их бестолковых умов. При этом графомана нисколько не смущает, что и сам он не понимает того, что выдал в порыве «священного безумия». Так называют графоманы процесс написания стихов.

Практически все далекие от творчества люди убеждены, что стихи только так и пишутся — они навеваются поэту сверху во время приступов сумасшествия, которые происходят с ним периодически. Ведь те, кто пишут стихи, по общенародному мнению, квалифицированы как ненормальные, а то и вовсе являются больными. В народе широко распространено мнение, что поэтам в сочинении стихов способствуют наркотики и алкоголь. Хлопнул одаренный человек стакан водки — и рифмы легкие навстречу побежали. Причем, сами, без всякого умственного напряжения и порыва души!

Подобное я слышал много, особенно от людей из рабочей среды. Именно рабочие в курилках, или за бутылочкой мне пытались доказать, что Есенин писал свои стихи исключительно в пьяном угаре, а Маяковский вдобавок еще и кололся.

— Если бы я каждый день потреблял, как Есенин, или тоннами курил дурь, как Маяковский, я бы такое написал, — закатывал глаза мой бригадир на электронном заводе под одобрительные смешки наладчиков, — меня бы в школе сейчас изучали, и я бы не сидел здесь с вами... идиотами...

С народным мнением трудно поспорить. Поэт для большинства населения планеты — отклонение от нормы, а гениальность вообще — разновидность шизофрении. Это уже мнение не малообразованного пролетария, а выводы психиатров. Для подавляющего большинства современников Сократа, мыслитель был типичным придурком, бездельником и шарлатаном, который вместо того, чтобы заботиться о погрязшей в нищете семье, праздно шатался

по базару и доставал всех своими бестолковыми вопросами. Для многих и Эйнштейн был придурком, если фотографировался с высунутым языком. Ну разве нормальный человек солидного возраста будет высовывать язык перед фотографом?

Однако вернемся к нашей теме и попробуем разобраться, чем поэт отличается от графомана? Заглянем в толковый словарь. Как известно, их множество, но все они толкуют поэтически одаренных людей одинаково — «поэт это тот, кто поэтически воспринимает действительность и поэтически относится к окружающему».

— А что же графоман? — встрепетнется читатель. — Он не воспринимает действительность поэтически?

Совершенно верно. Он не воспринимает действительность не поэтически, ни вообще никак! Он воспринимает только слова, которые случайно рифмуются, да строки, которые так же случайно укладываются в стихотворные размеры. Графоман убежден, что все навеянное ему свыше в минуту «священного безумия» имеет какой-то потаенный смысл, который нужно расшифровывать.

Чтобы понять, что навеивается графоману свыше, закройте глаза и представьте Вселенную, которая существует в вечности. «Да, вечность — это очень долго», — первое, что приходит на ум».

Но даже слово «долго» имеет конечность, а вечность — нет. И как это практически — без конца и начала? Даже не пытайтесь вообразить! Наш человеческий ум не в состоянии этого понять, потому что и он в конце концов конечен. Вечность — это навсегда. И не просто навсегда, а на веки вечные...

Не буду тратить время на подбор слов, чтоб описать, что такое вечность. Таких слов в человеческом языке нет, да и быть не может, поскольку понятие вечности в нашем конечном человеческом разуме весьма размытое. Однако, пораскинув мозгами, мы можем сообразить, что если вселенная вечная, значит все, что происходит в ней сейчас, уже происходило раньше и невероятное количество раз. Мы думаем, что наша жизнь уникальная и не имеет

аналогов, и человеческая история на Земле не повторялась ни в каких уголках вселенной.

Откуда такая уверенность? Почему не повторялась, когда восхождение всего живого (от бактерий до человека) происходит по одним и тем же законам эволюции? По одной и той же схеме, по одному и тому же лекалу! А что же тогда по вашему дежавю, при котором (цитирую энциклопедию) «человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем».

Если вселенная вечная, то в ней повторялось все — лепились из пыли планеты, зарождались бактерии, растения, животный мир, человечество. История человечества повторялась с теми же страстями и войнами, также создавался мир, также писались стихи. А потом все разрушалось, превращалось в обломки и в хаос, в том числе и мысли, формировавшие стихотворные строки. А ведь мы знаем из законов физики, что во Вселенной ничего не исчезает, а только видоизменяется. Поэтому разрушенные стихотворные строки из прошлых жизней по сей день витают во вселенной. Я даже по этому поводу написал в молодости стихотворение:

Частицы сквозь приборы
проходят, как сквозь сито.
А может, это мысли
давнишние и чьи-то?
Давно уж их владельцы
погребены во чванстве,
а мысли все блуждают
в блуждающем пространстве.

Так вот что приходит в голову графоманам — невнятные обломки разрушенных стихов из далекого прошлого, которые они принимают за божественное озарение. Но иногда у графомана действительно получается что-то

внятное. Никакого чуда! Язык сам по себе мудр, поэтому определенный набор рифм стихийно может привести к какой-нибудь мысли — не очень глубокой. Подобную случайность нельзя считать поэтическим творчеством. Ведь графоманы сами признаются, что только записывают слова, которые внезапно приходят в голову.

Только напрасно они думают, что мысли приходят только к ним и что они избранные. Мысли, словно назойливые мошки, осаждают всех, даже опустившихся бродяг, которые нет-нет, да начинают философствовать, сидя на помойке с протянутой рукой. Большинство людей этим роям мыслей, бомбардирующих нас ежесекундно, не придают никакого значения. И только для графомана это является божественным откровением, которое они стремятся немедленно запечатлеть на бумаге.

В целом же просветленные люди называют этот нескончаемый поток космической мошкары вирусом. Попробуйте отключить свой мозг так, чтобы в него в течении минуты не проникло ни единой мысли. И у вас не получится. Это самая трудная медитация у йогов — полностью отключиться от мыслей на короткое время.

Но вернемся к графоманам. Если они только записывают за божественным шепотом свыше, где же их индивидуальная заслуга? Велика ли заслуга писаря, которому писатель надиктовывает свои мысли. Писарь только и умеет, что правильно выводить буквы? Можно ли за это умение назвать его соавтором писателя? И если вы разумный человек, то конечно же скажите: «С какой стати?» Где гесиодовы труды и дни, где высокие порывы, терзания, страдания, сомнения, муки? Где, в конце концов, индивидуальная духовная и мыслительная работа?

Истинный поэт, глядящий на окружающий мир поэтически, относится к тому, что навевается ему в сознание в рифмованном виде, не более, как к сырью, а не как к законченному произведению. В отличие от графомана, он понимает, что из этих поэтических обломков, осаждающих его разум, может получиться что-то стоящее только в одном случае — если хорошо потрудиться. Этот процесс похож на сотворение мира из хаоса. Поэт, как и Бог,

тоже творит свой мир, но пока стихами, а в перспективе будет создавать планеты и населять их разумными существами. Свой будущий мир в космосе он уже начинает творить на земле, правда, пока еще в мыслях.

А теперь представим, что было бы с мирозданием, если бы Бог был графоманом. Просыпается он после очередной космической ночи, где во вселенной все существует в виде хаоса, поскольку она сжималась и деформировалась во время его сна, превращая звезды в пыль, а планеты в обломки. Конечно, Бог мог величественно окинуть все взглядом, топнуть ногой и важно воскликнуть: «И сказал я, что это хорошо!» Ведь он все-таки Бог. Ему позволено все.

Однако нет! Он отделяет твердь от воды, огонь скатывает в светила, из вихрей формирует энергию, а из камней — планеты. Для него хаос — это сырье для творения.

Так и поэт творит свои прекрасные произведения из хаоса слов, которые нас осаждают. Графоман своим «творчеством», которое ограничено лишь презренным записыванием бессвязных слов, только преумножает хаос.

— Но чем же, все-таки, конкретно истинные стихи отличаются от графоманских? — вправе спросить читатель.

Все просто: при чтении стихов возникают конкретные образы и их можно пересказать своими словами. Графоманство не перескажешь никак, и образов при случайном наборе слов не возникает никаких. В качестве примера привожу следующий текст:

«Почему-то только в Грузии я понял, и то, забравшись на высокую гору, у подножия которой протекала река Арагва, что мое сердце любит потому, что не может не любить. Все это мне навеяла ночь, а также светлая грусть. И эта грусть — воспоминание о ней, не буду уточнять о ком, поскольку она — замужняя женщина».

Приблизительно так можно пересказать стихотворение Пушкина: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» Но пересказывать в прозе этот великий шедевр мировой поэзии — все равно, что нюхать фиалку через противогаз. Тут дело даже не в смысле. Тут кроме светлой грусти, окутывающей чи-

тателя, видишь образы — звездную ночь, человека стоящего на холме с тростью и задумчиво глядящего вниз. И не только видишь, но и слышишь звуки и даже чувствуешь ночные запахи. И у этого человека, стоящего на холме с тростью, хочется искать того самого «приюта света и покоя», который вечно ищешь «у великих душ». Так говорил поэт Валентин Сидоров. Но главное, сквозь эти восемь строк видишь всю вселенную, и не просто видишь, а понимаешь его вселенский смысл. А смысл очень простой и понятный — человеческое сердце не может не любить, и забери у нас любовь и сама жизнь нам будет не нужна.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Красиво, емко, содержательно и понятно о чем речь. Восхищаешься великим поэтическим миром этого кудрявого человека, глядящего на эту далеко не поэтическую жизнь так поэтически.

А кто рискнет увидеть что-то поэтическое или хотя бы внятно пересказать своими словами вот эти строки:

Чуши не пороть.
Пораскованней.
— Дорогой Господь!
Дай такого мне.
Чтобы был свиреп,
Был как небоскреб,

Чтобы в горле рэп,
А во взгляде стёб.

Это строки нового чуда «современной поэзии» Веры Полосковой. Графоманство самое что ни на есть махровое. К тому же бьет по мозгам какая-то подростковая безграмотность. «Чтобы был свиреп, Был как небоскреб...» Это к кому призывы: к Богу, или к себе?

Хотя история знает и более мастеровитых графоманов, которые выдавали свою неспособность выразиться в поэтической ритмике ясно и чисто за нечто иносказательное и глубоко метафоричное. Опустим знаменитого графомана Пушкинской эпохи графа Дмитрия Хвостова, который, по современным меркам писал очень даже не плохо и, на мой взгляд, он не был графоманом, а был поэтом любителем, которому не хватало школы. Возьмем современных графоманов, которые под свои рифмованные сочинения придумали целые поэтические направления. Одно из них — мета-метафоризм. Самым ярким представителем так называемой «новой поэзии» является Алексей Парщиков. Вчитаемся в строки его наиболее популярного произведения — поэмы «Нефть»:

Ты ли выманил девушку-нефть из склепа
в сады Гесперид белым наливом?
Провод ли высоковольтный в купальню упал, и оцепенело кино?
Оседают труба заводская в чехле под направленным взрывом.
Нефть идёт своим ходом глухим, вслед за третьим, которого не дано.

Как человек, который работал в нефтеразведке, могу уверить, что оседающие под землю трубы во время бурения не находятся в чехлах и под землю они уходят отнюдь не под направленным взрывом, а посредством бурения, то есть — вкручивания их в землю. И высоковольтных проводов я на буровых никогда не наблюдал, и кино во время бурения не видел, да и запиывается вышка отнюдь не высоковольтным напряжением с линии, а собст-

венным генератором. Как бывший верховой, стоявший на вершине вышки, могу сказать, что нефть во время бурения не идет своим глухим ходом, если даже до нее добурились, — она бьет фонтаном. В этом случае бурение останавливается. Хождение нефти «вслед за третьим, которого не дано» — это хоть режь меня — не понимаю. За водкой в ближайшую деревню мы бегали часто, но исключительно по порывам души, а отнюдь «не вслед за третьим, которого не дано». Кроме того, считаю противоестественно сравнивать нефть с девушкой, которую выманили из склепа в сады Гесперид. Получается, что девушке в склепе было находиться приятнее, чем в саду, поэтому ее нужно было выманивать.

А теперь представим, что на эти строки обратят внимания потомки через пару тысяч лет. К этому времени русского языка уже существовать не будет, как не существует сейчас латинского языка, с которого переводили Катулла. Но его перевод был возможен только потому, что он писал ясно, без всякой витиеватой иносказательности, и было понятно, о чем идет речь. Вот, к примеру, его строки:

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно.
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

Мудро, доходчиво и до сегодняшнего дня актуально. А что поймут потомки из Парщикова, когда русский язык уже исчезнет, и переводить будут исключительно по значениям слов. А потом в том, что перевели, попробуют уловить смысл. Представляю, вытянутые лица будущих переводчиков.

— Это как же они в конце двадцатого века добывали нефть, — почешет затылок один, — выманивали ее из скважин при помощи девушек что ли, или при помощи яблок сорта белого налива из садов Гесперид? Вот дикари!

— Да нет же! Это метафора! — догадается второй. — Там что-то взрывали направленным взрывом! Видимо речь идет о добычи сланцевой нефти. Вот

только непонятно насчет высоковольтных проводов в купальнях. Может купальни с высоковольтными проводами использовались для культовых заклинаний? Чтобы задобрить силы земли?

— Точно! А девушек приносили в жертву! Говорю же, дикари...

Однако история знает и более живучих графоманов, интерес к которым не только не тает, а наоборот — возрастает с каждым годом. Их стихи широко цитируют и толкуют, довольно горячо, видя в них глубокий смысл.

Близок Пророк, и чума у коров,
Кто Небу не верит — не будет здоров,
Доктор был послан, чтоб сделать начало,
Приманка, ловушка, и Весть зазвучала.

Это ученическое едва слепленной четверостишие, состоящее из набора штампов, примеряется чуть ли не к каждому грядущему году на астрологических сайтах. И действительно, данные строки настолько универсальны своей невнятностью, что к какому году их не примерь — обязательно попадешь в точку. Это стихи Мишеля Нострадамуса, которого большинство людей планеты считают великим предсказателем. Но люди образованные прекрасно знают цену его скромному дарованию — он просто графоман. Истинные стихи не трактуются ни двояко, ни трояко — они, напомним из толкового словаря Ожегова, «поэтически отражают действительность». А где действительность здесь? Набор слов, в которых нет жизни, и за которыми ничего не стоит. А где нет жизни, там и нет действительности, ни поэтической, ни какой либо иной. И кто мне скажет, что в приведенных строках Нострадамуса есть хоть какая-нибудь маломальская поэтическая жизнь, пусть первый бросит в меня камень.

10

Кажется, мы разобрались, что такое графоманство. Слова ради слов. Занятие бесполезное и бессмысленное. Ведь при написании графоманских вир-

шей не происходит никакого движения души, хотя именно ради движения души и существует поэзия. «Поэзия — вся! — езда в неизвестное», — говорил Маяковский. А я бы уточнил: «В неизвестное своей души». Складывание слов без движения души похоже на складывание кубиков в детских садах. Возможно, для детей это полезно. Развивает моторику. Но складывающий кубики взрослый человек вызывает недоумение. К тому же, из хаоса слов графоман творит такой же хаос только с рифмами на конце. Все-таки нужно помнить римлян: *De nihilo nihil* (Из ничего ничего получится). Чтобы что-то получилось, необходимо чтобы предмет твоего создания был наделен частичками твоей души, которые ты оторвал от себя.

Чем больше оторвешь от себя, тем более духовным получится стихотворение. Хотя стихи на бытовые, а не на заоблачные темы, нельзя назвать бездуховными. Бездуховных стихов вообще не бывает, будь то про собаку с верным нравом, будь то про Царя Небесного. Бывают только разные темы: возвышенные и менее возвышенные, и даже совсем приземленные. Все стихи духовные, потому что их создание происходит на духовном уровне.

Впрочем, не все стихи можно назвать однородными, хотя они и создавались благодаря духовной работе, и строки выписывались по одним и тем же канонам.

Создателей стихов я бы разделил на две категории: на поэтов и стихотворцев. Поэты — это те, которые пытаются выжить из себя как можно больше индивидуальной искренности и заключить ее в стихотворную метрику. То есть, вживить в поэтические строки как можно больше себя. Самый типичный пример — Сергей Есенин. Он поэт до самых позвонков, или, как говорят кэспэшники, до самых фибр души. Стихотворцы — это те, которые создают свои рифмованные миры и личная искренность в стихах им не важна. Им главное создать фрагмент своего поэтического мира, а жизнь собственной сущности у них воспринимается как материал для стихов. Это про стихотворцев сказано Сашей Черным: «Рифму, рифму! Иссякаю — к рифме тему сам найду». Типичный пример стихотворца — Виктор Соснора. На Руси таких называли сочинителями. В большинстве случаев именно стихо-

творцы являются мастерами в этом виде искусства. Поэтам же стать мастерами часто мешает выражение собственной сущности, которую он считает наиглавнейшей в написании стихов. Поэты редко прибегают к фантазиям и почти никогда не пишут о том, чего не происходило и что не было ими пережито. В отличие от них стихотворцы не ограничиваются только своей реальностью. Они с головой ныряют в омут воображения, и воображаемое описывают с такой достоверностью, что близкие диву даются. К примеру, Анна Ахматова в тот же год, как вышла замуж за Николая Гумилева, разродилась такими строчками:

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем...

Стихотворение явилось следствием романа поэтессы с французским художником Модильяни. Самое удивительное, что Гумилева не столько потрясла измена жены во время их медового месяца, сколько публичное обвинение в рукоприкладстве. Получалось, что он садист и деспот. Известный поэт не только никогда не трогал жену пальцем, но даже в мыслях об этом не помышлял.

— Что же ты ославила меня на весь Петербург? — бурно возмущался он.
— Со мной уже знакомые перестали здороваться...

И как только Николай Степанович повелся на это? Ведь сам же поэт, и прекрасно знал, как шалит воображение во время творческого процесса. Но достоверность написанного обманула даже его.

Словом, не важно, на чем основаны стихи, на реальности, или на воображении. Главное, чтобы в них была жизнь. Ведь где жизнь, там и достоверность. А кому читатель отдаст предпочтение — поэту, или стихотворцу — не столь существенно. К поэзии относятся как творения поэтов, так и стихотворцев. Главное, чтобы стихи были написаны по всем поэтическим канонам.

Вот здесь многие могут возразить.

— Разве поэзия — не полет души? — задаст иронический вопрос умник.
— Полет души не нуждается ни в каких канонах!

Таких категорических утверждений я слышал много и продолжаю слышать до сих пор, причем, слово в слово. Практически все, кто высказался о поэзии, не нуждающейся в канонах, изрекали это в поучительной манере, будто открывали что-то бесконечно мудрое, новое, известное только ему одному. На самом деле, это бородастая банальщина, лишенная смысла. Потому что здравомыслящий человек знает, что созерцание высших миров дано только той категории людей, в которой брезжит свет. Сумасшедшим это не дано. Сумасшествие — это область темной стороны души, и оно следствие неустойчивой психики. А психика неустойчива у тех, у кого отсутствует культурная платформа. Однако в массах крепко закрепилось мнение, что стихи сочиняются исключительно в минуту помешательства. Вот ударила поэту в голову моча, схватил он ручку, записал на чем попало, — и шедевр готов. Так дано ему от рождения! Что тут поделаешь? Отморожен на оба полушария! А учиться поэзии совершенно излишне. На поэта не научишь.

И это правда! У кого нет поэтического дара, никакая учеба не сделает из него поэта. Но учиться необходимо тому, у кого есть божья искра. Впрочем, многие считают, что и это излишне. Если есть дар, то он за тебя напишет все без всякой учебы. Но так ли это?

Представьте, что вы заказали книжный шкаф. Размеры и форму шкафа вы обговорили заранее. И вот в назначенный день его привозят. Ваш заказ заносят в квартиру лица азиатской национальности, ставят на пол и с широчайшими улыбками требует расчета. Вы смотрите на шкаф и теряете дар речи. Он соструган из грубо обработанных досок, сбит здоровыми гвоздями, фасад и бока не ошкурены, не отполированы, не покрыты лаком.

— Это что? — спрашиваете вы, придя в себя.

Дотрагиваетесь до мебельной новинки и тут же всаживаете в палец занозу.

— А что вам не нравится, — удивляется мастер из кишлака. — Размеры шкафа соблюдены, форма тоже.

Вы пытаетесь объяснить, что доски шкафа должны быть как минимум обработаны, или, говоря по-гречески, окультурены. Заказчик нетерпеливо машет рукой и морщит лоб.

— Такие шкафы давно уже не в тренде, — отвечает он на ломанном русском языке. — Отстали вы здесь, в Москве, со своими отстойными стандартами. Вот в нашем кишлаке — передовые взгляды по поводу того, как должна выглядеть современная мебель. А изготавливаться она должна не по стандартам, а по вдохновению.

После этого по логике вещей вы должны взорваться:

— Да кто ты такой, чтобы рассуждать о вдохновении! Ты хотя бы учился на мебельщика?

Последнее вы восклицаете в ужасе, и к вам наконец приходит прозрение, что на мебельщика нужно учиться хоть бы немного, так же как на швею-мотористку, так же как на слесаря-сантехника, так же, как на пекаря, на лекаря, на токаря... А вдохновение — это уже после учебы, если оно появится. А если нет — оно не обязательно.

Что же получается, на специалиста ремесленной специальности учиться нужно обязательно, а на поэта, как считает большинство, ни к чему. Но почему? Поэзия — даже не ремесло. Это очень тонкий вид искусства, который, как никакой другой, нуждается в том, чтобы ему обучали.

Именно поэтому сегодня так много грубых необработанных текстов с занозами. И занозы хватаешь чуть ли не на каждой фонеме. Только занозы уже заносишь не в пальцы, а в душу.

11

Как и любое творение художника, стихи поэтов делятся на профессиональные и любительские. Преподаватели нашего Литературного института очень не любили относить к стихам термин «профессиональный». Все-таки, писание стихов — это не профессия, а состояние души, — аргументировали они.

Я с этим не согласен. Состояние души у поэта одинаковое от самого рождения до смерти. Он уже родился с таким состоянием души — видеть мир поэтически. Так что для стихотворного творчества изменять состояние души особой необходимости нет, как, впрочем, и настраивать себя на поэтический лад. Это касается не только поэтов, но и всех творческих людей. Чайковский говорил, что никогда не ждал вдохновения. Он просто садился за фортепьяно и начинал сочинять. Так и поэт может в любую минуту сесть за стол и написать «профессиональные» стихи на любую тему, даже на ту, которую ему закажут. Все-таки, термином «профессиональным» мы пользоваться будем. Знаю, многих царапнет утверждение, что поэт может писать на заданные темы, или иными словами по заказу. Это значит, что он продажный?

Такие утверждения я слышал неоднократно. Они типично дилетантские. Поэт такое существо, который воспламеняется от малейшей искры. Он как спичка, которая можно загореться, когда ее чиркнут о коробок. Но спичка также может вспыхнуть, если ее чиркнуть о подошву ботинка, о стекло, о стену, о бумагу. Глупо утверждать, что спичка продажная, если может воспламениться не только от спичечного коробка.

Так разберемся, чем профессиональные стихи отличаются от любительских? Оговорюсь сразу: люди высокодуховные и поэтически подкованные по одной строке могут отличить профессиональные стихи от любительских. Им нет необходимости поверять гармонию алгеброй. Свое восприятие к пониманию стихов они объясняют приблизительно одинаково. Это похоже на то, когда всматриваешься в бриллиант. Когда смотришь, то видишь глубину. Стразы на первый взгляд ничем не отличаются от обработанных алмазов. Но, всмотревшись внутрь, видишь в них пустоту. Так и стихи. Однако оставим метафору. Разберем стихи чисто по-бухгалтерски.

В первую очередь в профессиональных стихах должен быть четко выдержан размер. Любой необоснованный недостающий или лишний слог в стихотворной строке считается вопиющим проявлением непрофессионализма. Поэты золотого века уважали поэтическую школу и любое отклонение от стихотворной нормы считали таким же кощунством, как отклонение от

Божьих заповедей. Именно по этой причине Пушкин не осмелился свой знаменитый труд «Евгений Онегин» назвать романом в сонетах. Он назвал его романом в стихах, хотя роман в сонетах звучал бы более выигрышно.

Родоначальником жанра романа в стихах можно назвать шотландского поэта и романиста Вальтера Скота. Первый в мире роман в стихах «Мармион» был написан романистом в 1808 году. Пушкин со своим «Евгением Онегиным» мог войти в мировую литературу как основоположник жанра романа в сонетах, а не продолжателем шотландского поэта Вальтера Скота. Однако солнце русской поэзии назвало свое произведение гораздо скромнее. Почему?

Как мы знаем, все строфы Евгения Онегина выдержаны в жанре классического шекспировского сонета. Строфа имеет 14 строк, рифмовки тоже почти выдержаны классически. В четверостишиях в основном рифмуются первая строка с третьей, а вторая с четвертой, а в конце — две заключительные строки. Но Пушкин во втором четверостишии изменил порядок рифмовки английского сонета. Первую строку он рифмует со второй, а третью с четвертой. Только отнюдь не это небольшое расхождение с английской рифмовкой заставило Александра Сергеевича назвать свой «Евгений Онегин» романом. Классический сонет пишется в размере пяти-шестистопного ямба, а Пушкинский «Евгений Онегин» написан четырехстопным.

То есть, чтобы роман представлял собой созвездие классических сонетов, он должен быть написан в следующем размере:

Мой дядя самых, самых, самых честных правил,
Когда не в шутку, ох не в шутку занемог,
Он уважать, ох уважать себя заставил,
И лучше вы... и лучше выдумать не мог.

Если бы весь роман был написан подобной метрикой — у критиков не было бы не малейших претензий к Пушкину, что он назвал свое произведение романом в сонетах, несмотря на некондиционную рифмовку во вторых чет-

веростиших. Но Александр Сергеевич, вероятно, счел великой наглостью выдавать свой монументальный труд в размере четырехстопного ямба за роман в сонетах. Что-что, а неуважения к священным традициям стихосложения он проявить не мог.

Однако чем ближе к двадцатому веку, тем более ломаными становятся стихи. Вторая половина девятнадцатого века в России характерна вольнодумными мыслями и революционными порывами. В это время ломались не только многовековые устои жизни, но и сознание людей. Все, чем жили до этого, стало подвергаться сомнению, чего уж говорить об устоявшихся традициях стихосложения. Как ломался ритм патриархального уклада, так ломались и стихотворные размеры. Если уже к многовековому монархическому порядку народ потерял уважение, о каком уважении к классическому стихосложению могла идти речь? Поэтому к периоду Серебряного века каждый поэт в своих стихах измудрялся как мог и выдавал это за истину в последней инстанции.

12

Когда я прочел в дневнике Анны Ахматовой ее сожаление по поводу того, что поэзия не может быть как музыка, то выругался вслух! С чего это Анна Андреевна дает оценку всей мировой поэзии? Если ее стихи в большей части лишены музыкальности, то это не значит, что у других поэтов стихи нельзя сравнить с музыкой. Тем более за эталон поэтесса взяла стихи своего учителя по Царскосельскому лицейю Иннокентия Анненского, который не славился своей напевностью. Взяла бы Константина Бальмонта — может быть научилась поэтически расставлять слова в стихотворных строках и не проваливать слоги. Кстати, писатель Владимир Короленко, старший товарищ Ахматовой, ее сожалений по поводу «немузыкальности» поэзии не разделял. «Стих — это та же музыка, — считал он, — только соединенная со словом, и для него нужен тоже природный слух, чутье гармонии и ритма».

Вот что-что, а с ритмом у Анны Андреевны как-то с юности не задалось. Цитирую одно из ее стихотворений, вошедшее в золотой фонд российской словесности.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен гулко и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Такую откровенную любительщину действительно трудно сравнить с музыкой. Опустим размытую мысль этого восьмистишия, обратим внимания на внешнее построение стихотворения, помешавшего дотянуть его до профессионального уровня. Как видим первые две строки и седьмая написаны в размере трехстопного амфибрахия. Во всех остальных строках провалено по безударному слогу, отчего при чтении начинаешь спотыкаться уже на третьей строке. Повторю, что неоправданное нарушение ритма в стихах является признаком непрофессионализма. В данный момент никаких оправданий к проваливанию слогов в этом тексте нет. Попробуем произвести стихотворение без слоговых провалов. Слегка доработаем его.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И сто лет мы, как черви, лелеем
Еле слышимый шелест шагов.
Иглы сосен неистово колко
Устилают трухлявые пни...
Здесь лежала его треуголка

И растрепанный томик Парни.

Всего лишь наскоро довели восьмистишие до классического амфибрахия, и уже можно читать без раздражения, вызываемого пропущенными слогами.

Впрочем, подобными провалами, которые называются дольниками, грешила ни одна Ахматова. Многие поэты того времени, включая Сергея Есенина, не утруждали себя доводить стихи до безукоризненного состояния. Особенно слоговые пропуски сильно испортили прекрасную есенинскую поэму «Анна Снегина».

Сегодня дольник считается в поэзии неоспоримой нормой. Однако неумелое его использование принижает стихотворение до любительского уровня, особенно если провалы безударных слогов происходят в отдельно взятых строках. Если все строки стихотворения написано дольником — это другое дело. Мастерское использование провалов поэтической метрики задает другой ритм. Возьмем, к примеру, такую произвольную строку:

Я сегодня встану до рассвета

Звучит довольно музыкально, почти по-есенински, и на слух без слоговых провалов. Любой литературовед скажет, что ритм здесь смешанный — начинается анапестом, продолжается ямбом, а потом опять переходит на анапест. Но только поэт с музыкальным слухом может определить, что никаких здесь ямбов нет. Строка выдержана в чистом трехстопоном гиперанапесте, но с двумя пропущенными слогами. То есть — чистый дольник. Что бы строка зазвучала классически нужно двуслоговое слова «встану» с ударением на первый слог заменить на четырехслоговое с ударением на третий слог, к примеру — «окочурюсь». Получится классический трехстопный гиперанапест:

Я сегодня окочурюсь до рассвета

Но вернемся к первоначальному варианту. Переставим в нем слова, не меняя размера строки.

Я сегодня до рассвета встану

И вот уже перед последним словом само собой образовывается более ощутимая пауза, которую литературовед, не моргнув глазам, назовет цезурой. Хотя это не цезура, а вынужденная остановка перед провалом безударных слогов. Уберем еще один безударный слог перед этой паузой, и получаем совершенно другой ритм, менее напевный, но более интересный, который так и напрашивается на деление на две строки:

Я сегодня до зари
встану.

И продолжаем дальше в том же ритме:

По широкому пройду
полю.
Что-то с памятью моей
стало —
то, что было не со мной
помню.

Вот какой великолепный ритм получился в известном стихотворении Роберта Рождественского при мастерском использовании дольника. Причем, только специалист может определить, что двустрочие (чередование длинной и короткой строки) — на самом деле является одной строкой, но с провалом трех безударных слогов.

Ахматовские и есенинские дольники в большинстве случаев не обогащают стихов, а наоборот — принижают их качество, поскольку исходят от недос-

татка мастерства. Однако некоторые поэты, являясь большими мастерами, умышленно уродуют ритмы из желания быть ни на кого не похожими. Самым ярким представителем из них, пожалуй, можно назвать Андрея Вознесенского, который прекрасно знал, как нужно классически сколачивать стихи, но умышленно делал все наоборот.

В своих воспоминаниях он писал, что слава обыкновенного поэта его не устраивала. Когда он собрал свой первый поэтический сборник и показал его своему учителю Борису Пастернаку, тот его похвалил. И добавил, что многие из его стихов он поместил бы в свою книгу. Другой бы обрадовался, но молодого Вознесенского похвала мэтра ввела в чрезвычайное уныние. «Это что же, я такой как все?»

Уж кем-кем, а быть традиционным поэтом Андрея Андреевича никак не устраивало. Он хотел стать как минимум реформатором — задать новое направление в литературе. Либо быть в поэзии гением, либо никем!

По признанию Вознесенского он после этого два года не писал стихов, и планировал никогда больше с ними не связываться. Но потом он нашел свой собственный стиль. Так, во всяком случае, ему показалось. Стиль заключался в весьма привольном обхождении с поэтическими размерами. Причем, Вознесенский явно ломал их внешне там, где не доставало мысли, или поэтического образа. Вот одно из самых примечательных по мысли из его стихотворений.

Мы живем между звездами и пастухами
Под стеной телескопа, в лачуге, в саду.
Нам в стекло постучали:
«Погасите окно — нам не видно звезду».

Стихотворение начато напевным четырехстопным анапестом. Однако на третьей строке Вознесенский грубо ломает строку, укорачивая ее до прозаического обрубка. Совершенно ясно, для чего это было сделано. Стук в окно обрывает эту звездную вселенскую напевность — возвращает на землю,

пробуждает к далеко не поэтической действительности. Такую задачу, должно быть, ставил поэт, отказываясь от классической метрики. Но вот вопрос — действительно ли так грубы и бесцеремонны астрономы, пожелавшие увидеть звезду? Как-то не интеллигентно получается. Да и была ли необходимость прерывать эту напевность после двух эпических строк, настраивающих на философский лад. А между тем первые две строки предполагают последовательность со словосочетанием «Но однажды». Вот приблизительно как должна звучать строка исходя из логической последовательности стихотворения:

Но однажды в ночи к нам в окно постучали:
«Погасите окно — нам не видно звезду».

Как видим, продолжение амфибрахием не испортила стихотворения, а наоборот — убрала эту бросающуюся в глаза искусственность укороченной строки. Читаем стихотворение дальше:

Погасите окно, алых штор дешевизну,
Из двух разных светил выбирайте одно.
Чтоб в саду расцвели гефсиманские дикие вишни
Погасите окно.

В третьем стихе на три слога удлинена строка. И это удлинение не играет на развитие мысли. В удлинении вообще нет никакого смысла. Если насчет «гефсиманских» вишен еще можно поразмыслить, то определение «дикие» совершенно ни к чему. Оно лишнее, как по размеру строки, так и вызывает вопросы по логике. Ведь если вишни находятся в саду, то какие же они дикие? Но если в саду каким-то образом образовались поросли лесных вишен, они что же, цветут только при погашенном окне? По-моему, это типичное для Вознесенского ломка поэтического размера ради того, чтобы не усыпить

читателя монотонностью ритма. И здесь опять проступает искусственность. А поэзия чем естественнее, тем ценнее.

Что касается последней строки во втором четверостишии, состоящей из призыва: «Погасите окно», то как раз здесь укорачивание стиха оправдано. Обрубание строки усиливает смысл, и не создает иллюзии искусственности, которой сильно перегружена подавляющая часть стихов Вознесенского. К искусственности в поэзии мы еще вернемся.

А сейчас уясним главное, что четко выдерживать классический размер стиха — это основа профессионализма. На ломку строки нужно идти только в исключительных случаях.

Впрочем, если ломанными строками выдержано все стихотворение, это уже признак профессионализма. Вообще излом в строках так прочно вошел в нашу жизнь, что у многих требования к выдерживанию хрестоматийной метрики может вызвать возмущение. В наш век это нормально, поскольку все наша жизнь представляет собой сплошной излом.

В революционные годы глобального излома даже Блока — приверженца строгой классической школы — захватили ломанные ритмы, и ими он написал свою знаменитую поэму «Двенадцать». Именно после нее Александр Блок, отличавшийся великой скромностью, впервые назвал себя в дневнике гением, хотя в поэтическом жанре ломаных стихов он не открыл ничего нового. Просто по-другому поэму — в тот год великого перелома — написать было нельзя.

Сегодня ритмические провалы в поэзии широко вошли в нашу жизнь. Плохо это, или нормально? Давайте разберемся. Если вы возьмете классическое, выдержанное в каноническом ритме стихотворение и проведете кривую в виде волны вдоль ударных и безударных слогов — получится ровный и повторяющийся друг за другом изгиб. Если возьмете стихотворение с провальными слогами и проведете такую же кривую, то получите неровную волну, и где-то даже с углами, которая ритмически не повторяется. А теперь сравните ваш график с диаграммой вашего сердца. Ровная диаграмма без всяких скачков и провалов будет свидетельствовать о том, что у вас здоровое

сердце, а изломанная — скорее всего, вызовет у вас и вашего врача беспокойство, поскольку ломаность — признак нездоровья.

Но можно ли стихи с проваленными слогами назвать нездоровыми? Думаю, подобного вопроса еще никто не задавал. Нормальными назвать такие стихи, наверное, можно, хотя сердце с перебоями в ритме назвать нормальным нельзя. Что касается стихов, то здесь я за всех сказать не могу. Скажу за себя. Лично у меня такие стихи, в которых то и дело беспричинно сбивается ритм, как-то не очень гладко ложатся мне на сердце. Не спорю, может кому-то нравится спотыкаться время от времени, но мало кому известно, что это не очень благоприятно влияет на психику. Как уже доказано, только созерцание совершенной красоты благоприятно сказывается на психическом здоровье человека.

Но что такое красота вообще? Отбросим всякую иносказательность, типа «сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?». Взглянем на зрительную красоту, радующую глаз, графически, расчетливыми глазами бухгалтера.

Исследователи, поверявшие гармонию алгеброй, во мнение практически едины: красота в живописи — это овалы плавные изгибы, которые лучше всего иллюстрируют обнаженные крутобедрые и, разумеется, полногрудые женщины. Именно поэтому их так много в мировой живописи. Если ваша диаграмма сердце также представляет собой плавные и овалы изгибы, за вас можно только порадоваться. Вы здоровый человек с прекрасной нормальной психикой.

Но есть в современной живописи и другие женщины, выписанные острыми углами и ломанными линиями, как например у Пикассо. Такую живопись могут оценить искусствоведы, но вряд ли кто назовет картинных прелестниц Пикассо красивыми. А вот любопытно, самому художнику в реальности нравились такие натуры, которые он увековечил на полотнах? Ни в коем случае! Женщин, как мы знаем, у Пикассо было семь, и все они были красавицами. Но как беспощадно он изуродовал их на своих полотнах. Да если бы

только на полотнах! Живописец доводил их до депрессии, до психушки и даже до самоубийства.

Хочется задаться вопросом, все ли было в порядке с психикой этого человека, призванного нести разумное, доброе, вечное? Как тут не вспомнить поэта Павла Когана, у которого, видимо, тоже что-то гноилось внутри, поскольку он воспринимал красоту через изломанные углы. «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал», — признался он однажды. И любой психиатр на это скажет, что это признак ненормальной психики.

Развивая эту тему, я начертил несколько кривых на жизни известных людей, а также на моих знакомых, исходя из их ударных и безударных событий, побед, провалов.

И после этого с изумлением увидел, что чем ритмичней и плавней их линия жизни, тем более здоровая и уравновешенная у них психика. И болезни их обходят стороной, и живут они до глубокой старости, оставаясь в здравом уме и трезвом рассудке.

Но те, чья жизнь состоит из одних побед, как-то подозрительно быстро угасают и нисходят на нет — либо скоростажно отчаливают в лучший мир, либо доживают свою длинную бесцветную жизнь на больничных койках. Графически их жизни представляли в начале ломаные линии от бесконечных триумфов, а в конце чуть ли не сплошные прямые, поскольку довершали свой земной путь они без событий, волнений, счастливых всплесков и радостных дней.

А ведь принято считать, что благополучный человек — это тот, который все время идет на подъем, и удачи у него следуют одна за другой. Но оказывается для долгой и здоровой жизни нужно, чтобы ударные и безударные события так же плавно чередовались, как стихотворные строфы, или как диаграмма здорового сердца. Попробуйте прочесть стихотворение с одним ударными слогами — и сломаете язык. Так и сплошные ударные события ломают человеческие судьбы.

Ход жизни должен чередоваться равномерно. В ней должно быть место для накатов и откатов, как у волн, наплывающих на берег. Тогда спокойная, гармоничная и длинная жизнь вам обеспечена.

Что касается ломаных стихов, то, на мой взгляд, это скорее признак нездоровья.

13

Второе, что отличает профессиональные стихи от любительских, — четко выстроенная ритмическая напевность строки. Многие думает, что основой стихотворения является рифма. Это заблуждение. Без рифм стихи вполне могут существовать, без напевного ритма — никогда.

Очень важный аспект, отличающий истинную поэзию от подделки, заключается в том, в какой последовательности расставлены слова. Последовательность может быть разной. Не важно, что за чем следует существительное за глаголом, или вначале стоит определение, важно какую морфологическую музыку это несет, или (как говорят «чайники») благозвучие. Вот здесь уже на техническом мастерстве не вылезешь. Здесь требуется поэтическое чутье, которое нельзя поверить алгеброй, как при строении размера. Здесь уже либо у тебя это есть, либо нет.

Первейшим мастером благозвучия конечно же был Пушкин. Только вслушайтесь в фонетический напев вот этого стиха:

На холмах Грузии лежит ночная мгла.

Строка просто колдовская. Здесь не только благозвучная напевность — именно такое сочетание слов открывает картину волшебной панорамы, видимой с холма. Ощущается тепло южной ночи, видятся звезды, хотя о звездах в стихотворении не сказано ни слова. Но в том-то и свойство стихов — открывать невидимые картины, которые проступают сквозь строки. А что дает очарование этому стиху?

Попробуем посмотреть с бухгалтерской точки зрения. Конечно же — ударение всей строки на слове «Грузия» и то, что грузинские горы названы холмами. Холмы значительно смягчает фонетику и придает ей поэтичность. Ведь скажи, к примеру, «на горы Грузии легла ночная мгла» (в этом случае настоящее время необходимо менять на прошедшее) и очарования уже нет.

Но попробуем переставить слова и изменить ударение стиха.

Ночная мгла лежит на холмах Грузии.

Тоже звучит поэтично, но уже не видишь звезд и не ощущаешь тепла южной ночи. А ведь всего лишь словосочетание «холмы Грузии» перенесли в конец, и ударение строки перенеслось на слово «мгла». Впрочем, любой мастер вам скажет, что при таком сочетании слов очень трудно найти рифму с дактилическим окончанием, поэтому «холмы Грузии» лучше всего поместить в середину. Но дело не только в этом. Стих с таким словосочетанием наполовину стал прозаичным. То есть, наполовину утратил 3D видение. Попробуем еще переставить слова.

Лежит ночная мгла на холмах Грузии.

Фонетическое очарование исчезло окончательно. Строка стала не только прозаичной, но и откровенно корявой. А ведь мы не заменили в стихе ни единого слова и не изменили размера. Но колдовства уже нет. А значит, и нет смысла продолжать стихотворение. Ведь там, где кончается колдовство, начинается любительщина. Все-таки Александр Сергеевич был непревзойденным мастером по части фонетического звучания.

Для следующего примера возьмем строку из другого стихотворения, в которой нет красивого дактилического слова «Грузия».

Буря мглою небо кроет.

Налицо четырехстопный хорей, в котором в каждой стопе слово. Как говорится, нет ничего проще и бесхитростней. Но попробуем переставить слова.

Небо мглою кроет буря.

И вот уже первые потери, как по музыкальному звучанию, так и по ударной силе, хотя ударная сила строки также осталась на слове «буря», правда, она перекочевала в конец. Но силу всей строке она дает только в том случае, если стоит впереди. Попробуем еще переставить слова, и получится форменная невнятица.

Небо буря мглою кроет.

Вроде графически все правильно, но невнятному восприятию смысла придает словосочетание «Небо буря». Эти слова вместе ставить нельзя — похоже на случайный набор слов. Второе сильное слово в этой строке «кроет». Попробуем сделать его ударным.

Кроет буря небо мглою.

И снова ощущаешь фонетическую корявость, потому что словосочетание «небо мглою» сливается в одно слово и довольно туго для восприятия. А сливаются слова из-за двух твердых гласных. Чтоб они не конфликтовали — одна из гласных должна быть мягкой — «буря мглою». И вот уже все ясно по смыслу.

На этом становится понятно, что у Пушкина сочетание слов в стихах самое оптимальное и никакому улучшению не подлежат.

Так что я не преувеличил в предисловии, что стихотворные гурманы в России в начале двадцатого века могли по одной строке отличить мастерские стихи от дилетантских. Это очень важно, как в стихах расставлены слова.

Только истинный поэт может расставить их так, что площадная ругань в другой последовательности может превратиться в возвышенный слог.

Даже перестановка одного слова в строке может задать новый тон всему стихотворению. Возьмем, к примеру, строку из пушкинского стихотворения «Труд»:

Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний

И сразу настраиваешься на философское, немного прозаическое и, я бы даже сказал, несколько горбатое прочтение, поскольку вторая половина строки идет через цезуру. А все благодаря тому, что после нее ударение падает на слово «труд» через два безударных слога от слова «окончен». Но измени ударение строки, сделай его через один безударный слог, и тут же меняется не только ритм но и весь тон повествования: ритм становится более интересный из-за образовавшейся музыкальности во второй половине строки. И цезурная пауза увеличивается настолько, что строка напрашивается на разделение ее на две.

Миг вожденный настал: окончен труд мой многолетний

Как видим, последовательность и сочетание слов в стихотворение дело тонкое, и случайности здесь категорически исключены. Именно словосочетание с ритмом задают тональность поэтическому произведению, а иной раз и навязывают тему.

Что любопытно, при таком же ритмическом размере и с теми же словами можно кардинально изменить ритм стихотворения. Причем, довольно существенно. Возьмем знаменитое стихотворение Наума Гребнева «Журавли». Авторство шедевра принадлежит Расулу Гамзатову, а Гребнев, якобы, его перевел. Но это не перевод. Если быть точным — это отдельное стихотворение в подражание Гамзатову, или по мотивам. Тем, кто читал гамзатовский подстрочник к «Джигитам», то конечно увидел, как мало из того, что ото-

бразил Гребнев в «Журавлях», взято из оригинального текста дагестанского поэта. Читаем:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Сразу бросается в глаза искусственность во второй строке, которая никак невозможна в прозе: «с кровавых не пришедшие полей». Понятно, что такое корявое сочетание слеплено для того, чтобы уложиться в поэтическую напевность, заданной первой строкой. Более грамотно и более по-русски звучать должно следующим образом: «не пришедшие с кровавых полей».

Напевность исчезает, но исчезает и натянутость от неправильного словосочетания. А попробуем, в ущерб напевности прочесть стихотворение с более грамотным словосочетанием, переставив слова.

Мне кажется порою, что солдаты,
Не пришедшие с кровавых полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А в белых превратились журавлей.

Пришлось и в четвертой строке переставить слова, под обновленный ритм. И что же? Ритм получился вполне приемлемым, но более прозаичным, чем в оригинале. В стихотворении появился повествовательный тон, но исчезла поэтическая торжественность. Если в таком ритме написать его до конца, то это будет совсем другое стихотворение, хотя по смыслу останется тем же.

И таких примеров, где перестановка слов в строке напрочь меняет тон и даже смысл стихотворения, можно привести множество. Но также множество можно привести примеров, когда судьбы людей не складывались из-за незначительного нарушения ритма. Казалось бы, два талантливых человека с

равной степенью одаренности и одинаковой перспективой на бессмертие, но один остается в истории величайшим художником, а другой растворяется в небытии, словно никогда не жил и не оставлял после себя своих гениальных произведений. А причина всего лишь в том, что у одного из них события легли немного не в той последовательности, и его творческий порыв в какой-то день не совпал с общественным резонансом, или, говоря попросту, он не оказался в нужный час в нужном месте.

А Пушкин оказался. Разбудил своим звучным голосом старика Державина на выпускном экзамене, и патриарху ничего не оставалось, как заметить его. Был бы у Пушкина голос был менее звонким, то возможно бы сегодня мы не знали его в качестве солнца русской поэзии, а знали бы, к примеру, Веневи-тинова, или Вяземского, или даже Языкова. И Лермонтов оказался со своим стихотворением «Смерть поэта» на гребне волны общественного настро-ения. Напиши он его чуть попозже, а не в пик потрясения Петербурга смер-тью Пушкина, и сегодня бы в школьных учебниках не было Лермонтова, а был, может быть, Полежаев.

14

Третьим немаловажным аспектом в русской поэзии (однако не главным) является рифма. Подчеркиваю, что именно в русской. В большинстве миро-вых языках, на которых пишутся стихи, рифм не существует вообще. Нет их и в аварском языке, на котором писал Расула Гамзатов. Там есть только ал-литерации. Можно сказать, что Расула Гамзатовича в известного (и чуть ли не великого) поэта превратили талантливые переводчики. Некоторые пере-воды из Гамзатова даже язык не поворачивается назвать переводами — это практически отдельные стихи на заданную тему, но с подписью Гамзатов.

Именно рифму графоманы и поэты-любители считают главным компонен-том в написании стихов. И именно рифма, когда несет, словно взбесившаяся лошадь, ослепляет и оглушает автора, если тот не умеет владеть стихией стиха. Напротив — уже стихотворная стихия владеет им: и вот уже «лю-бовь» рифмуется с «кровью», закипающая в венах, а то и в жилах. Во вторую

очередь рифмуется «кровь и вновь». Это в том случае, когда автор вспоминает об ушедшей любви. На третьем месте «бровь». Поэт забывает даже о глазах своей возлюбленной и сразу переходит к описанию бровей, полумесяцем, ниточкой, или скобкой — не важно. «Морковь» и «свекровь» рифмы все более для шутливого любовного жанра, или даже частушечного. Словом, когда несет рифма, все очень даже предсказуемо и банально настолько, что морщишься без всякого лимона.

При этом люди, впервые срифмовавшие «кровь с любовью» словно становятся слепы. До этого человек мог умно рассуждать, высказывать интересные мысли, но стоит ему что-то написать в рифму и он уже полный глупец. Автор будто не видит, что сочинил типичную галиматью, которую стыдно произносить вслух, а не то, что с пафосом декламировать перед публикой.

Стихия рифм захватывает не только дилетантов, пробующих себя в написании стихов, но и маститых поэтов. Пушкин прекрасно об этом знал и поэтому подстраховывался, сказав, что поэзия должна быть глуповатой. Однако Иосиф Бродский доказал, что поэзия может быть умной и при этом оставаться в рамках классической школы и даже — точных рифм. Перед ним Андрей Вознесенский пытался доказать, что поэзия может быть умной. Однако при условии отхода от поэтических канонов, иначе говоря — поломав все ритмы и рифмуя, как бог на душу положит.

Но вернемся к рифмам. О полной их классификации можно прочесть в любом учебнике по стихосложению, поэтому на этом мы останавливаться не будем. В нашу задачу входит выяснить, какие рифмы снижают качество стихотворения до любительского уровня, а какие не вызывают вопросов в профессионализме.

Многие сразу набросятся на глагольные рифмы. Именно чрезмерное увлечение ими снижает уровень стихов до любительского уровня, — заявят они.

Такое суждение типично дилетантское, придуманное, вероятно, «чайниками», либо неудачливыми литературоведами. Пушкин в основном применял глагольные рифмы, а корневые использовал с большой осторожностью.

Если говорить в общем, рифмы делятся на точные и неточные. Причем, неточные рифмы бывают настолько расхлябанными, что в них едва улавливается созвучие. Разумеется, чем точнее рифма, тем крепче стихотворение, хотя самые точные рифмы — омонимические и каламбурные — могут свести стихотворение до частушечного уровня:

Наш с тобою крепкий брак
Выявил сегодня брак.

или

Вот какая ведь досада —
не дойду никак до сада.

Тем не менее, мастера обращают большое внимание на точность рифм и морщат носы на рифмы приблизительные. Когда я начал учебу в Литературном институте, наш мастер Балашов на первом же занятии сказал:

— Я знаю, что вы все гении и уже имеете книги, но давайте договоримся, что пока учитесь в нашем заведении, будете писать стихи только с точными рифмами. Потом можете писать как угодно.

Я был один из немногих, а может быть и единственным, который решил прислушаться к совету мэтра. К моменту поступления в институт мной уже было написано четыре книги стихов, и я считал себя вполне сложившимся поэтом, которому больше нечему учиться. К тому же я искренне считал, что точные рифмы ограничивают точность стихотворной мысли, хотя бы потому, что их меньше чем неточных. Тем не менее, решил попробовать, хотя до этого я не придавал большого значения точности рифм.

Не прошло и года, а я уже не представлял своих стихов без точных рифм, и случайно зарифмованное созвучие считал изъяном. Своими безукоризненными рифмами я разбаловал своих однокурсников. Помню, как они дружно набросились на меня при разборе моей подборки на семинаре, когда нашли у

меня в каком-то стихотворении всего лишь одну неточную рифму. У меня были такие строчки:

Мой милый друг, прошло двенадцать лет,
Двенадцать лет прошло, дружище Робин.
В моем окне все той же лампы свет,
И также я не зван и неугоден.

Что началось? Боже ты мой! Мои однокурсники словно сорвались с цепи. — Что это за рифма «Робин и неугоден»! — вопили они. — Для Андрия хина такая рифма позорная!

Если бы так срифмовала большая часть моих товарищей, то на это никто не обратил внимания. Но мне такое не прощалось. Я давно заметил, что чем крепче сколочено стихотворение, тем с большим остервенением набрасываются на автора. Поэтому был закален в подобных схватках. Однако рифму переделал на более точную — «неугоден» заменил на «неудобен». И она оказалась более приемлемой по смыслу.

К моему удивлению, потом, когда я дорабатывал свои старые стихи и вставлял в них точные рифмы, выяснялось, что на логику изложения это не влияло никак, а наоборот — внятность мысли становилась более безукоризненной. Позже я понял, что писание стихов каноническими размерами с точными рифмами поэту также необходимо, как ежедневные физические упражнения спортсменам, чтобы не терять форму.

Такого понятия, что все уже перерифмовал, у мастеров не существует. Подобные кризисы наблюдаются среди поэтов довольно часто. После первого приступа большая часть поэтов переходит на прозу, как перешли на нее такие мастера поэтического слова, как Иван Бунин, Владимир Набоков, Фазиль Искандер. Проживи Лермонтов еще лет пять, и мы сегодня бы уже не знали его как поэта, а знали бы как прозаика. Однако некоторые поэты упрямо продолжали писать стихи и после кризиса, нащупывая новые формы и рифмы.

В шестидесятых годах в советском поэтическом мире наблюдалась целая революция по части рифм. Тогда и началась очередная волна неприятия глагольных рифм, похожая на отрицание в начале века всей классической поэзии футуристами, когда Пушкина хотели сбросить с корабля современности. Особенно в поисках новых созвучий преуспел поэт Андрей Вознесенский.

Париж скребут. Париж парадят.
Бьют пескоструйным аппаратом

Мимо санатория
Реют мотороллеры
За рулем влюбленные
Как ангелы рублевские.

Лик ваш серебряный, как алебарда.
Жесты легки.
В вашей гостинице аляповатой
в банке спрессованы васильки.

Нужно отдать должное остроумию и находчивости Андрея Андреевича. Срифмовать так, что рифмовка бьет по мозгам и отвлекает от смысла написанного (особенно «алебарда» и «аляповатой»), тут нужно хорошо постараться.

В поэзии Вознесенского огромное разнообразие рифм. И много, кстати, точных. Но именно точные рифмы (и это видно невооруженным глазом) занесло в его стихи случайно, тогда как подавляющее большинство поэтов тратит много время и сил на их поиск. У Вознесенского все наоборот. Именно такие нелепые рифмы, как «парадят» и «аппаратом», или «санатория» и «мотороллеры» представляли для него ценность. Ведь они предавали (как он считал) неповторимую самобытность его стихам.

Конечно, такие рифмы может оценить литературовед, но читателю они вряд ли принесут эстетическое удовольствие. Да и суть стихотворения трудно воспринять, поскольку от нее отвлекают, а точнее, перебивают эти режущие ухо рифмы. Они оттягивают на себя внимание и мешают элементарному восприятию мысли.

Представьте, если бы Есенин рифмовал подобным образом, стал бы он народным поэтом?

Не краснею, не стыжусь, не хнычу
Как петрово-водкинский лошара.
Все пройдет, как мимо хряка крынка, —
Я не буду больше так кошмарить.

Позже я понял, что самое главное в рифмах. Не важно, какая она — точная, неточная, глагольная, корневая, богатая, бедная, нищая, редкая, банальная — главное, чтобы она была незаметной. Если рифма выпячивается из строки — это признак дилетантства.

У того же Вознесенского большая часть стихов написана на неточных рифмах, но эти неточности не выпячиваются, отчего стихи кажутся мастерскими, за счет бодрой энергии поэта.

Аплодировал Париж
в фестивальном дыме,
Тебе дали первый приз —
Голую богиню.

«Париж и приз», «Дыме и богине» трудно назвать не только рифмами, но и созвучиями, однако они не режут уха и не снижают пафос четверостишия неточностью рифмовки. Кстати, у Вознесенского довольно много завораживающих стихов как по музыкальности (многие ему в музыкальности отказы-

вают), так и по поэтической глубине. Вот одно из самых малоизвестных его стихотворений, но необычайное по красоте.

Где я последние дни ни присутствую,
по захоlustьям жизни забитой, —
будто находишься в устье предчувствий,
переходящем в море событий.
Всё, что оплакал, сбывается бедственно.
Ночью привидится с другом разлука.
Чувство имеет обратное действие.
Утром приедешь — нет его, друга.

Несмотря на то, что Андрей Андреевич не в полной мере выдерживает классический размер строк и дактилические рифмы сочетает с женскими (не потому что слабак, а потому что боится потерять свою «ломанную» самобытность), стихотворение завораживающее.

Рифмовать можно все, даже то, что на первый взгляд не рифмуется. Нужно только поискать. К примеру, носовский Незнайка не очень заморачивался на поиске рифмы, которую ему задал поэт Светик. Незнайка, не раздумывая, срифмовал «паклю» со «шмаклей». А что? Вполне в духе Вознесенского. Нечто аналогичным Андрей Андреевич озаглавил даже книгу — «Ямбы и блямбы». Как известно, Светик оборвал футуристический порыв Незнайки, встал, что называется, на горло песни, заявив, что рифмы к слову «пакля» не существует. А действительно ли не существует? А если поискать?

Оказывается, кроме ряда неточных рифм, таких как «пакля-цапля», существует куча точных — «пакля-сакля-терадакля», и даже диссонансная — «бинокля».

У многих такие рифмы вызовут если не снисходительную улыбку, то откровенное возмущение. «Не существует в русском языке таких слов, как терадакля, или бинокля, — скажут они. — Есть слово терадакль и бинокль».

Правильно! Таких слов не существует в именительном падеже. Но где сказано, что слова именительного падежа запрещено рифмовать в других падежах? Попробуем наскоро сочинить четверостишие с рифмой, которой не существует, со словом, которого нет:

То тяжесть тащу терадакля,
То праздную легкость харит.
Что жизнь наша? — думал я, — пакля!
Лишь тлеет она — не горит.

Не шедевр получился, но хотя бы концы сведены с концами. Словом, рифмовать можно не только слова со всеми падежными окончаниями, но даже и слоги. Нужно только проявить изобретательность. К примеру:

Но я не взял. И ты печаль-
но отвернулась спать.
Не дай печаль твоих начал
нам, Господи, познать!

Конечно, кого-то может смутить перенос слова, и он почувствует некоторую искусственность в четверостишии. Поэтому слово можно не переносить, а оставить в первой строке полностью — все равно по звуку оно будет срифмованным.

Но я не взял. И ты печально
отвернулась спать.
Не дай печаль твоих начал
нам, Господи, познать!

Как видите, в таком графическом виде никакой искусственности не просматривается.

— А чего же автор так боится искусственности? — вправе спросить читатель.

Напомню, что писание стихов — это в первую очередь движение души. А душа может быть только искренней. Никакой искусственности, рисовки, понтов, она не терпит. Выразиться в стихах коряво, но искренне, это лучше, чем выразиться красиво, но искусственно, утверждая то, во что сам не веришь. Неужели кто-то вправду думает, что лик художника Шагала у Вознесенского ассоциировался с алебардой? Как такое вообще можно представить? Подобное сравнение чисто искусственное, и пришло оно не из души, а из слов, похожих по звуку. Это гонка за звуком, а не за искренностью. «Серебряным ликом, как алибарда» можно подивиться, можно ужаснуться, можно на это рассмеяться, вытаращить глаза, покачать головой, но восхищаться таким ликом нельзя.

15

Абсолютный слух в поэзии — явление редкое. Евтушенко, вероятно, им не обладал, а если обладал, то весьма слабо, иначе не пихал бы в один сборник подлинную поэзию, которой у него не мало, и рифмованные тексты, которые трудно назвать стихами, скорее, — публицистикой. Вообще, писание стихов на злобу дня — занятие неблагодарное. Дни имеют свойство проходить, а стихи — превращаться в мусор. Многие из поэтов-шестидесятников, которые стремились быть в авангарде и презирали классическое построение стиха, сегодня забыты. И забыты заслужено, поскольку устарели настолько, что кажутся дряхлее сочинителей од Ломоносовской эпохи.

Все-таки верно говорил наш учитель Балашов: «Если появляется авангард, то уже виден арьергард». Не воспеванию современности служит поэзия, а бессмертию души. Оттого поэты традиционной школы, начиная с античных времен, выглядят сегодня современнее шестидесятников, семидесятников, восьмидесятников и новой волны начала девяностых. Где теперь вся эта куражающаяся, заносчивая шелупонь, считавшая себя поэтическим бомондом современности?

Но вернемся к абсолютному поэтическому слуху. Обладали им немногие поэты, и самый первый из них Иосиф Бродский. Уж ему-то не нужно было объяснять, что каждая поэтическая мысль требует не только своего ритма, не только своей особой рифмовки, но и своего индивидуального построения строк. Вот какую чудаковатую строфу он подобрал для стихотворения «Осенний крик ястреба».

Северозападный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалою
фермы, суслика на меже.

Как видим, рифмовка довольно редкая — первая строка рифмуется с четвертой, вторая с пятой, третья с шестой — и ритм довольно сложной. Это, практически проза, причем, довольно аскетичная, без всякой поэтической вычурности, однако ювелирно укладываемая в поэтический размер. Как известно, подавляющая часть русской поэзии уложена в четверостишии, с весьма традиционно рифмовкой — первая с третьей, вторая с четвертой. Но иногда стихотворная мысль не укладывается в четырехстрочную строфу.

Служенье Муз чего-то там не терпит.
Зато само обычно так торопит,
что по рукам бежит священный трепет
и несомненна близость Божества.
Один певец подготавливает рапорт.
Другой рождает приглушенный ропот.
А третий знает, что он сам лишь рупор,
и он срывает все цветы родства.

В этом восьмистишье первая строка рифмуется с третьей, вторая с шестой, четвертая с восьмой и пятая с седьмой. Но представьте это стихотворение с четырехстрочными строфами, и оно сразу поблекнет и потеряет индивидуальность.

Или вот пример шестистрочной строфы с более простой рифмовкой.

Вечер, остывающий от жара.

Фонари растут из тротуара,

Исторгая синеватый свет.

В теплой тишине уснули дети,

До того прекрасно все на свете,

Что меня как будто вовсе нет.

Картинка, которую дает замечательный поэт Диомид Костюрин, просто не укладывается в четверостишие. Она не укладывается даже в два четверостишия. Сама интонация требует шесть строк с подобной последовательностью рифмовки.

Но это примеры мастеров с безукоризненным поэтическим слухом. У тех поэтов, у кого со слухом неважно, даже в четверостишии не могут выбрать подходящей последовательности строк. Возьмем, к примеру, ту же Ахматову.

Я не любви твоей прошу.

Она теперь в надежном месте.

Поверь, что я твоей невесте

Ревнивых писем не пишу.

Но мудрые прими советы:

Дай ей читать мои стихи,

Дай ей хранить мои портреты,—

Ведь так любезны женихи!

В первой четверостишье все выписано идеально, и кольцевая рифма там как нельзя, кстати. Особое звучание придает четверостишию то, что первая и четвертая строки с мужским окончанием сочетается с женскими — второй и третьей. Идет как рефрен.

Однако следующее четверостишие — словно заплатка на всем стихотворении. Стих почему-то начинается с женской рифмы, что считается непростительной небрежностью даже для дилетанта, а должен начинаться с мужской, как задано в первой строфе. Тем более что дальше повествование также продолжается с чередования мужской рифмы с женской. К тому же как-то коряво по стилистике звучат фразы «дай ей читать мои стихи» и «дай ей хранить мои портреты». «Портреты», кстати, режут слух. Она что, оставила своему бывшему целую галерею? Правильнее будет сказать «давай читать» и «давай хранить», хотя точнее будет — «не запрещай читать» и «не запрещай хранить». Я не подвязывался к Анне Андреевне дорабатывать ее стихи, но классическая последовательность рифмовки в этом стихотворении хрестоматийно должна быть такой:

Но мудрый мой прими совет:
Не запрещай моих ей виршей,
И пусть портрет хранит мой бывший,
С почтеньем, как хранят обет.

За точность смысла, который имела в виду поэтесса, я поручиться не могу, да и не имел такого намерения. Я хотел только проиллюстрировать, как продолжение стихотворения должно выглядеть графически.

Два последних четверостишия Ахматова зарифмовала обычной рифмовкой — первую с третьей, вторую с четвертой. Зачем? Раз начала рифмовать кольцом, так и продолжай до конца, тем более что кольцевая рифмовка придает этому стихотворению накал. А в последней строфе кольцевое сочетание рифм делает мысль более внятной и ставит точку. Судите сами. Вот как у Ахматовой:

В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

Но если сделать концовку более точной и чуть-чуть по-лермонтовски, стихотворение обретает другой, более внятный и более драматический смысл.

В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
От счастья я не исцеляю —
Несчастьем лишь смогу помочь.

Чуть-чуть подправил (хотя подправил — громко сказано), чуть-чуть довел до классической последовательности рифмовки и стихотворение стало почти профессиональным. Почему почти? Потому что над ним еще нужно работать и убирать неточности и шероховатости. Но их убрать уже некому.

Отсюда, поэты, делайте вывод! Если вы не доведете свои стихи до совершенства при жизни, то после вашей смерти их дорабатывать будет некому. Помните, что кроме вас эту работу не сделает никто.

16

Есть еще ряд аспектов, отличающих профессионально сделанные стихи от любительских стихотворных опусов. Профессионалы никогда не используют аллитерации ради фонетического благозвучия. Только ради того, чтобы придать картине более доходчивый вид. Явления природы, например:

Люблю ГРозу в начале мая,
Когда весенний, первый ГРом,

Как бы Резвяся и иГРая,
ГРохочет в небе голубом.

В этом четверостишии нельзя не услышать звуки ГР и Р, напоминающие раскаты грома. Именно они позволяют, как в стереозвучании, услышать более объемно весенний разгул стихии. Или возьмем, к примеру, стихотворение Лермонтова.

В полдневный жар в долине ДагеСтана
С Свинцом в груди лежал недвижим я...

и в следующем четверостишии

Лежал один я на пеСке долины;
УСтупы Скал ТеСнилиСя кругом...

В этих строках нельзя не уловить выпирающий звук «с». Именно он погружает читателя в магию лермонтовского сна, и означают «сон». Или, посмотрите, как умело использует аллитерацию величайший петербургский мастер Виктор Соснора:

ХУдо им, лилиям,
ХОть и не ХОлодно,
ХОдят по горло — не ХОдят.
С белыми лирами
в озере-омуте
что-то свое ХОроводят.

Ассоциация, возникающая при звуке «хо», более чем понятна. Означает, что лилиям тяжело. Ведь всегда, когда тяжело на душе, из груди произ-

вольно выдыхается «о-хо-хо». Именно этот звук настраивает читателя на грустный и лирический лад.

В русском языке аллитерация в поэзии ключевого значения не играет, только — вспомогательное. Однако я знал многих людей, которые писали стихи ради звонких аллитераций. Разумеется, они из плеяды «чайников». Поясню, кто такие чайники, поскольку не первый раз применяю это слово. Если коротко — это вечные абитуриенты, сидящие под стенами Литературного института. Они хорошо подкованы в теории стихосложения и прекрасно знают, как нужно писать стихи. Точнее, думают, что знают. На самом деле сами они ничего стоящего не написали, иначе их приняли бы в Литературный. Усвоив, как поэтически расставлять слова и красиво вписываться в размеры, они не понимают самого основного — главное в стихах суть, а не порядок красивого словосочетания. По сути, они как дети, выстраивают кубики, но от графоманов их отличает то, что они знают, ради чего это делают, ради красивого сочетания слов (хотя и пустого), словом, ради формы, а графоманы записывают то, что приходит в голову, совершенно не понимая смысла того, что сами пишут.

Я знал одного товарища, который писал в рифму исключительно ради аллитераций, и был очень высокого мнения о себе. Как не пытался я ему объяснить, что аллитерация всего лишь приправа к блюду и ее без блюда подавать бессмысленно, мне этого не удалось. Оказался очень упертым.

«Чайников» довольно много не только среди стихотворцев, но и среди прозаиков, которые пишут целые эпопеи ради благозвучного сочетания слов в предложениях, и при этом никаких действий в их романах не происходит. Многие называют это полетом подсознания, духовной прозой и прочей белибердой. Как выпускник Литературного института могу сказать, что таких жанров, как духовная проза, или откровение подсознания, в литературе не существует, как не существует отдельных писателей подобного жанра. Есть только два вида пишущих людей — которым есть что сказать, и их называют писателями, и которым сказать нечего, но очень хочется. Это «чайники».

Однако вернемся к поэзии. Поэты с абсолютным слухом никогда не позволяют таких словосочетаний, как «но не», потому что слышится «ноне», «лишь он», потому что слышится «лишён», «с венцом», потому что слышится «с винцом» и нечто подобных. Уж чего-чего, а разночтения в стихах — это меньше всего, чего хотят поэты. Но даже великие мастера иногда делают просчеты, вызывая досаду у поклонников и мстительные улыбки у завистников. Например, лермонтовское словосочетание «с свинцом в груди» как только не обсасывали пародисты: «С винцом в груди, с винцом в желудке, а эта, батенька не шутки». Или взять Пушкина: «Слыхали ль вы за рощей глас ночной?» Читается, как обращение к львам по поводу ночного гласа.

17

Все, о чем мы говорили до этой главы, касалось правил сложения стиха, согласно которым стихотворное произведение приобретает надлежащую форму. Я знаю, что многие из тех, кто сочиняет стихи, не признают правил сочинения, полагая, что изливания души нельзя ограничивать никакими правилами. Но представьте себе, что вы играете в шахматы. И вот, убегая от шаха, вы даете вашему королю прыгнуть через фигуру буквой «г» в более безопасное место. Ваш соперник выкатывает глаза и восклицает, что это не по правилам — так король не ходит. А вы ему отвечаете:

— Мне наплевать, как ходит король! Я руководствуюсь не вашими правилами, а своими порывами души.

Но если за несоблюдение правил в игре вы рискуете прослыть шулером, и самое большое, что вам грозит — с вами больше не сядут играть, то за несоблюдение правил, к примеру, дорожного движения вас ждет наказание от штрафа до изъятия прав.

В жизни много правил, в том числе моральных, необходимость которых ни у кого не вызывает сомнения. Чем более интеллектуален человек, тем больше он склонен соблюдать правила. Пренебрегать правилами свойственно первобытному человеку. Например, современному носителю разума (даже опустившемуся маргиналу) не придет в голову вести себя так, как неан-

дертальцу. У неандертальца лоб низкий, скошен к надбровным дугам, а это означает, что у него нет никаких тормозов, потому что именно во лбу находятся извилины, отвечающие за торможение. Не имея ограничений от природы, наш первобытный друг при виде батона колбасы в витрине гастронома, может запросто расколошматить стекло, чтобы схватить продукт и немедленно заполнить им желудок. Также он может без лишних раздумий напасть на красивую женщину, чтобы на месте удовлетворить свою обезьянью похоть. В ходе эволюции сформировались устойчивые правила, которые поддерживают общественный порядок, а не индивидуальные порывы души или животные инстинкты. Сегодня поведение вне правил, хоть и побуждаемое природой, считается преступлением.

Как уже было упомянуто, для создания стихов существуют свои правила, которые (подозреваю) были придуманы даже не людьми. Так что творцам поэтического цеха их нужно соблюдать также неукоснительно, как водителям — правила дорожного движения.

— Но порядок на дорогах — это одно, — возразит умник. — Несоблюдение ПДД может привести к трагическим последствиям. А сочинение стихов — совсем другое. Это выворачивание души наизнанку. С какой стати для откровения души я должен руководствоваться этими пятью ритмами? Ведь это заключение в тиски!

Чтобы ответить на это вопрос, снова приведу пример с токарным станком. Понаблюдайте, как обрабатывает он металл. Грубую металлическую болванку с рыжими пятнами коррозии зажимают в тисках, запускают вращение, и в нее начинает врезаться резец, отсекая кудрявые стружки. Затем заряжают более тонкий резец, и этот крутящийся кусок металла, который еще пару минут назад был грубым бесформенным обрубком, на глазах начинает принимать очертание, чего-то округлого, тонкого и красивого.

Так и мысль (невнятная, размытая, примитивная) обработанная в тисках поэтического ритма, становится прекрасной. А иной раз более тонкой и осмысленной, чем пришедшая в голову в первоначальном виде. Но главное в этом процессе не стихотворный шедевр. Главное то, что во время творческих

мук творится в душе стихотворца. Кто никогда не писал стихов, тому неизвестно, в каких мирах, созвездиях и уголках мироздания пребывает в эти моменты душа. Самое удивительное, что если поэтическую мысль излагать в прозе, то таких высот душа не достигает. Потому, что только при писании стихов, по уверению Эдуарда Балашова, душу подхватывают высшие вихри и уносят очень высоко. «Кто помышлял о вышнем, того подхватит высь».

Повторюсь, главное в этом процессе не шедевр, который выходит из под пера поэта, а сам процесс. Именно во время него происходит таинство утончения души, или (говоря канцелярским языком) окультуривание, или (говоря по-библейски) избавление души от невежества.

Вот ради чего душа обязана трудиться. Здесь Николай Заболоцкий прав. Уловил основную суть поэзии. А Лев Николаевич говорил: стихи писать, все равно, что за плугом плясать. Поспешил старик с высказыванием.

18

Я знал многих людей, которых поэзия изменила в лучшую сторону. У моего друга, ульяновского поэта Василия Коробкова, были все шансы стать рецидивистом. В молодости угодил в колонию. Угодил по дурацости, да по своей молодецкой лихости. Но именно там впервые его озарило на рифмы, и он стал тайком от соседей по камере писать стихи. Его первую тетрадку стихов отобрали надзиратели при обыске.

По освобождению Василий все свои хулиганские и блатные фени отсек одним махом. Стал фанатом поэзии и человеком добрейшей души. И стихи из-под его пера выходили на редкость человеческие и удивительно мудрые, от которых становилось светло и радостно. Хотя университетов Коробков не заканчивал и свое образование по большей части получал на нарах. Василий и умер-то, можно сказать, на своем поэтическом посту — после встречи с читателями в библиотеке.

Я много наблюдал, как обращение к поэтическому творчеству преображало людей. Многих моих знакомых писание стихов изменило до неузнаваемости. Практически все мои ульяновские товарищи по поэтическому цеху были

из простых пролетарских семей. Сегодня, это передовая часть городской интеллигенции.

Впрочем, это не ново. Именно писание стихов окультурило и превратило в лучшую часть нации пролетарских поэтов. Их большевики набирали в стихотворцы прямо от станков, понимая, что движение в светлое будущее без поднятия культуры обречено на провал.

Но идем дальше. Мы пришли к заключению, что без строгой поэтической формы стихи невозможны. Сочинять их, пренебрегая правилами стихосложения, все равно, что сколачивать мебель из грубых необработанных досок.

Однако главное в стихах все же не форма, а содержание. Точнее, содержание, которое должно заключаться в этой форме. Как известно, стихи бывают разные — лирические, пейзажные, философские, гражданские и даже приключенческие, если вспомнить байроновского Дон Жуана. Самые простые для восприятия стихи — повествовательные, без всяких метафор и поэтических наслоений. Практически, это рассказанная история, но только под рифму. К примеру, пушкинская сказка «О царе Салтане», или лермонтовское «Бородино», ну и конечно гомеровская «Илиада» с «Одиссеем». Также львиную долю мировой поэзии составляют лирические стихи, где авторы рассказывают о себе, или о своем душевном настроении. При этом лириком поэт не имеет ни малейшего дела до происходящих в это время политических, военных и даже величайших исторических событий. Хоть расшибись и провалились все на свете, но «мне грустно потому, что весело тебе», и нет ничего важнее этой грусти. Точка!

К примеру, греческий поэт Ксенофан жил в очень серьезные времена, во время покорения персами греческих городов Малой Азии. Однако в стихах он ни словом не обмолвился о политике, как будто и не жил в то лихорадочное время, хотя ему приходилось бежать от персов из городка Фокеи. Такие мелочи не удостоены, чтобы их помещать в стихи. Все это частности. А стихи — это вечное. Ксенофан писал все больше о богах, об их пороках и о чем-то высоко-философском. Он даже основал свою философскую школу в горо-

де Элее. А повседневность — она и в Азии повседневность, считал древнегреческий поэт, и нечего ею захламлять высокий храм поэзии.

Среди философских стихов в мировой поэзии наиболее ценимы метафорические стихи. Только не как у Парщикова. Метафора в поэзии служит наоборот для облегчения восприятия мысли, а не ради разгадывания ребуса. В качестве примера метафорического стихотворения в школах традиционно приводится пушкинский «Арион». В нем, якобы, говорится о декабристах, а отнюдь не о гребцах на челне, которых смыло во время бури. Но Пушкин, как разъясняют школьные учителя, не мог прямо написать о декабристах из-за цензуры и опасений быть привлеченным за вольнодумство, поэтому и прибегнул к иносказательности.

Думаю, это не совсем так. Пушкин сравнил разгром декабрьского восстания с налетевшей на челн бурей отнюдь не из страха перед царем, а для того, чтобы придать этому событию более общий посыл. Или взять известное стихотворение «Изморозь». Из скромности не буду упоминать автора. На первый взгляд, оно типично пейзажное.

Это та красота, что как будто проста,
да уж очень хрупка и горда.
Только ветвь колыхнет, и ее понесет —
и уже ни на что не годна.
Это та егоза, что чарует глаза,
но попробуй к губам приложи —
только в руки возьмешь, и почувствуешь ложь,
и поймешь подноготную лжи.
Ведь не знает она ни любви, ни тепла,
и сердечный неведом ей гнет.
И беда не беда — на ладонях вода,
да и та вся сквозь пальцы уйдет.

На самом деле это метафорическое стихотворение о женщине, безумно красивой, но пустой и холодной, от которой при близком знакомстве получаешь только разочарование.

— Но почему, — возразит читатель, — нельзя было изложить прямо об этой женщине, как Лермонтов, который писал, как видел, и видел, как писал: «Она была прекрасна, как мечта», однако — «Уста без слов — любить никто не мог; Взор без огня — без запаха цветов!» К чему вся эта иносказательность с изморозью и изошрения с уходящей сквозь пальцы водой?

Все дело в том, что автор хотел провести аналогию между женской и природной красотой, которая также сиюминутна, как утренний иней на деревьях. Иными словами, не за всем, что красиво, стоит духовность, которая у людей ассоциируется с вечностью. Однако вечность — это иллюзия! Чем бездушнее красота, тем быстрее она тает от человеческого тепла, и по сути ничего не оставляет за собой, проходя сквозь пальцы.

Разумеется, все поэты видят по-своему, и ассоциации у всех разные. Бывает в некоторых стихах посыл искренний, а бывает весьма надуманный, с сильно преувеличенными страстями. К примеру, Пушкина, Лермонтова, или Есенина трудно обвинить в надуманности и преувеличении страстей. А вот Ахматова с Цветаевой этим грешили довольно ощутимо. Так сложилось, что эти две дамы ассоциируются у нас чуть ли ни с законодателями всей женской отечественной поэзии. Однако ни у той, ни у другой не наблюдается особых философских прорывов в поэтическом видении мира. Они все больше писали о своем женском — какие-то мелкие любвишки, какие-то надуманные страдания, какая-то истеричность. А между тем жизнь у обоих складывалась довольно трагично, особенно у Ахматовой. Это не шутка, когда расстреляли мужа, а сына отправили в лагеря. После таких потрясений забудешь, как писать стихи. Да разве до стихов после этого? Однако Анна Андреевна нашла в себе силы писать дальше и написала «Реквием», который в ее творчестве стоит особняком. Видимо, подсознательно чувствовала, что спущена на землю для избавления своей души от невежества.

Словом, от канонизации Ахматовой с Цветаевой складывается впечатление, что высокая поэзия с философскими глубинами не свойственна женщинам. Такое утверждение я неоднократно слышал от преподавателей Литературного института.

Но так ли это? Вот несколько строк нашей современницы, прекрасной поэтессы Юнны Мориц из ее гениального стихотворения «Галисман».

Будет вечный труд; мальчик будет муж;
Будут битвы и молитвы за спасенье душ.
Будет то, что есть миллионы лет,
Потому что быть не может с нами, чего нет.

Так просто, спокойно и мудро, без всякого лишнего пафоса сказано о прошедших и грядущих веках человечества. И всего в четырех строках. Или взять ее стихотворение Одуванчик, место которого, казалось бы, в пейзажной лирике. Однако нет. Читаешь всего лишь о том, как тычинку одуванчика несет ветер, а ощущаешь вечность, непрерывный цикл рождений в материи и воспарения душ в духовных инстанциях.

Он всегда это знал за собою,
Совершал этот путь многократно:
Из зеленого — в голубое,
И обратно, туда — и обратно!

А какие потрясающие стихи у вокалистки Одесской группы Флёр Ольги Пулатовой. Кто слышал песню «Шелкопряд», тот должен уже не мучиться вопросом о смысле жизни. Во всяком случае, когда я услышал эту песню, то ощутил глубокую досаду от того, что в молодости в поисках ответа на этот вопрос перелопатил всю античную, классическую и современную философию. Боже мой, кого я только не читал, даже Карла Маркса, не говоря уже о Гегеле и Канте. И кстати, ответа не нашел! И зачем я ломал мозги всякими

умозрительными сочинениями, типа «Теория чистого разума», когда группа Флёр всего в одной песни выразила все! Оказывается к смыслу жизни нужно подходить индивидуально, поскольку у каждого он свой, даже у червячка, не говоря уж о человеке.

Кто-то

в паутину религий попался,

Кто-то бредит пришельцами с Марса,

Я пряду свою тонкую нить.

Кто-то

открывает секрет мироздания,

Кто-то борется с твёрдостью камня,

Я пряду свою тонкую нить.

А моря

до краёв наполнялись по каплям,

Ирослись по песчинкам камни.

Вечность — это, наверное, так долго...

Мне бы только

мой крошечный вклад внести:

За короткую жизнь сплести

Хотя бы ниточку шёлка.

И в этих строках все! Кант нервно курит в сторонке. Но главное, здесь как раз тот случай, когда на метрику стиха не обращаешь никакого внимания. За глубиной мысли размер утрачивает значение.

В мировой поэзии можно найти много мудрости, много глубинных раздумий, много искренности, которая волновала авторов и затрагивала сокровенные струны у людей. Но качество мысли также бывает разной. Сравним, к примеру, Омар Хаяма с Андреем Вознесенским.

Уж лучше голодать, чем что попало есть,
Уж лучше одному, чем вместе с кем попало.

Эти две строки уже стали афоризмом. Видно, что они выжаты из души, и что это сказано о самом сокровенном, которое всегда останется в веках. Также мы верим в бесконечную искренность этого поэта и понимаем, что все, о чем он пишет, — это очень серьезно. А вот другие строки, также получившее место в мировой поэзии:

Моя бабушка — староверка,
но она —
Научно-техническая революционерка.
Кормит гормонами кабана.

Можно ли это назвать эталоном философской мысли, вымученной из самой глубины души? Можно ли в конце концов прочесть это Богу, когда предстанешь перед ним, и он попросит рассказать о самом сокровенном, что волновало тебя в земной жизни? Ответ очевиден. Это не более чем прикол, на уровне анекдота. Хотя написано очень одаренным человеком. Однако без оглядки на вечность. На кого же? На толпу!

Впрочем, справедливости ради скажу, что юмор в стихах явление редкое. И подобного рода приколы весьма допустимы и ценимы почитателями. Когда я слушаю Бориса Гребенщикова (а я его страстный поклонник), то на некоторых песнях меня прорывает на смех. Причем, на смех жизнерадостный.

Господь сказал Лазарю — мне нужен, кто-то живой,
Господь сказал Лазарю — хэй, проснись и пой!
А Лазарь сказал — я видел это в гробу
Это не жизнь, это цирк Марабу,
А ты у них фокусник-клоун, лучше двигай со мной.

Или еще круче:

Екатерина с Песков у нас считалась звезда,
Пока заезжий мордвин не перегрыз провода.
Ей было даже смешно, что он не был влюблен,
Она ела на завтрак таких, как он —
Генеральские дочки знать не знают, что значит нельзя.
А что до всех остальных, то она говорила:
— На хрена нам враги,
Когда у нас есть такие друзья?

И кто после этого скажет, что Борис Гребенщиков не гений? Потому что такая фантастическая ахиня может придти в голову только гению. У посредственных стихотворцев и самые безумные фантазии вызывают глубокую зевоту.

Короче говоря, профессиональная поэзия также не бывает однородной. Она бывает банальной и оригинальной, тоскливой и веселой, глубокой и поверхностной, здоровой и больной. Да, я не оговорился! Именно больной. Когда я прочел томик Ходасевича, то мне показалось, что я взмок от слез и от его тоскливого видения мира. Я даже заболел и долго ругал себя за то, что позволил впустить в душу всю эту его беспросветную тоску. Впрочем, допускаю, что многим тоскливые стихи — как бальзам по сердцу. Чтобы перебить в себе настроение я прочел кучу стихов, излучающих оптимизм и здоровье.

Эй, барабанщики-банщики! Эй, трубачи-трубочисты!
Сказочники, обманщики, фокусники, артисты,
Старатели, кладоискатели, суровые землепроходцы,
Любители лимонада, сами себе полководцы!
Тычьтесь, пока не поздно, мордами в мякоть арбуза!
Позванивают и побулькивают ваши веселые пуза.

В этих строках Фазиля Искандера южное солнце бьет в глаза, весело плещутся волны, беззаботно кричат дети, курлычут чайки и открывается сказочная панорама вечного детства, сравнимого разве что с беззаботной жизнью человека золотого века. И от чувства, что тот мир никуда не делся, и мы в него еще вернемся, когда закончится эта тяжелая командировка на земле, на сердце становится легко и радостно. Обожаю мастеров четвертого отжима!

Поясню, что это значит! Для вина четвертый отжим — это практически подкрашенная вода. А первый отжим — самый лучший. В поэзии все наоборот. По мнению исследователей, каждый боец поэтического фронта проходит четыре стадии в сочинении стихов. Сначала он пишет просто и плохо, затем сложно и плохо, затем — сложно и хорошо, и наконец — просто и хорошо. Наглядно все эти четыре стадии можно отследить по творчеству Пастернака. Пушкин тоже проходил эти стадии, но быстро. Еще в ученичестве. К двадцати годам он уже писал просто и хорошо. У Пастернака процесс ученичества затянулся на полжизни. Когда он наконец пришел к выводу, что писать стихи нужно проще, и самое главное в них — ясность изложения, то ему уже было порядочно лет.

Поскольку стихи — это всегда выжимание из себя, я называю их отжимом.

Эпилог

На этой, как говорится, оптимистической ноте я завершаю наш разговор о стихах. Я не ставил задачу сделать из моей книги учебник по стихосложению, а хотел лишь кратко изложить то, чего в учебниках нет. В мои скромные намерения входило поделиться своими соображениями о смысле поэзии в человеческой эволюции и дать некоторую классификацию стихам. Общий уровень сегодняшней поэзии, в которой уже почти не просматривается поэтической школы, оставляет желать лучшего. Особенно явная деградация

наблюдается в текстах современных песен. Когда-то слова к песням писали поэты, а сегодня пишут все, кому не лень.

Это отнюдь не означает, что на свете больше не рождается поэтов. Просто из-за переоценки ценностей к ним перестали относиться серьезно. Сегодня полноценным членом общества считается человек, чья платежеспособность соответствует духу времени. Теряющие активную платежеспособность (как, к примеру, пенсионеры, или люди не от мира сего) автоматически перемещаются на обочину жизни. При таком устройстве в государстве о поэтах, как о полноценных членах общества, не может быть и речи. Ведь их божественный дар перестал иметь ценность, поскольку потерял рентабельность. Распахивать души стало не в тренде. В тренде распахивать кошельки. А в народе, между тем, все больше укрепляется мнение, что высокая поэзия — умирающий жанр искусства.

Несмотря на то, что искусство стихосложения сегодня негласно отторгается государством, мнение о вырождении поэзии не более чем дремучее заблуждение, сравнимое с мракобесием. Едва ли история общества потребителей насчитает сто лет, а поэзия существует столько, сколько помнит себя человечество, и она будет сопровождать человека до последнего его дня на земле.

Что касается нерентабельности поэтического творчества (ведь именно по этой причине чиновники и похоронили поэзию), то это опять-таки заблуждение невежд. Всего полвека назад она давала государству такой доход, какой сегодня не дают военные заводы. Да-да, именно поэзия! С шестидесятых по восьмидесятые годы прошлого столетия поэтические книги издавались миллионными тиражами и сметались с прилавков в считанные часы. Поэты собирали концертные залы, дворцы культуры и спорта и даже стадионы. Один Евтушенко давал в бюджет страны прибыль как среднее промышленное предприятие. Литфонд Союза Писателей был одним из самых богатейших в СССР, и никто из поэтов не шатался по конторам с протянутой рукой в поисках спонсора.

Если сегодняшние министерские чиновники не могут поставить поэзию на коммерческие рельсы, как это делало советские руководители, то это говорит только об одном — об их чудовищной бездарности.

Серость, убогость и скудоумие стали поводами нашего общества. Это результат того, что люди перестали смотреть на мир поэтически. И в этом нет ничего удивительного. Общество перестало ценить таланты и возвело на пьедестал пафосную заурядность.

Если когда-нибудь мой скромный труд включат в школьные учебники, и въедливая учительница литературы станет допытываться от учеников, что хотел Александр Андрюхин сказать своим романом-эссе «Бездарность пепел соберет», даю прямой ответ умнику: «По сути это бунт автора против бездарности, которая прорвалась в передовые ряды человечества в девяностых годах двадцатого столетия. Элитой общества стали торгаши, которые свое презренное ремесло вознесли до небес, а людей с божественными искрами оттеснили в последние ряды. Андрюхин был единственный, кто заступился за талант, тогда как руководители страны к отчуждению одаренных граждан отнеслось с равнодушием, бросив их на произвол судьбы».

Как бы там ни было, но если отсечь материальное наслоение нашей цивилизации, которое по сути является пылью, то спросите себя честно, что ценного человеческого мы имеем сегодня при таком раскладе? Ведь человек, это в первую очередь душа, а не приложение к материальным ценностям. А талантливый человек — это больше, чем душа — это наполовину божество.

Ничего ценного мы сегодня не имеем, поскольку человеческая душа попрана ради материальной пыли. Что же мы будем иметь завтра, которое непременно вытечет из сегодняшнего дня? Тоже ничего. Потому что, как говорили римляне, из ничего получается только ничего.